
КАРЛ МАРКС

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

От Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Впервые полностью на русском языке публикуется незавершенная работа К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». В литературном и рукописном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса, в той или иной мере относящемся к России, особое место занимают работы 50-х годов XIX века. Эти произведения касаются, в числе прочего, внешней политики царизма, его международной роли и тесно примыкают к другим их трудам названного десятилетия по вопросам международных отношений в Европе и истории дипломатии. Исследованием данных проблем Маркс и Энгельс занимались в связи с соперничеством европейских держав на Ближнем Востоке и Балканах, Крымской войной, борьбой за объединение Германии и Италии, другими международными событиями 50-х годов XIX века.

Реакция, восторжествовавшая на европейском континенте после поражения революций 1848—1849 гг., препятствовала развитию рабочего движения. Но Маркс и Энгельс были уверены в неизбежности нового подъема демократических движений и освободительной борьбы пролетариата. Именно с учетом этой перспективы подходили они к оценке событий международной жизни. 2 ноября 1853 г. Маркс писал Энгельсу в связи с работой над статьями о Пальмерстоне: «Я рад, что случай заставил меня поближе ознакомиться с внешней политикой — с ее дипломатической стороной — за двадцать лет. Этот момент мы совсем упускали из виду, а ведь надо же знать, с кем приходится иметь дело»¹. Обращение Маркса и Энгельса к этой тематике имело большое значение для развития новых аспектов теории классовой борьбы, обоснования позиции пролетариата в вопросах национальном и внешней политики, определения стратегических и тактических задач пролетарской партии. Они подходили к международным событиям с точки зрения пролетариата, заинтересованного в последовательно демократическом решении коренных проблем исторического развития стран Европы, в ниспровержении реакционных режимов, укрепившихся после поражения революций 1848—1849 годов. Дипломатическую деятельность Маркс рассматривал как один из основных элементов той реакционной политики европейских держав, которая была направлена тогда против национально-освободительных, демократических и революционных движений. Таковую ее роль красноречиво доказали идеология и практика Священного союза, подавление революций 1848—1849 годов.

Буржуазно-аристократической Англии, бонапартистской Франции, царской России, реакционным правительствам Австрии и Пруссии —

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28, с. 259.

этим пяти державам Маркс противопоставлял «шестую и величайшую из европейских держав» — Революцию². Исследования тех лет позволили Марксу уже в период, когда буржуазные национально-освободительные движения в Европе еще составляли важнейшее содержание исторического процесса, сделать вывод о необходимости самостоятельной внешнеполитической линии рабочего класса, которая должна стать частью его освободительной борьбы. Этот вывод был зафиксирован им в Учредительном манифесте I Интернационала в 1864 году. Одну из обязанностей пролетариата Маркс видел в том, чтобы «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами»³.

К числу работ, в которых Маркс рассматривал историю европейской внешней политики и дипломатии, относятся также «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», представляющие собой вводную часть оставшегося незавершенным труда по истории англо-русских отношений в XVIII веке. Еще в памфлете Маркса «Лорд Пальмерстон» (1853 г.) и ряде его статей периода Крымской войны содержалась мысль о русофильском характере внешней политики правящих кругов Великобритании. В конце 1855 г. Маркс пришел к выводу о преимущественности английской политики в этом вопросе с XVIII века⁴. А идея написать историю русско-английских отношений в XVIII в. возникла у него в начале 1856 г. после ознакомления в Британском музее с принадлежавшей английскому историку и мемуаристу У. Коксу коллекцией неопубликованных дипломатических документов XVIII в. и памфлетов, главным образом времен Северной войны 1700—1721 годов. «При просмотре находящихся в Британском музее дипломатических рукописей,— писал Маркс позднее,— я нашел ряд английских документов, которые относятся к периоду от эпохи Петра Великого до конца XVIII столетия и обнаруживают постоянное тайное сотрудничество лондонского и петербургского кабинетов, причем эпоха Петра Великого представляется начальным моментом этих отношений»⁵.

Первоначально Маркс намеревался опубликовать некоторые из этих документов со своими комментариями в американском журнале «Putnam's Monthly Magazine», но затем решил разработать тему более широко и написать большую (до 20 печ. листов) работу по истории англо-русских отношений в XVIII веке. Для этого он изучил рукописные материалы, памфлеты, брошюры и другие издания XVIII в., публикации дипломатических документов и дипломатической переписки, мемуары, другие источники, а также многочисленные работы по истории Англии, России, ряда славянских народов, скандинавских стран, международных отношений. Подготовительные материалы (выписки, конспекты, замечания) к задуманной работе занимают четыре эксцерптные тетради; конспекты некоторых работ содержатся в других тетрадях Маркса. Он использовал также уже известные ему ранее источники.

Переговоры об издании книги, которые Маркс вел с немецким издателем в Лондоне Н. Трюбнером, не увенчались успехом. Других издателей тоже найти не удалось, и Маркс решил начать публикацию своего труда в одной из газет, издававшихся сторонниками английского консервативного публициста Д. Уркарта, который находился в оппозиции к правительству Великобритании и энергично критиковал его внешнюю политику. Маркс ранее изредка уже выступал на страницах этих газет, хотя всегда при этом решительно отмежевывался от антидемократ-

² См. там же. Т. 10, с. 5—6.

³ Там же. Т. 16, с. 11.

⁴ См. там же. Т. 11, с. 606—609.

⁵ Там же. Т. 14, с. 486.

тических взглядов Уркарта. Именно политическая позиция последнего заставила Маркса долго колебаться, прежде чем отдать в его руки свою работу. «Если Уркарт,— писал он Энгельсу,— выступит со своими контр-революционными целями таким образом, что сотрудничество скомпрометирует меня в глазах здешних революционеров, то... я, разумеется, должен буду дать отрицательный ответ»⁶.

«Разоблачения дипломатической истории XVIII века», которые Маркс писал в июне 1856—марте 1857 г., начали печататься в газете уркартистов «Sheffield Free Press» с конца июня 1856 года. Но вследствие вмешательства редакции, которая произвольно сокращала текст без согласия Маркса, он прекратил публикацию и передал работу другому уркартистскому органу—лондонскому еженедельнику «Free Press», где она и шла уже без купюр (по мере поступления текста от автора) с 16 августа 1856 г. по 1 апреля 1857 года. «Разоблачения» представляют собой, по словам самого Маркса, лишь Введение к задуманной им работе. Оно состоит из пяти глав, значительную часть которых составляют документы. В гл. I использованы донесения, письма дипломатов и других английских представителей в Петербурге с середины 30-х годов и до самого конца XVIII века. Они относятся к русско-турецкой войне 1735—1739 гг., дипломатической деятельности европейских держав после Семилетней войны 1756—1763 гг., войне Англии против североамериканских колоний 1775—1783 гг. и всему царствованию Павла I. Документы обстоятельно прокомментированы Марксом. В гл. II, III и V Маркс включил, целиком или в обширных выдержках, антирусские памфлеты времен Северной войны. Наконец, гл. IV посвящена краткому обзору истории Русского государства от первых Рюриковичей до Ивана III.

Эту особенность Введения Маркс объяснял следующим образом: «В противоположность обычной манере писателей-историков, я начну эту работу не с общих рассуждений, а с фактов»⁷. Он считал, что документы «составят более красноречивое введение», цель которого он видел «не столько в том, чтобы дать новые мысли по поводу хорошо известных материалов, сколько в том, чтобы дать новые материалы для нового освещения истории»⁸ отношений между Англией и Россией в XVIII в., вскрыть исторические корни и движущие мотивы внешней политики этих держав, оказывавших затем в XIX в. решающее влияние на международную обстановку в Европе. По-видимому, это «новое освещение истории» должно было составить содержание основных разделов задуманной книги.

Сейчас трудно сказать, почему первоначальный замысел остался не реализованным в той форме, как был задуман автором. Возможно, здесь сказалось влияние ряда обстоятельств: болезнь Маркса, сложности, возникшие в его отношениях с «Free Press», потребность более глубокого осмысления собранного материала. Но для этого у него уже не было времени, так как с января 1857 г. Маркс приступил к работе над экономическими рукописями 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») ⁹. Поскольку замысел «Разоблачений» был осуществлен не полностью, то и проблемы, которые Маркс намеревался поднять в своем сочинении, остались неразработанными.

Однако и в существующем виде эта работа представляет большой интерес для постижения не только сути исторических событий, но и марксова метода исследования. «Чтобы понять определенную историческую эпоху,—пишет он в «Разоблачениях»,—мы должны выйти за ее пределы и сравнить ее с другими историческими периодами. Чтобы су-

⁶ Там же. Т. 29, с. 51.

⁷ Там же, с. 438.

⁸ Там же, с. 438, 441.

⁹ См. там же. Т. 46, чч. I—II.

дить о правительствах и их действиях, мы должны оценивать их с точки зрения того времени и понятий их современников». Отсюда такое внимание Маркса к документам, к реалиям определенной эпохи.

Дипломатию, вообще внешнюю политику Маркс относил к сфере политической надстройки, определяемой в конечном счете экономическим строем. В незавершенной работе «Брошюры Б. Бауэра о коллизии с Россией», которую Маркс писал в январе 1857 г.¹⁰, то есть одновременно с «Разоблачениями», показаны некоторые особенности формирования дипломатических отношений эпохи капитализма, отмечается живучесть традиций, унаследованных от феодализма. Маркс подчеркивал, что «общество с современным способом производства нуждается в других международных отношениях, чем феодальное»¹¹. В «Разоблачениях» он пишет, что для буржуазии отечество там, где она получает «со своих капиталов наиболее высокие доходы», и показывает зависимость дипломатической практики буржуазных государств от погони за прибылью.

Как и в предшествующих работах о политике правящих классов Великобритании, в «Разоблачениях» Маркс стремился показать, что английская олигархия столь же враждебна революционным и национально-освободительным движениям в Европе, как и царизм. Но данное сочинение раскрывает и в более широком плане сущность дипломатии господствующих классов: ее антинародную направленность, подчинение корыстным целям правящей верхушки, явное и тайное содействие (в собственных интересах) агрессивным действиям других держав и пр.

Однако «Разоблачения» писались Марксом не только как историческое исследование, но и как памфлет, в котором чувствуются политические события недавно закончившейся Крымской войны. Вероятно, поэтому, справедливо отмечая реакционный характер устремлений английской правящей олигархии и царизма, Маркс допускает известную односторонность в оценке внешней политики Лондона. Кроме того, он оставил в стороне разнообразие факторов, определявших внешнюю политику и Великобританию, и России и не сводимых в реальной действительности лишь к их двусторонним отношениям.

В еще большей степени подобная односторонность определялась тенденциозным характером использованных Марксом памфлетов, писем и донесений, в которых ярко отразилась острая политическая борьба за экономические выгоды и власть между двумя группировками английских правящих классов — вигами и тори. Во Введении Маркс, стремясь судить о правительствах и их действиях «с точки зрения того времени и понятий их современников», приводит три антирусских памфлета, в которых подвергаются критике политика России и деятели, заподозренные в «потоврстве» деяниям Петра I. Маркс здесь «не дает слова» оппонентам, хотя в его эксцерптных тетрадах содержатся также противоположные суждения других авторов.

Что же касается самой истории России (гл. IV и замечания в других главах, особенно в I и V), то точка зрения Маркса на нее в значительной степени определялась уровнем литературы, находившейся в его распоряжении. При изучении истории России Маркс, тогда еще не владевший русским языком, пользовался работами немецких, французских, отчасти английских историков. В четырех тетрадах выписок, сделанных им при подготовке «Разоблачений», содержатся конспекты или упоминания книг Х. Вебера, Н. Ф. Эверса, Й. Добровского, Ф. Г. Эйххофа, Ф. Х. Шлоссера¹², А. Л. Шлёцера, Мотли, Бакмайсте-

¹⁰ См. там же, Т. 44, с. 261—273.

¹¹ Там же, с. 270.

¹² Маркс сделал выписки из т. 3 английского издания работы Шлоссера «История 18 века»; они охватывают 1699—1721 гг. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, од. 1, ед. хр. 965, лл. 33—44).

ра, многих других авторов. По работам западноевропейских историков Маркс знал об исследованиях Н. М. Карамзина. Наиболее подробные выписки Маркс сделал о царствовании Петра I, предыстории Северной войны, позиции воюющих держав и других стран, вовлеченных в этот конфликт. Из огромного количества выписок Маркс использовал в «Разоблачениях» сравнительно небольшую часть. Остальные, видимо, должны были послужить фактическим материалом для основных глав задуманного труда.

Эти сочинения западных авторов неравноценны. Одни (например, исследования Шлоссера, Эверса) отвечали тогдашнему уровню исторической науки. Другие (например, Ф. Сегюр «История России и Петра Великого») тогда же устарели. Между тем именно книга Сегюра, не являвшаяся самостоятельным исследованием, послужила Марксу фактической основой для изложения русской истории в гл. IV «Разоблачений»¹³.

Можно предположить знакомство Маркса с герценовской концепцией исторического развития России, изложенной, в частности, в работе «О развитии революционных идей в России». Дело в том, что занятия Маркса историей англо-русских отношений, как и внешней политикой вообще, были тесно связаны с работой Энгельса над серией статей о панславизме. Для этой серии, над которой Энгельс работал в первой половине 1856 г., Маркс просматривал литературу в Британском музее с января 1856 года¹⁴. К этому времени Энгельс изучил практически все важнейшие работы Герцена, написанные им после поражения революций 1848—1849 гг., и, по-видимому, подверг их обстоятельному разбору в своих статьях. Серия этих статей так и не была опубликована в газете «New York Tribune», для которой она предназначалась. Рукописи не сохранились, но существуют тезисы, явившиеся, вероятно, основой данной работы Энгельса и позволяющие в какой-то мере судить о ее содержании. Маркс же, как он сам сообщает, не только был первым читателем работы Энгельса, но и использовал целиком одну из его статей в гл. V «Разоблачений»¹⁵.

Маркс определяет написанное им в «Разоблачениях» о России как «предварительные замечания относительно общей истории русской политики». Он рассматривает здесь внешнеполитические события от эпохи Киевской Руси до времени Петра I и его наследников, опустив события XVI—XVII веков. Такая концентрация внимания только на некоторых внешнеполитических аспектах истории России, совершенно не касаясь ее внутренней истории (социально-экономических отношений, расстановки классовых и политических сил и пр.), была продиктована задачами задуманного труда. Однако это привело к определенной пристрастности оценок, недостаточной объективности некоторых суждений, искажению многомерной картины исторического развития страны и ее внешней политики. Поэтому отдельные положения «Разоблачений» (сведения причин освобождения от монголо-татарского ига к дипломатическим усилиям московских князей, суждения об «антиморском» характере славянской расы и пр.) не соответствуют современному уровню исторической науки и нуждаются в критическом осмыслении.

Первостепенное значение имеет методологический подход Маркса в «Разоблачениях» к изучению истории. Прошлое Российского государства рассматривается в общем контексте европейской истории. Маркс подчеркивает, что события эпохи раннего феодализма, расширение рус-

¹³ Конспект был сделан Марксом в январе 1857 г., в эксерцитной тетради вслед за наброском работы «Брошюры Б. Бауэра о коллизии с Россией» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1001). 4 и 18 февраля гл. IV, практически целиком построенная на этом конспекте, была опубликована во «Free Press». Конспект книги Сегюра был доведен Марксом до 1899 года.

¹⁴ Именно тогда он попалкнулся на коллекцию Рокса (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29, с. 1, 12—17).

¹⁵ Там же, с. 99, 554, 567.

ской территории и феодальные междоусобицы определялись в конечном счете теми же закономерностями, которые были присущи раннефеодальным государствам Западной Европы: «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, прибалтийских поселений, Турции и самой Московии». На примере Киевской Руси Маркс показывает причины и неизбежность распада крупных государственных образований раннего средневековья: «Нескладная, громоздкая и скороспелая империя, сколоченная Рюриковичами, подобно другим империям аналогичного происхождения, распалась на уделы, делилась и дробилась между потомками завоевателей, терзалась феодальными войнами, раздиралась на части чужеземными народами, вторгавшимися в ее пределы».

Значительное место Маркс уделяет роли норманнского завоевания в образовании Киевской Руси. Норманнская концепция получила широкое хождение в XIX в. не только в России, но и на Западе (благодаря работам Шлёцера, а особенно «Истории Государства Российского» Карамзина, переведенной в первой четверти XIX в. почти на все западно-европейские языки). Освещение роли варягов в создании государственности на Руси явилось для Маркса лишь иллюстрацией к разрабатывавшемуся им в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» положению о значении «торговых народов» в развитии отношений обращения и обмена. Их историческая роль определялась тем, что на ранней стадии развития производительных сил они вовлекали в регулярную торговлю «производящие народы». Такую роль, по мнению Маркса, играли «по отношению почти ко всем европейским народам», в частности, норманны¹⁶. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что разработка этой концепции в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» практически совпадает по времени с подготовкой «Разоблачений».

Маркс рассматривает норманнские завоевания как этап в развитии всей Европы. Он отмечает, что «в отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы». Государственность Руси, равно как государственные образования у любого народа, возникала на основе внутренних предпосылок — достаточного уровня развития социально-экономических отношений, кризиса первобытнообщинного строя, уже наметившегося классового деления у восточнославянских племен. Варяжские дружины и их завоевания могли лишь способствовать ускорению формообразования государственных институтов. Как и на Западе, в Киевской Руси норманны нередко выступали в качестве наемников, на которых опиралась княжеская власть. Соприкосновение варягов с местным земледельческим населением вскоре привело к отмеченному Марксом быстрому смешению норманнских завоевателей со славянами, о чем свидетельствуют «их браки и их имена».

По-видимому, незавершенностью работы объясняется недооценка Марксом иных (кроме норманнского и ордынского) внешнеполитических влияний, среди которых первое место принадлежит византийскому с его православной церковью и высокой культурой. Формирование идеологического единства Киевской Руси в религиозной форме православия и некоторые другие факторы обусловили тесную преемственную связь между распавшимся в феодальных междоусобицах Киевским государством и возникшим после освобождения от монгольского ига Московским. «Православное вероисповедание, — писал Маркс, — служило одним из самых сильных орудий» Ивана III для укрепления государственного единства и монархии на Руси.

¹⁶ Там же. Т. 46, ч. I, с. 204.

Яркую характеристику Маркс дает пережитой русским народом трагедии монгольского нашествия и его последствий. Ордынское иго «не только подавляло, но и унижало и иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой». Маркс проводит параллель между действиями монгольских завоевателей в XIII—XIV вв. и политикой правящих классов Англии и Италии, из-за которой «обезлюдели горные области Шотландии и римская Кампанья». В «Разоблачениях» налицо четкая констатация того, что Русь стала преградой на пути монгольских завоеваний, «своего рода барьером и заслоном от неверных», как говорится в документе, приведенном Марксом.

Большой интерес представляют замечания Маркса о политике великих князей Московских, их борьбе за объединение русских земель, процессе формирования централизованной монархии в России, таких присущих абсолютизму методах правления, как деспотизм, вероломство, использование распри между противниками. Он уделяет много внимания особенностям формирования Русского централизованного государства, «стиснутого между татарами и литовцами» и вынужденного бороться не только с набегами ордынцев, но и с захватами Литвою «русских уделов с запада».

В выписках Маркса и в самих «Разоблачениях» первостепенное внимание уделяется внешней политике Петра I и его преобразовательной деятельности. Считая Петра Великого творцом современной политики России, Маркс преувеличивал наличие в ней «монгольских черт». Еще в 1908 г. первый исследователь этой работы Маркса Д. Б. Рязанов отмечал, что политика Петра определялась потребностями внутреннего социально-экономического развития Российского государства, а не «монгольскими чертами» политики Ивана III¹⁷. Сами документы, использованные Марксом, свидетельствуют о том, что Петру I приходилось бороться за осуществление планов превращения России в морскую державу, опираясь на ненадежных союзников. Этот царь понимал, что они «готовы пожертвовать им, как только... добьются принятия своих собственных условий». Маркс рисует сложную фигуру первого российского императора: в его деятельности наряду с чертами самодержавного деспотизма и жестокости он отмечает смелость государственной политики, настойчивость при осуществлении цели превратить «Московию в Россию».

Замечания Маркса по истории России в «Разоблачениях» представляют собой часть общей его концепции всемирной истории. Это — первая его попытка осмыслить в общих чертах своеобразие исторического развития страны и ее место в системе международных отношений, начиная с эпохи раннего феодализма, выявить корни завоевательной политики царизма, методов его дипломатии. Работа над «Разоблачениями» послужила известной основой для последующего изучения прошлого и настоящего России, исследования ее социально-экономического развития. Это привело Маркса, как и Энгельса, к более глубокому и всестороннему пониманию процессов, происходивших в России в последующие десятилетия. Серьезные изменения, которые происходили в экономике и общественной жизни России после Крымской войны и привели в конце 50-х годов XIX в. к резкому обострению внутренних противоречий в стране, не могли остаться вне поля зрения Маркса и Энгельса. Ранее их внимание привлекало международное влияние царского самодержавия, что было совершенно естественно, если вспомнить о той реакционной роли, которую сыграл царизм в создании Священного союза, установлении реакционных режимов в Европе после наполеоновских войн и особенно в подавлении революции 1848—1849 гг. в Венгрии. Теперь же

¹⁷ Рязанов Д. Б. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. В кн.: Очерки по истории марксизма. М. 1923, с. 543, 570.

они обращаются в первую очередь к внутреннему развитию страны. В начавшемся пробуждении крестьянских масс, антикрепостнические выступления которых приняли широкий масштаб, Маркс увидел силу, способную положить конец реакционной роли царского самодержавия на международной арене. 29 апреля 1858 г. он писал Энгельсу: «Движение за освобождение крепостных в России кажется мне важным, поскольку оно знаменует начало в стране внутренней истории, которая может встать поперек дороги ее традиционной внешней политике»¹⁸.

Уже во второй половине 1858 г. Маркс отмечал, что внутреннее развитие России, и прежде всего заметное усиление массовых крестьянских волнений, свидетельствовало о появлении наряду с официальной Россией помещиков-крепостников новой, революционной России, которая является потенциальным союзником революционного движения в Западной Европе. Если в 1848–1849 гг. царизм был одной из главных реакционных сил, сдерживавших напор революций, то в настоящее время у России «под ногами накопился горячий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться»¹⁹. С этого времени, особенно после отмены крепостного права в 1861 г., Маркс и Энгельс уделяли все большее внимание изучению социально-экономического развития России и борьбе русских революционеров против самодержавия.

Некоторые положения «Разоблачений» подверглись позднее переоценке в статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», в какой-то мере подводившей итог занятиям его и Маркса в этой сфере. Энгельс отказался в ней от тезисов о «монгольских чертах» внешней политики России и русофильстве политики Лондона как якобы главной проблеме для понимания дипломатической истории XVIII века. Он подчеркнул, что царская дипломатия, во многом обеспечившая роль империи Романовых как оплота европейской реакции на международной арене XIX в., имеет теперь внутри страны грозного противника в лице быстро набирающего силу революционного движения, которому ненавистны антинародные внешнеполитические цели самодержавной власти, «и русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово»²⁰.

* * *

При жизни Маркса и Энгельса «Разоблачения» более не публиковались. После смерти Энгельса это произведение было подготовлено к печати дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвелинг и вышло в свет уже после ее смерти (Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. Lnd. 1899). В этом издании приводимый Марксом памфлет «Оборонительный договор» был выделен в особую главу, так что в отличие от прижизненной публикации тут оказалось не пять, а шесть глав. Кроме того, была опущена часть гл. V (в оригинале — IV).

На языке оригинала «Разоблачения» были изданы в 1969 г. в Лондоне и Нью-Йорке, в переводе на французский — в 1954 г., на немецкий — в 1960, 1977 и 1981 гг., на польский — в 1967 г., на итальянский — в 1977 г., существует также перевод на китайский. Все эти публикации, как правило, воспроизводят текст Маркса по изданию 1899 г., восстанавливая опущенные в нем заключительные страницы гл. V (в оригинале — IV). Комментарии в некоторых из этих публикаций имеют тенденциозный характер.

На русском языке «Разоблачения» целиком ранее не публиковались. Обширные выдержки из них были приведены Д. Б. Рязановым в статье

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29, с. 267.

¹⁹ Там же. Т. 12, с. 520.

²⁰ Там же. Т. 22, с. 47.

1908 г. «Англо-русские отношения в оценке Карла Маркса», напечатанной в 1909 г. на немецком языке в приложении к журналу «Die Neue Zeit» и несколько раз издававшейся затем на русском языке в СССР. Краткие выдержки из «Разоблачений» приводились в ряде работ советских историков. В русском переводе эта работа готовилась к печати в ИМЛ во второй половине 50-х годов (текст — Н. Н. Иванов, примечания — Е. Г. Светланова и Ф. Г. Рябов), но подготовка не была тогда завершена.

Специальных исследований данного произведения Маркса, помимо содержательной, но не бесспорной статьи Рязанова, нет. Последняя достаточно развернутая оценка «Разоблачений» была дана в книге «Карл Маркс. Биография» (М. 1970, с. 330—334).

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС совместно с издательствами «Прогресс», «Lawrence and Wishart» и «International Publishers» опубликовал «Разоблачения» на языке оригинала в т. 15 Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке в 1986 г. (подготовители — В. А. Смирнова, Б. Г. Тартаковский). В основу данной публикации положен текст из «Free Press». Приведенные Марксом выдержки из памфлетов и других документов сверены с их подлинными текстами, часть которых (в копиях) любезно предоставлена ИМЛ лондонским Британским музеем. Некоторые неточности, главным образом в датах, исправлены здесь без оговорок. В гл. I сохранена нумерация примечаний, сделанная самим Марксом либо по предложению «Free Press»²¹. В остальных главах примечания Маркса оформлены по образцу первой. Номера примечаний Маркса в отличие от редакционных даны в круглых скобках.

«Разоблачения дипломатической истории XVIII века» Маркса и его выписки к этой работе будут опубликованы в т. XVII «Архива Маркса и Энгельса».

Публикация подготовлена В. А. Смирновой и Б. Г. Тартаковским при участии А. Ю. Зубкова. Консультанты — Л. И. Гольман, Н. Ю. Колпинский, Л. А. Някифоров и Н. И. Павленко.

²¹ См. там же. Т. 29, с. 440, 616.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
№ 1. Г-н Рондо — Горацио Уолполу¹

Петербург, 17 августа 1736 г. (1)

...«Я всей душой желаю,.. чтобы удалось убедить турок уступить и сделать первый шаг, потому что здешний двор, как видно, решил оставаться глухим ко всему до тех пор, пока это не произойдет, и унижать Порту, которая всегда отзывалась о русских с величайшим презрением, чего царица³ и теперешние ее министры не могут переносить. Вместо благодарности сэру Эверарду Фокнеру и г-ну Калкуну* (первый является английским, второй голландским послом в Константинополе) за сообщение о добрых намерениях турок, граф Остерман⁴ отказывается верить в искренность Порты, и он был, по-видимому, весьма поражен тем, что они написали им (русскому кабинету) без повеления короля** и Генеральных Штатов, и помимо желания великого визиря*** и что их письмо не было согласовано с посланником**** императора***** в Константинополе... Я познакомил графа Биропа⁵ и графа Остермана с двумя письмами великого визиря к королю и в то же время сказал этим джентльменам, что, поскольку в письмах содержится ряд резких суждений о русском дворе, я не передал бы эти письма, если бы они сами не жаждали так увидеть их. Граф Бирон сказал, что это не имеет значения, так как они привыкли к такому отношению со стороны турок. Я выразил пожелание, чтобы их превосходительства не сообщали Порте, что они видели эти письма, так как это скорее ухудшило бы положение дел, чем способствовало его улучшению...».

* В газете ошибочно: Тальману. Исправлено по публикации письма в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 80. СПб. 1892, с. 14). *Ред.*

** английского короля Георга II. (1727—1760). *Ред.*

*** Эссеида Мохаммеда Силихдара. *Ред.*

**** Тальманом. *Ред.*

***** императора Священной Римской империи Карла VI (1711—1740). *Ред.*

(1) Это письмо относится ко времени войны против Турции, начатой императрицей Анной в 1735 году. Английский дипломат в С.-Петербурге сообщает о своих попытках побудить Россию заключить мир с турками². Пропущенные места не относятся к делу.

№ 2. Сэр Джордж Макартни — графу Сэндвичу⁶

С.-Петербург, 1(12) марта 1765 г.

«Весьма секретно (2)

...Вчера г-д Панин (3) и вице-канцлер⁸ вместе с датским посланником г-ном Остеном подписали договор о союзе между здешним и копенгагенским дворами. Согласно одной из статей война с Турцией сделана casus foederis* и, когда бы это ни произошло, Дания обязуется выплачивать России субсидию в 500 000 рублей рег аппим** равными взносами каждую четверть года. В самой секретнейшей статье Дания обещает также отказаться от всяких связей с Францией, испрашивая только ограниченный срок, чтобы попытаться получить следуемые ей долги французского двора. Во всяком случае, она должна немедленно поддерживать все намерения России и Швеции и действовать в этом королевстве в полном согласии с Россией, хотя и не открыто. Либо я введен в заблуждение, либо г-н Гросс (4) неправильно понял свои инструкции, когда он сказал Вашей светлости, что Россия намерена устранить и возложить всю тяжесть расходов в Швеции на Англию. Как бы ни желал здешний двор, чтобы мы оплачивали значительную часть всех денежных обязательств, однако, я убежден, он всегда предпочтет играть первенствующую роль в Стокгольме. Намерением и горячим желанием России являются совместные действия с Англией и с Данией, чтобы совершенно уничтожить там французское влияние. Это, конечно, не может быть сделано без значительных расходов; но Россия в настоящее время, по-видимому, не столь безрассудна, чтобы ожидать от нас полной их оплаты. Мне наметкнули, что с нашей стороны было бы достаточно 1500 фунтов стерлингов рег аппим, чтобы поддержать наше влияние и полностью воспрепятствовать французам когда-либо вновь проникнуть в Стокгольм.

Шведы, чрезвычайно чувствительные к зависимому положению, в котором они находились много лет⁹, и весьма униженные им, в высшей мере подозрительно относятся ко всякой державе, которая вмешивается в их дела, и в частности к

* буквально: «случае союза», т. е. моментом, когда должны вступить в силу союзнические обязательства (латин.). *Ред.*

** в год (латин.). *Ред.*

своим соседям — русским. По этой причине, как мне объяснили, здешний двор и желает, чтобы мы и они действовали на самостоятельных началах, сохраняя, однако, полное доверие между нашими посланниками. Мы должны прежде всего позаботиться о том, чтобы не создавать каких-либо партий под названием английской или русской, но, поскольку даже самые умные люди обманываются простым названием, нам надо стремиться к тому, чтобы наши друзья слыли друзьями свободы и независимости. В настоящий момент мы имеем преимущество, и большая часть нации убедилась в том, сколь пагубными для ее истинных интересов были связи с Францией и насколько губительными для них эти связи оказались бы, если бы продолжались и впредь. Г-н Панин ни в коем случае не желает ни малейших изменений в конституции Швеции (5). Он хотел бы, чтобы королевская власть была сохранена без ее усиления, чтобы привилегии народа существовали и впредь и не нарушались. Он, однако, несколько боялся честолюбивой и склонной к интригам натуры королевы¹¹, но высокая бдительность графа Остермана как посланника теперь совершенно рассеяла его опасения на этот счет.

При помощи этого нового союза с Данией и успехов в Швеции, в которых здешний двор, при условии получения должной поддержки, не сомневается, г-н Панин до некоторой степени осуществит свой великий план объединения северных держав (6). Тогда нужно будет только заключить договор о союзе с Великобританией, чтобы это объединение было вполне завершено. Я убежден, что таково самое горячее желание здешнего двора. Императрица не раз высказывала это в самых определенных выражениях. Посредством такого союза она стремится создать некоторый противовес Фамильному пакту (7) и расстроить по мере возможности все планы венского и версальского дворов, против которых она необычайно раздражена и озлоблена. Однако я не скрою от Вашей светлости, что мы не можем рассчитывать на подобный союз, если не согласимся на какую-либо секретную статью о субсидии на случай войны с турками, ибо от нас потребуют денег только в этом крайнем случае. Я лишь себя надеждой, что убедил здешний двор в том, что неблагоприятно ожидать какой-либо субсидии в мирное время и что союз на равных началах будет надежнее и почетнее для обоих народов. Я могу заверить Вашу светлость, что *sine qua non* * всяких переговоров, которые нам, возможно, придется начать со здешним двором, является включение в текст договора или в какую-нибудь секретную статью пункта о том, что война с Турцией представит собой *casus foederis*. Настойчивость г-на Панина в этом вопросе объясняется случаем, о котором я сейчас расскажу. При обсуждении договора между императором и прусским королем граф Бестужев, смертельный враг последнего, предложил пункт о Турции, убежденный в том, что прусский король никогда на него не согласится, и льстя себя надеждой расстроить переговоры в результате его отказа¹². Но, как видно, этот старый политик ошибся в своих расчетах, так как его величество тотчас же согласился на это предложение, если Россия будет заключать союзы с другими державами лишь на тех же самых условиях (8). Это — действительный факт, и в подтверждение его через несколько дней меня посетил прусский посланник граф Сольмс и сказал мне, что если здешний двор намерен заключить союз с нашим без такого пункта, то ему предписано самым решительным образом противиться этому. Мне намекнули, что если Великобритания будет менее непреклонна в отношении этой статьи, то Россия будет менее непреклонна в отношении статьи о вывозных пошлинах в торговом договоре, от которого здешний двор, как говорил Вашей светлости г-н Гросс, никогда не отступит. Вместе с тем лицо, пользующееся величайшим доверием г-на Панина, заверило меня, что если мы заключим договор о союзе, то торговый договор пройдет вместе с ним *passibus aequis* **, что тогда этот последний будет совершенно изъят из ведения Коммерц-коллегии, где имело место столько придирок и препирательств, и будет согласован лишь между министром и мною, и что это лицо уверено, что мы будем удовлетворены условиями торгового договора, если только пункт о Турции будет вклю-

(2) Англия в то время вела переговоры о торговом договоре с Россией.

(3) До сих пор среди историков остается спорным вопрос, был Панин на жалование у Фридриха II Прусского или нет, а если был, то делалось это за спиной Екатерины⁷ или по ее приказу. Не может быть никакого сомнения, что Екатерина II разрешала русским министрам для вида действовать в интересах иностранных дворов с тем, чтобы эти дворы действовали в интересах русских министров. Что же касается, в частности, Панина, то это подтверждается подлинным документом, который, как мы полагаем, никогда не был опубликован. Этот документ доказывает, что, поступив на службу к Фридриху II, Панин вынужден был оставаться на ней, рискуя своей честью, состоянием и жизнью.

(4) — русский посланник в Лондоне.

* *Conditio sine qua non* — неременным условием (латин.). *Ред.*

** буквально: «ровными шагами», то есть гладко, без препятствий (латин.). *Ред.*

чен в договор о союзе. Мне также было сказано, что в случае нападения испанцев на Португалию мы сможем иметь за наш счет 15 000 русских для посылки туда. Я должен просить Вашу светлость ни в коем случае не упоминать г-ну Гроссу о секретной статье датского договора... Этот джентльмен, я боюсь, не является доброжелателем Англии» (9).

№ 3. Сэр Джеймс Харрис — лорду Грантаму²⁰

Петербург, 16(27) августа 1782 г.

«(Личное)

...По прибытии сюда, я нашел двор совершенно не таким, каким мне его описывали. Не было никакой симпатии к Англии, напротив, весь его дух был совершенно французским²¹. Прусский король* (к которому императрица** тогда прислушивалась) использовал свое влияние против нас. Граф Панин усиленно поддерживал его. Ласи и Корберон, посланники Бурбонов, хитрили и интриговали: князь Потемкин находился под их влиянием; а вся клика, которая окружала императрицу — Шуваловы, Строгановы и Чернышевы²², — была тем, чем она остается и сейчас *garçons renégueurs de Paris****. Обстоятельства благоприятствовали их стараниям. Помощь, которую Франция притворно оказывала России в урегулировании ее споров с Портой, и совместные действия обоих дворов непосредственно после этого в качестве посредников в Тешенском мире²³ немало содействовали их взаимному примирению. Я поэтому не был удивлен, что все мои переговоры с графом Паниным с февраля 1778 г. до июля 1779 г. не имели успеха, так как он желал предотвратить заключение союза, а не содействовать ему. Тщетно мы делали уступки для достижения этого. Панин всегда создавал новые затруднения, имел всегда наготове новые препятствия. Между тем мое явное доверие к нему принесло весьма серьезный вред. Он воспользовался им, чтобы передавать в своих докладах императрице не те слова, которые я употреблял, и не те чувства, которые я в действительности выражал, а те слова и те чувства, которые он желал, чтобы я употреблял и выражал. Он столь же старательно скрывал от меня ее мнения и чувства. Изображая ей Англию упрямой, заносчивой и скрытной, он описывал мне недовольство и возмущение императрицы нашими стремлениями и ее безразличие к нашим интересам. И он был так уверен, что этим двойным искажением закрыл все пути к успеху, что когда я представил ему испанскую декларацию²⁴, он

(5) Олигархическая конституция, введенная сенатом после смерти Карла XII¹⁰.

(6) Таким образом, мы узнаем от сэра Джорджа Макарти, что общеизвестная «великая идея Северного союза» лорда Чатама на самом деле была «великим планом объединения северных держав» Панина¹². Чатама обманом побудили приписать себе авторство московитского плана.

(7) Договор между французскими и испанскими Бурбонами, заключенный в Париже 15 августа 1761 года.

(8) Это была уловка со стороны Фридриха II. О том, почему Фридрих был вынужден вступить в союз с Россией, откровенно рассказано г-ном Кохом, французским профессором дипломатии и учителем Талейрана. «Фридриху II, — говорит он, — покинутому лондонским кабинетом, оставалось лишь присоединиться к России» (см. его «Историю революции в Европе»¹⁴).

(9) Гораций Уолпол характеризует свою эпоху следующими словами: «В то время было принято платить услугой за услугу»¹⁵. Во всяком случае из текста будет видно, что таким способом Россия вела свои дела с Англией. Граф Сэндвич, которому сэр Джордж Макарти мог осмелиться адресовать вышеприведенное донесение, отличился через десять лет, в 1775 г., уже как первый лорд адмиралтейства в министерстве Норта¹⁶, своей энергичной оппозицией предложению лорда Чатама о справедливом урегулировании американских осложнений: «Он не мог поверить, чтобы это» (предложение Чатама) «исходило от британского пэра, оно казалось ему скорее делом какого-нибудь американца». В 1777 г. мы видим, что Сэндвич снова куражится. «Он скорее поставит на карту все до последней капли крови, а также до последнего шиллинга национального достоинства, чем допустит, чтобы Великобритании бросали вызов, запугивали ее и диктовали ей условия ее непокорные и мятежные подданные». Граф Сэндвич играл главную роль в вовлечении Англии в войну с ее североамериканскими колониями, с Францией, Испанией и Голландией, однако Фокс,

* Фридрих II. *Ред.*

** Екатерина II. *Ред.*

*** парижскими парикмахерскими подмастерьями (франц.). *Ред.*

осмелится официально заявить мне, что Великобритания своим собственным высокомерным поведением навлекла на себя все свои несчастья, что они теперь достигли предела, что мы должны согласиться на любые уступки для достижения мира и что мы не можем ожидать ни помощи от наших друзей, ни снисхождения от наших врагов». У меня было достаточно выдержки, чтобы не проявить своих чувств по этому поводу... Не теряя времени, я обратился к князю Потемкину²⁵, и при его содействии императрица удостоила меня приемом наедине в Петергофе. Мне посчастливилось при этом свидании не только рассеять все ее предубеждения против нас, но и изобразить в истинном свете наше положение и пераздельность интересов Великобритании и России и побудить ее принять твердое решение поддержать нас. Это решение она объявила мне в небузымысленных выражениях. Когда это стало известно, — а граф Панин был первым, кто узнал об этом, — он стал моим неумолимым и ожесточенным врагом. Он не только расстраивал мои официальные переговоры обманным путем, самым недостойным образом используя свое влияние, но и употребил все средства, которые могла подсказывать самая низкая и мстительная злоба, чтобы унижить и оскорбить меня лично, и, судя по подлым обвинениям, которые он выдвигал против меня, я мог бы опасаться, будь я боязлив, самых подлых нападков с его стороны. Это безжалостное преследование все еще продолжается, даже после того, как он перестал быть министром. Несмотря на категорические уверения, которые я получил от самой императрицы, он нашел способ сперва поколебать, а затем изменить ее решения. И он был очень услужливо поддержан его величеством королем прусским, который в то время был так же склонен расстраивать наши планы, как теперь он, по-видимому, стремится содействовать их осуществлению. Я, однако, не впал в уныние от этой первой неудачи и, удвоив свои усилия, еще дважды за время моей миссии почти убедил (1) императрицу выступить в качестве нашего явного друга, и каждый раз мои надежды основывались на уверениях из ее собственных уст. В первый раз это было, когда наши враги придумали вооруженный нейтралитет (10); в другой — когда ей предложена была Менорка²⁶. Хотя в первом из этих случаев я встретил ту же самую оппозицию с той же самой стороны, что и раньше, я все же вынужден сказать, что главную причину моей неудачи следует приписать той чрезвычайно неловой форме, в которой мы ответили на знаменитую декларацию о нейтралитете в феврале 1780 года. Хорошо зная, с какой стороны последует удар, я был готов парировать его. *Мое мнение было следующим: «Если Англия чувствует себя достаточно сильной, чтобы обойтись без России, пусть она сразу же отвергнет эти новоизобретенные доктрины; но если положение ее таково, что она нуждается в поддержке, то пусть она уступит требованиям момента, признает их, поскольку они относятся к одной России, и своевременным актом любезности обеспечит себе могущественного друга»* (11). С моим мнением не считались; дан был двусмысленный и уклончивый ответ: *мы, по-видимому, одинаково боялись как принять, так и отвергнуть принципы вооруженного нейтралитета. Мне было предписано тайне противиться, а на словах — соглашаться с ними;*

Бёрк¹⁷, Питт и другие, как мы видим, постоянно обвиняли его в парламенте в том, что морские силы недостаточны для защиты страны; что он намеренно выставляет небольшие английские силы там, где, как ему известно, неприятель сконцентрировал крупные силы; что он чрезвычайно плохо управляет всеми своими департаментами и т. д.» (см. прения в палате общин 11 марта 1778 г.; 31 марта 1778 г.; предложение Фокса в феврале 1779 г. о вынесении порицания лорду Сэндвичу; обращение к королю¹⁸ 19 апреля 1779 г. об отстранении лорда Сэндвича от должности за нерадение по службе; предложение Фокса 7 февраля 1782 г. с указанием на очень плохое управление морскими делами в течение 1781 года)¹⁹. В связи с этим Питт приписывал лорду Сэндвичу «все наши несчастья и позорные неудачи на море». Правительственное большинство против этого предложения составило всего 22 голоса при 388 членах палаты. 22 февраля 1782 г. такое же предложение против лорда Сэндвича было отвергнуто большинством лишь в 19 голосов при 453 членах палаты. И действительно, управление графа Сэндвича было таково, что более 30 выдающихся офицеров оставили морскую службу или заявили, что они не могут служить при существующих порядках. Фактически в течение пребывания его в должности существовали серьезные опасения за последствия разногласий, распространенных тогда во флоте. Кроме того, графа Сэндвича открыто обвиняли в *казнокрадстве*, и, насколько можно судить по косвенным уликам, это обвинение подтвердилось (см. прения в палате лордов 31 марта 1778 г.; 19 апреля 1779 г. и т. д.). Когда предложение об отстранении его от должности было отклонено 19 апреля 1779 г., тридцать девять перов заявили протест.

употребленные в разговоре с г-ном Симолиным некоторые неосторожные выражения одного из тогдашних наших доверенных лиц, прямо противоречившие умеренным и сердечным речам, которые этот посланник слышал от лорда Стормонта³⁰, вызвали крайнее раздражение императрицы и окончательно укрепили ее неприязнь к английскому правительству и дурное мнение о нем (12). Наши враги воспользовались этими обстоятельствами. Я подаю мысль уступить Менорку императрице: *поскольку при заключении мира мы, как мне было ясно, должны будем принести жертвы, то мне казалось более благоразумным приносить их нашим друзьям, чем нашим врагам*. Эта мысль была усвоена в Англии во всем ее объеме (13), и ничто не могло быть более подходящим

(10) Сэр Джеймс Харрис делает вид, что верит, будто Екатерина II не была автором вооруженного нейтралитета 1780 г.²⁶, но была лишь привлечена к нему. Это одна из излюбленных уловок санкт-петербургского двора: придавать своим собственным планам форму предложений, подсказанных и навязанных ему иностранными дворами. Русской дипломатии доставляют удовольствие такие *qui pro quo* *. Таким образом, лицом, ответственным за изобретение вооруженного нейтралитета, был изображен граф Флоридабланка, и из посланного Карлу III²⁷ отчета этого тщеславного испанца можно видеть, насколько он чувствовал себя польщенным мыслью о том, что не только выдвинул идею вооруженного нейтралитета, но и привлек Россию к его поддержке.

(11) Тот же самый сэр Джеймс Харрис, быть может, более известный читателю под именем графа Малмсбери, превозносится английскими историками как человек, который предотвратил отказ Англии от права осмотра кораблей во время мирных переговоров 1782—83 годов²⁹.

(12) Из этого пассажа и подобных мест, встречающихся в тексте, можно было бы сделать заключение, что Екатерина II встретила очень сильного противника в лице лорда Норта, на правительство которого указывает сэр Джеймс Харрис. Но такое заблуждение должен рассеять тот простой факт, что первый раздел Польши³¹ имел место во время пребывания лорда Норта у власти и без всякого протеста с его стороны. В 1773 г., когда война Екатерины с Турцией все еще продолжалась, а ее трения со Швецией становились все серьезнее³², Франция готовилась послать сильный флот в Балтийское море. Д'Эгильон, французский министр иностранных дел, сообщил этот план лорду Стормонту, тогдашнему английскому послу в Париже. В продолжительной беседе д'Эгильон подробно остановился на честолюбивых намерениях России и на общих интересах, которые должны объединить Францию и Англию для совместного сопротивления этим намерениям. В ответ на это конфиденциальное сообщение английский посол заявил ему, что «если Франция пошлет свои корабли в Балтийское море, за ними тотчас же последует британский флот; что присутствие двух флотов не окажет большего воздействия, чем нейтралитет, и как бы английский двор ни стремился сохранить согласие, существующее в настоящее время между Англией и Францией, невозможно, однако, предвидеть случайности, которые могут возникнуть из неожиданных столкновений». В результате этих представлений д'Эгильон отменил свои распоряжения относительно эскадры в Бресте, но отдал новые — о снаряжении и вооружении [военных кораблей] в Тулоне. «Получив сведения о возобновлении этих приготовлений, английский кабинет немедленно предпринял решительные демонстративные меры противодействия. Лорду Стормонту было приказано заявить, что все доводы, приведенные относительно Балтийского, относятся и к Средиземному морю. Французскому министру был также представлен меморандум с требованием сообщить его королю³³ и Совету. Это произвело желаемое действие: приказ о вооружении был отменен, матросы распущены, и предотвращена возможность большой войны». «Лорд Норт, — говорит благодушный автор, у которого мы заимствовали последние строки, — таким образом принес действительную пользу делу своего союзника» (Екатерины II) «и облегчил заключение мира» (Кючук-Кайнарджийского³⁴) «между Россией и Портой»³⁵, Екатерина II вознаградила добрые услуги лорда Норта, во-первых, тем, что отказала ему в помощи, обещанной на случай войны между Англией и североамериканскими колониями, и, во-вторых, тем, что избрала и возглавила вооруженный нейтралитет против Англии. Лорд Норт не осмелился отплатить, как ему советовал сэр Джеймс Харрис, за это предатель-

* одно вместо другого (латин.). Ред.

для здешнего двора, чем разумные инструкции, которые я получил по этому поводу от лорда Стормонта. Я все еще не могу понять, почему этот проект не удался. Я никогда не видел, чтобы императрица в большей мере склонялась к какому-либо предприятию, чем к этому, тогда, когда я еще не имел полномочий вести переговоры, — и я никогда не испытывал большего удивления, чем при виде ее отказа от своего намерения по получении мною этих полномочий. В то же время я, со своей стороны, приписывал это ее глубокому отвращению к нашему министерству и полному отсутствию у нее доверия к нему; но теперь я более склонен полагать, что она советовалась по этому вопросу с императором (австрийским)⁴² и что он не только убедил ее отклонить предложение, но и выдал Франции этот секрет, который, таким образом, стал общезвестным. Ничем иным я не могу объяснить эту быструю перемену настроения императрицы, в особенности потому, что князь Потемкин (каким бы он ни был в других делах) определенно поддерживал это дело искренне и чистосердечно и, как меня убедило то, что я видел тогда и узнал впоследствии, принимал его успех так же близко к сердцу, как и я сам. Вы можете заметить, милорд, что мысль сделать императрицу доброжелательным посредником сочеталась с предлагавшейся уступкой Менорки. Так как последствия осуществления этой мысли привели нас ко всем трудностям теперешнего посредничества, мне необходимо объяснить мои тогдашние соображения и оправдаться от обвинений в том, что я поставил свой двор в столь затруднительное положение. Моим желанием и намерением было, чтобы она стала единственным посредником без участия кого-либо другого; если Вы внимательно следили за тем, что происходило между мной и ею в декабре 1780 г., то Ваша светлость поймет, какие у меня были серьезные основания полагать, что она будет посредником дружественным и даже стоящим на нашей стороне (14). Правда, я знал, что она не подходила для

ское нарушение слова, уступив России, одной России, морские права Великобритании. Отсюда раздражение первой системы царицы, ее истерическая манера, с которой она внезапно «высказала дурное мнение» о лорде Норте, заявила о своем «перасположении» к нему, почувствовала к нему «глубокое отвращение», «полное отсутствие доверия» и т. д. С целью предостеречь правительство Шелбёрна³⁶ примером, сэр Джеймс Харрис составляет подробный психологический очерк о чувствах царицы и о немилости, которую навлекло на себя правительство Норта за то, что оно оскорбило эти самые чувства. Его рецепт очень прост: сделать России, как нашему другу, такие уступки, за требование которых мы всякую другую державу сочли бы своим врагом.

(13) Таким образом, является непреложным фактом, что английское правительство, не довольствуясь тем, что сделало Россию балтийской державой, упорно стремилось превратить ее также и в средиземноморскую державу. Предложение уступить Менорку, по-видимому, было сделано Екатерине II в конце 1779 или в начале 1780 г., вскоре после вступления лорда Стормонта в кабинет Норта — того самого лорда Стормонта, который, как мы видели, мешал попыткам Франции оказать сопротивление России и которому даже сэр Джеймс Харрис не может отказать в заслуге составления «инструкций, вполне подходивших к настроению петербургского двора». В то время как кабинет лорда Норта, по предложению сэра Джеймса Харриса, предлагал Менорку *москвитам*,... члены английской палаты общин и народ еще дрожали от страха, как бы *ганноверцы*³⁷ (!) не вырвали у них из рук «один из ключей к Средиземному морю». 26 октября 1775 г. король в своей речи при открытии парламента на вопрос, почему не была установлена какая-либо блокада во время переговоров о «плане», ответил словами, с которыми совпало выражение сэра Джеймса Грэхема: «Они не взяли на себя ответственности за это». Ответственности за выполнение своих же распоряжений! Сообщение, которое мы процитировали, было единственным оглашенным в парламенте, за исключением еще одного, относящегося к более позднему времени. Денежная, посланная будто бы 5 апреля, в которой «адмиралу приказывалось по своему усмотрению употреблять самые крупные силы для блокады русских гаваней на Черном море», не была оглашена, как и ответы адмирала Дандаса³⁸. Адмиралтейство послало ганноверские войска в Гибралтар и порт Маон (Менорка), чтобы заменить английские войска, которые должны были быть взяты из этих гарнизонов для службы в Америке. Лорд Джон Кавендиш³⁹ предложил добавить к ответу на речь короля поправку, строго осуждавшую тех, кто «доверил иностранцам такие важные крепости, как Гибралтар и порт Маон»⁴⁰. После очень бурных дебатов, в ходе которых тот факт, что Гибралтар и Менорка, называемые «ключами к Средиземному морю», были доверены иностранцам, подвергся яростным нападкам, лорд Норт, при-

выполнения этой задачи, но я знал также, как сильно польстит *ее тщеславию* этот выбор, и прекрасно сознавал, что раз она возьмется за это дело, то будет упорно продолжать его и неизбежно будет вовлечена в нашу расприю, в особенно-сти, если обнаружится (а это обнаружилось бы), что мы *вознаградили* ее Меноркой. Привлечение к посредничеству другого (австрийского) императорского двора совершенно расстроило этот план. Это обстоятельство не только дало ей повод не сдерживать своего слова, но задело и оскорбило ее; и под таким впечатлением она передала все дело коллеге, которого мы ей дали, и приказала своему посланнику в Вене ⁴⁵ подписаться безоговорочно под всем, что предложит венский двор. Отсюда и все беды, которые постигли нас с тех пор, а также и те, которые мы испытываем сейчас. Меня никогда не могли убедить, что венский двор, пока его действия направляет князь Кауниц ⁴⁶, может в какой-то мере желать добра Англии или зла Франции. Я старался содействовать его влиянию здесь вовсе не с этой целью, но потому, что, как я убедился, влияние Пруссии мне постоянно *противодействовало*, и потому, что я полагал, что, если мне каким-нибудь способом удастся уничтожить это влияние, то и избавлюсь от самого большого препятствия. Я ошибся, и в результате исключительного и фатального стечения обстоятельств венский и берлинский дворы, по-видимому, никогда ни в чем другом не сходились, кроме стремления поочередно вредить нам здесь (15). Предложение относительно Менорки было последней попыткой, которую я сделал, чтобы побудить императрицу выступить. Я исчерпал свои силы и средства. Независимость, с которой я говорил, хотя и вполне почтительно, во время последнего моего свидания с ней, ей не понравилась; и с этого момента до отставки последнего министерства ⁴⁷ я принужден был держаться оборонительного образа действия... Я испытывал гораздо большие трудности, когда стремился помешать императрице причинять нам вред, чем тогда, когда пытался побудить ее делать нам добро. Именно с целью предотвратить зло я решительно склонялся к тому, чтобы принять ее *единоличное посредничество* между нами и Голландией, когда ее императорское величество *впервые предложила* его. Крайнее неудовольствие, которое она выразила в ответ на наш отказ, подтвердило мое мнение; и я взял на себя смелость, когда это предложение было сделано во второй раз, настаивать на необходимости принять его (хотя я знал, что это противоречит взглядам моего принципала), так как я был твердо уверен, что если бы мы снова его отклонили, императрица в минуту гнева соединилась бы с Голландией против нас. Впрочем, все шло хорошо; наше благоразумное поведение перенесло на Голландию раздражение, направленное первоначально против нас, и теперь она так же держит нашу сторону, как прежде поддерживала голландцев. С тех пор, как в Англии образовано новое министерство ⁴⁸, мне стало легче. Великий и новый путь, который был проложен Вашим предшественником (16) и по которому Вы, *мило́рд*, следуете, привел к самым благоприятным для нас переменам на континенте. Я вполне уверен, что ничто, кроме событий, находящихся отклик в ее душе, не может побудить ее императорское величество действовать активно, но теперь она испытывает *сильный прилив дружественных чувств* к нам; она одобряет наши мероприятия; она доверяет нашему министерству и она *дает волю той склонности, которую она, несомненно, питает к нашей нации*. Наши враги знают и ощущают это, и это держит их в страхе. Таков краткий, но точный очерк того, что произошло при здешнем дворе со дня моего приезда в Петербург до настоящего времени.

зная, что это мероприятие было предпринято по его совету, вынужден был внести *билль об освобождении от ответственности*. Однако эти иностранцы, эти гапповерцы, были подданными английского короля. Уступив фактически Менорку России в 1780 г., лорд Норт имел, конечно, полное право 27 ноября 1781 г. в палате общин «с величайшим презрением отнестись к инсинуации, будто бы министры были подкуплены Францией».

Заметим en passant *, что лорд Норт, один из самых подлых и злонамеренных министров, которыми может похвалиться Англия, в совершенстве обладал искусством постоянно заставлять палату смеяться. То же делал лорд Сандерленд. То же делает лорд Пальмерстон ⁴¹.

(14) Когда 27 марта 1782 г. лорда Норта заменило правительство Рокингема ⁴³, знаменитый Фокс послал мирные предложения Голландии при посредстве русского посланника **. Каковы же были последствия русского посредничества, столь восхвалявшегося сэром Джеймсом Харрисом, рабски учитывавшим мнения, настроения и чувства царицы? В то время как с Францией, Испанией и Американскими Штатами было достигнуто согласие относительно предварительных условий мира, с Голлан-

* мимоходом (франц.). Ред.

** И. М. Симолина, Ред.

Из него можно сделать несколько выводов (17): что императрица руководствуется своими чувствами, а не разумом и практическими соображениями; что ее предубеждения очень сильные, легко возникают и, раз установившись, неизменны, тогда как, напротив, верного пути завоевать ее хорошее мнение не существует; что даже если удастся добиться его, то оно подвержено постоянным колебаниям и может зависеть от самых ничтожных случаев; что до тех пор, пока она не будет в достаточной мере втянута в осуществление какого-нибудь плана, нельзя полагаться ни на какие ее уверения, но если она действительно приступила к его выполнению, то никогда от него не отступится, и ее можно увлечь как угодно далеко; что при всех ее блестящих способностях, возвышенном уме и необыкновенной проницательности ей недостает *здорового смысла, ясности мысли, рассудительности и l'esprit de combinaison** (!!); что ее министры либо не понимают, в чем заключается благо государства, либо равнодушны к нему и действуют или пассивно подчиняясь ее воле, или исходя из интересов групп или частных лиц (18).

№ 4. (Рукопись) Отчет о России, относящийся к началу царствования императора Павла. Составлен преподобным Л. К. Питтом⁵², канцеляром фактории в С.-Петербурге и близким родственником Уильяма Питта (19)

извлечение

«Едва ли можно сомневаться в истинном отношении покойной русской императрицы к великим событиям, которые за последние несколько лет потрясли всю систему европейской политики⁵³. Она, несомненно, уже с самого начала чувствовала фатальные тенденции новых принципов, во, быть может, не без удовольствия видела, как все европейские державы истощали себя в борьбе, которая по мере обострения увеличивала ее собственную роль. Более чем вероятно, что положение во вновь приобретенных провинциях Польши также оказывало сильное влияние на политическое поведение Екатерины. Фатальные последствия страха перед возможностью восстания в недавно завоеванных областях, по-видимому, ощущались очень сильно союзными державами, которые в первый период революции были весьма близки к тому, чтобы восстановить законное правительство во Франции. Та же угроза восстания в Польше, которая разделила внимание союзных держав и ускорила их отступление, точно так же удерживала покойную русскую императрицу от выступления на великой сцене войны до тех пор, пока стечение обстоятельств не сделало дальнейшие успехи французских армий более опасным злом, чем то, которое могли бы причинить Российской империи активные действия... Последние слова императрицы, как известно, были обращены к ее секретарю**, когда она отпустила его утром в день своей смерти⁵⁴: «Передайте князю (Зубову)⁵⁵, — сказала она, — чтобы он пришел ко мне в двенадцать часов и напомнил мне, что надо подписать договор о союзе с Англией».

дией оказалось невозможным прийти к какому-либо предварительному соглашению. От нее удалось добиться всего лишь прекращения военных действий. *Русское посредничество*, было настолько действенным, что 2 сентября 1783 г., как раз за день до заключения окончательных договоров с Америкой, Францией и Испанией⁵⁶, Голландия соизволила согласиться на *предварительные условия мира* и то не в результате *русского посредничества*, а благодаря влиянию Франции.

(15) Неужели же венский и парижский дворы не вредили Англии в этом деле, противодействуя плану британского кабинета уступить Менорку России, и сопротивлению Фридриха Прусского проекту Северного союза под московским покровительством, который принадлежал великому *Чатаму*?

(16) Предшественник — это Фокс.

Сэр Джеймс Харрис устанавливает полную иерархию британских министерств, соответственно степени, в которой они пользовались расположением его всемогущей парии. Несмотря на лорда Стормонта, графа Сэндвича, лорда Норта и самого сэра Джеймса Харриса, несмотря на раздел Польши, запугивание д'Эгильона, Кючук-Кайнарджийский мир и предполагавшуюся уступку Менорки — министерство лорда Норта поставлено у подножия этой небесной лестницы; много выше возбралось министерство Рокингема, думою которого был Фокс, известный своими последующими интригами с Екатериной; но на самой вершине мы видим министерство Шелбёрна, в котором канцлером казначейства был знаменитый Уильям Питт⁵⁷. Что касается

* дара комбинаций (франц.). Ред.

** Зотову. Ред.

самого лорда Шелбёрна, то Бёрк заявил в палате общин, что «если он не был в моральном отношении Катлиной или Борджа, то это следует приписать только отсутствию у него ума»⁵⁰.

Подробно рассмотрев поступки и причуды императора Павла, его преподобие г-н Питт продолжает:

«Только приняв во внимание эти соображения, можно правильно оценить характер последнего разрыва с коалицией⁵¹ и бесчисленные оскорбления, нанесенные правительству Великобритании... Но узы, связывающие ее (Великобританию) с Российской империей, созданы природой и нерушимы. Соединившись, эти нации могли бы, пожалуй, противостоять всему миру; разъединение существенно ослабляет мощь и значение каждой из них. Англия имеет основания сожалеть вместе с Россией, что императорский скипетр находится в руке, управляющей столь непоследовательно. Ибо российский монарх один повинен в разъединении этих империй».

(17) Сэр Джеймс Харрис забывает сделать главный вывод, что английский посол является агентом России.

(18) В XVIII столетии депеши английских дипломатов с сакраментальной надписью на них — «личная» не должны были передаваться королю тем министром, которому они были адресованы. Что это было именно так, можно видеть из «Истории Англии» лорда Махона⁵¹.

(19) «Сжечь после моей смерти». Эти слова были написаны в начале рукописи джентльменом, которому она была адресована*.

Преподобный джентльмен заканчивает свой отчет следующими словами:

«Насколько можно в данный момент предвидеть, более вероятным средством покончить с нынешним угнетением является, по-видимому, отчаяние разъяренного одиночки, а не какие-либо систематические комбинации мер в целях возвращения престолу России его достоинства и значения».

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы, приведенные в первой главе, извлечены К. Марксом из коллекции английского историка и мемуариста У. Кокса (1747—1828), хранящейся в Британском музее. Данное письмо наряду с другими донесениями английских дипломатических представителей в России в 1736—1739 гг. было полностью опубликовано с разрешения английского правительства в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 80. СПб. 1892, с. 13—19) по оригиналу, хранящемуся в английском Государственном архиве. Приведенные фрагменты в основном текстуально совпадают с этой публикацией. Рондо (Rondeau), Клодиус (ум. в 1739 г.) — английский дипломат, министр-резидент (1731—1739) в Петербурге; Уолпол (Walpole), Горацио (1678—1757) — английский дипломат и политический деятель, виг, чрезвычайный и полномочный посол в Голландии (1734—1737, 1739).

² Речь идет о предложении посредничества Англии и Голландии в русско-турецкой войне 1735—1739 гг., которое было отвергнуто Россией.

³ Анна Ивановна (1693—1740) — российская императрица в 1730—1740 гг.

⁴ Остерман, Андрей Иванович, граф (1686—1747) — русский дипломат и государственный деятель, вице-канцлер (1725—1741), в 1731—1741 гг. фактический руководитель внешней и внутренней политики России.

⁵ Бирон, Эрнст Иоганн, граф (1690—1772) — фаворит Анны Ивановны, обер-камергер ее двора.

⁶ Данное письмо частично опубликовано в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 12. СПб. 1873, с. 198—201), однако фрагмент, использованный Марксом, в эту публикацию не вошел. Макартни (Macartney), Джордж, граф (1737—1806) — английский дипломат, чрезвычайный посланник в Петербурге (1764—1767); Сэндвич (Sandwich), Джон Монтегью, граф (1718—1792) — английский государственный деятель, первый лорд адмиралтейства (1748—1751, 1763—1765, 1771—1782).

⁷ Нанин, Никита Иванович, граф (1718—1783) — русский дипломат и государственный деятель, в 1763—1781 гг. возглавлял Коллегию иностранных дел; Фрид-

* У. Коксом. *Ред.*

рих II (Великий) (1712–1786) — прусский король (1740–1786); Екатерина II (1729–1796) — российская императрица (1762–1796).

⁸ Голицын, Александр Михайлович (1718–1783) — русский дипломат, вице-канцлер (1762–1775).

⁹ Намек на Кальмарскую унию (1397–1523) — объединение Дании, Норвегии (с Исландией) и Швеции (с Финляндией) в личной унии под властью датских королей. В XV в. Швеция фактически вышла из унии; в ноябре 1520 г. датский король Кристиан II сделал попытку восстановить свою власть в Швеции, устроив кровавую расправу над Стокгольмом (так называемая Стокгольмская кровавая баня). Это вызвало народное восстание под руководством Густава Эриксона (Густав Ваза), завершившееся восстановлением шведской государственности.

¹⁰ Карл XII (1682–1718) — шведский король (1697–1718).

¹¹ Луиза Ульрика (Louisa (Lovisa) Ulrica) (1720–1782) — жена шведского короля Адольфа Фридриха (1751–1771); сестра прусского короля Фридриха II; Остерман, Иван Андреевич, граф (1725–1811) — русский дипломат, чрезвычайный посланник в Швеции (1759–1774), вице-канцлер (1775–1796), канцлер (1796–1797).

¹² Маркс имеет в виду разработанный в 60-х годах XVIII в. русской дипломатией проект объединения североамериканских государств — России, Пруссии, Англии, Дании, Швеции и Речи Посполитой — в союз (так называемую Северную систему, или Северный аккорд), направленный против Франции и Австрии. Несмотря на заключение Россией ряда договоров (в 1764 г. — союзного оборонительного договора с Пруссией, в 1765 г. — союзного оборонительного с Данией, в 1766 г. — торгового с Англией), проект в целом не был осуществлен из-за противодействия Пруссии и Англии, а также вследствие изменения внешнеполитического курса России после русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Питт (Pitt), Уильям, лорд Чатам (1708–1778) — английский государственный деятель, виг, министр иностранных дел и военный министр (1756–1761), премьер-министр (1766–1768).

¹³ По-видимому, речь идет о подготовке русско-прусского союзного договора, заключенного Петром III (русский император в 1761–1762 гг.) 24 апреля (5 мая) 1762 г. с Фридрихом II в ходе Семилетней войны (1756–1763). По этому договору Фридрих II получил назад все земли, завоеванные у Пруссии русскими войсками. Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович, граф (1693–1766) — русский государственный деятель и дипломат, с 1744 г. канцлер, до 1758 г. фактический руководитель внешней политики России. Дж. Макартни располагал неверной информацией: Бестужев-Рюмин в то время, к которому относится письмо, уже был отстранен от дипломатической деятельности.

¹⁴ Речь идет о книге: *Tableau des révolutions de l'Europe, depuis le bouleversement de l'Empire Romain en Occident jusqu'à nos jours*; par feu M. Koch, correspondant de l'Institut, et recteur honoraire de l'Académie Royale de Strasbourg. T. II. P. 1823, pp. 146–147.

¹⁵ Слова Уолпола, а также упоминаемые ниже выступления Сэндвича и Питта цитируются Марксом по книге: Hughes T. S. *The History of England from the Accession of George III, 1760 to the Accession of Queen Victoria, 1837*. 3 ed. Lnd. 1846, vol. I, p. 183; vol. II, pp. 146, 261; vol. III, p. 124. В эксерцтных тетрадях Маркса содержатся выписки из этой работы.

¹⁶ Норт (North) Фредерик, лорд (1732–1792) — английский государственный деятель, торь, премьер-министр (1770–1782); в 1783 г. министр внутренних дел в коалиционном кабинете Портленда (кабинет Фокса — Норта).

¹⁷ Фокс (Fox), Чарльз Джеймс (1749–1806) — английский политический деятель, лидер вигов, министр иностранных дел (1782, 1783, 1806); Бёрк (Burke), Эдмунд (1729–1797) — английский государственный деятель и публицист, член парламента, виг; с 1791 г. поддерживал торь.

¹⁸ Речь идет об английском короле Георге III (1760–1820).

¹⁹ Основным источником здесь Марксу послужила публикация: *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803*. Vol. XIX. Lnd. 1814, pp. 874–893, 980–996; Vol. XX, Lnd. 1814, p. 372–406; vol. XXII, Lnd. 1814, pp. 915–923.

²⁰ Данное письмо было опубликовано в издании: *Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury; Containing an Account of His Missions to the Courts of Madrid, Frederick the Great, Catherine the Second, and the Hague, and His Special Missions to Berlin, Brunswick, and the French Republic*. Edited by His Grandson, the Third Earl. Vol. I. Lnd. 1844, pp. 528–535. Маркс об этой публикации не знал, он приводит документ по своим выпискам из оригинала в коллекции Фокса.

Малмсбери (Malmesbury), Джеймс Харрис, граф (1746–1820) — английский дипломат и государственный деятель, виг, чрезвычайный и полномочный посланник в России (1777–1782) и Голландии (1784–1789); Грантам (Grantham), Томас Робинсон, барон (1738–1786) — английский государственный деятель и дипломат, виг; министр иностранных дел (1782–1783).

²¹ Харрис сообщает о настроениях в русских придворных кругах, которые интересовали правительство Англии в связи с его намерением получить поддержку России в войне с североамериканскими колониями (1775–1783).

²² Шуваловы — русский дворянский род, в XVIII–XIX вв. были близки ко двору; Строгановы — русский купеческий, впоследствии дворянский, род, известный своей деятельностью по колонизации Урала и Сибири в XVI–XVIII вв.; в XVIII–XIX вв.

были близки ко двору; Чернышевы — русский дворянский род, в XVIII—XIX вв. были близки ко двору.

²³ Тешенский мирный договор, подписанный 13 мая 1779 г., завершил войну за баварское наследство (1778—1779) между Австрией, с одной стороны, Пруссией и Саксонией — с другой, за раздел Баварии после смерти бездетного курфюрста Максимилиана-Иозефа. По договору, который закреплял австро-пруссский дуализм в Германии, баварский престол был передан курфюрсту Пфальцскому. Россия и Франция в специальной статье договора были объявлены державами — гарантами договора.

²⁴ По-видимому, Харрис имеет в виду документ об объявлении Испанией войны Англии в июне 1779 года.

²⁵ Потемкин, Григорий Александрович, князь (1739—1791) — русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1784 г.).

²⁶ Декларация о вооруженном нейтралитете, обнародованная Екатериной II 11 марта (28 февраля) 1780 г. и направленная против Англии в период ее войны с североамериканскими колониями, провозглашала право нейтральных держав свободно торговать с воюющими странами и ряд других принципов, обеспечивающих безопасность торгового мореплавания. К декларации в 1780—1783 гг. присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий.

²⁷ Флоридабланка (Florida Blanca), Хосе Монино, граф (1728—1808) — испанский государственный деятель и дипломат, сторонник просвещенного абсолютизма; премьер-министр (1777—1792); Карл III (1716—1788) — испанский король (1759—1788), король Неаполя (под именем Карла VII) и Сицилии (под именем Карла IV) (1735—1759).

²⁸ Английское правительство предложило передать России важный стратегический пункт в Средиземном море — о. Менорку в марте 1781 г., потребовав за это отказаться от вооруженного нейтралитета (см. прим. 26) и поддержать Англию в ее войне с североамериканскими колониями. Это предложение было отвергнуто.

²⁹ Имеются в виду переговоры, завершившие войну Англии с североамериканскими колониями. 3 сентября 1783 г. был подписан Версальский мирный договор между Англией, с одной стороны, и США и их союзниками — Францией, Испанией и Нидерландами — с другой. Согласно этому договору Англия признала независимость США.

³⁰ Симолин, Иван Матвеевич (1720—1799) — русский дипломат, посол в Англии (1779—1785); Стомонт (Stormont), Дэвид Марри, виконт (1727—1796) — английский государственный деятель и дипломат, торг.

³¹ 6(17) февраля 1772 г. в Петербурге по инициативе Пруссии была подписана конвенция, к которой вскоре присоединилась и Австрия, о предварительных условиях раздела Речи Посполитой; этот раздел подрывал национальную самостоятельность Польши, находившейся в состоянии глубокого социального и политического кризиса.

³² Речь идет о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и обострении русско-шведских отношений после переворота, совершенного в 1772 г. королем Густавом III. Ликвидировав конституцию 1719 г., он фактически восстановил в Швеции абсолютизм. Россия, которая по Ништадтскому миру (1721 г.) была одним из гарантов государственного устройства Швеции, боялась усиления влияния Франции, финансировавшей Густава III.

³³ Речь идет о французском короле Людовике XV (1715—1774).

³⁴ Кючук-Кайнарджийский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1768—1774 годов. Россия получила часть побережья Черного моря между Южным Бугом и Днепром с крепостью Кинбурн, а также Азов, Керчь и Еникале и добилась признания независимости Крыма. Русским торговым судам предоставлялось право свободного плавания через Босфор и Дарданеллы. По договору султан должен был также предоставить ряд привилегий греко-православной церкви.

³⁵ Hughes T. S. Op. cit. Vol. II, p. 86.

³⁶ Петти (Petty), сэр Уильям, граф Шелбёрн (1737—1805) — английский политический деятель, первый лорд казначейства (1782—1783), виг.

³⁷ Речь идет об английском короле Георге III (см. прим. 18 и 120) и поддерживающей его группе торг; Георг принадлежал к Ганноверской династии, занимавшей престол в соответствии с «актом о престолонаследии» (1701 г.); до 1815 г. короли этой династии были одновременно курфюрстами, а до 1837 г. — королями Ганновера.

³⁸ Маркс проводит здесь параллель между событиями XVIII в. и действиями английского адмиралтейства в 1854 г. при попытке установить блокаду русских гаваней на Черном море в ходе Крымской войны (1853—1856). Заявление Дж. Грахема, сообщение о его дежурстве от 5 апреля 1854 г. и ответах адмирала Дандаса приводятся Марксом по материалам комиссии, назначенной для расследования положения английской армии в Крыму весной 1855 г. (State of the Army before Sebastopole.— The Times, May 15, 1855).

³⁹ Кавендиш (Cavendish), Джон, лорд (1732—1796) — английский политический деятель, виг, канцлер казначейства (март — июль 1782 и апрель — декабрь 1783).

⁴⁰ Речь Георга III, слова Кавендиша, а также упоминаемое ниже выступление Норта цитируются Марксом по книге: Hughes T. S. Op. cit. Vol. II, p. 191.

⁴¹ Сандерленд (Sunderland), Спенсер Чарльз, граф (1674—1722) — английский дипломат и политический деятель, виг; государственный секретарь (с 1717), первый

лорд казначейства (1718–1724); Пальмерстон (Palmerston), Генри Джон Темпл, виконт (1784–1865) — английский государственный деятель, вначале торн, с 1830 г. виг, министр иностранных дел (1830–1834, 1835–1841 и 1846–1851), министр внутренних дел (1852–1855) и премьер-министр (1855–1858 и 1859–1865).

⁴² Иосиф II (1741–1790) — соправитель императрицы Марии Терезии (1765–1780), правитель Австрийской монархии (1780–1790), император Священной Римской империи (1765–1790).

⁴³ Рокингем (Rockingham), Чарльз Уотсон-Уэнтворт, маркиз (1730–1782) — английский государственный деятель, член парламента, виг, премьер-министр (1765–1766 и 1782).

⁴⁴ Речь идет о Версальском мирном договоре, см. прим. 29.

⁴⁵ Речь идет о Д. М. Голицыне.

⁴⁶ Каунитц-Ритберг (Kaunitz-Rietberg), Венцель Антон, князь (1711–1794) — австрийский государственный деятель и дипломат, сторонник «просвещенного» абсолютизма, канцлер (1753–1792).

⁴⁷ Имеется в виду выход в отставку членов министерства Рокингема после его смерти 1 июля 1782 года.

⁴⁸ Речь идет о министерстве Шелбёрна (см. прим. 36), паходившемся у власти в 1782–1783 гг. после отставки членов министерства Рокингема.

⁴⁹ Питт (Pitt), Уильям (Младший) (1759–1806) — английский государственный деятель, торн, канцлер казначейства (1782–1783), премьер-министр (1783–1801, 1804–1806).

⁵⁰ Слова Бёрка цитируются Марксом по книге: Hughes T. S. Op. cit. Vol. III, pp. 148–149; Луций Сергий Катилина (ок. 108–62 до н. э.) — римский политический деятель; Борджя — папа Римский Александр VI (1492–1503) и его сын Чезаре.

⁵¹ [Ph. H.] Mahon, lord. History of England from the Peace of Utrecht to the Peace of Aix-la-Chapelle. Vol. I. Lnd. 1839, p. 341. Мэхон, Филипп Генри Стэнхоуп, виконт (1805–1875) — английский политический деятель и историк, пилит, член парламента. В экскерптных тетрадях Маркса содержатся обширные выписки из этой книги.

⁵² Павел I (1754–1801) — русский император (1796–1801). Питт (Pitt), Л. К. — двоюродный брат Уильяма Питта (Младшего), священник при английской купеческой фактории в Петербурге в последнее десятилетие XVIII века.

⁵³ Речь идет о Французской буржуазной революции конца XVIII века.

⁵⁴ Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 года.

⁵⁵ Зубов, Платон Александрович, князь (1767–1822) — русский государственный деятель, последний фаворит Екатерины II.

⁵⁶ Имеется в виду выход России из второй антифранцузской коалиции в 1800 году.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

От Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Впервые полностью на русском языке публикуется незавершенная работа К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». В литературном и рукописном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса, в той или иной мере относящемся к России, особое место занимают работы 50-х годов XIX века. Эти произведения касаются, в числе прочего, внешней политики царизма, его международной роли и тесно примыкают к другим их трудам названного десятилетия по вопросам международных отношений в Европе и истории дипломатии. Исследованием данных проблем Маркс и Энгельс занимались в связи с соперничеством европейских держав на Ближнем Востоке и Балканах, Крымской войной, борьбой за объединение Германии и Италии, другими международными событиями 50-х годов XIX века.

Реакция, восторжествовавшая на европейском континенте после поражения революций 1848—1849 гг., препятствовала развитию рабочего движения. Но Маркс и Энгельс были уверены в неизбежности нового подъема демократических движений и освободительной борьбы пролетариата. Именно с учетом этой перспективы подходили они к оценке событий международной жизни. 2 ноября 1853 г. Маркс писал Энгельсу в связи с работой над статьями о Пальмерстоне: «Я рад, что случай заставил меня поближе ознакомиться с внешней политикой — с ее дипломатической стороной — за двадцать лет. Этот момент мы совсем упускали из виду, а ведь надо же знать, с кем приходится иметь дело»¹. Обращение Маркса и Энгельса к этой тематике имело большое значение для развития новых аспектов теории классовой борьбы, обоснования позиции пролетариата в вопросах национальном и внешней политики, определения стратегических и тактических задач пролетарской партии. Они подходили к международным событиям с точки зрения пролетариата, заинтересованного в последовательно демократическом решении коренных проблем исторического развития стран Европы, в испровержении реакционных режимов, укрепившихся после поражения революций 1848—1849 годов. Дипломатическую деятельность Маркс рассматривал как один из основных элементов той реакционной политики европейских держав, которая была направлена тогда против национально-освободительных, демократических и революционных движений. Такую ее роль красноречиво доказали идеология и практика Священного союза, подавление революций 1848—1849 годов.

Буржуазно-аристократической Англии, бонапартистской Франции, царской России, реакционным правительствам Австрии и Пруссии —

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28, с. 259

этим пяти державам Маркс противопоставлял «шестую и величайшую из европейских держав» — Революцию². Исследования тех лет позволили Марксу уже в период, когда буржуазные национально-освободительные движения в Европе еще составляли важнейшее содержание исторического процесса, сделать вывод о необходимости самостоятельной внешнеполитической линии рабочего класса, которая должна стать частью его освободительной борьбы. Этот вывод был зафиксирован им в Учредительном манифесте I Интернационала в 1864 году. Одну из обязанностей пролетариата Маркс видел в том, чтобы «самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами»³.

К числу работ, в которых Маркс рассматривал историю европейской внешней политики и дипломатии, относятся также «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», представляющие собой вводную часть оставшегося незавершенным труда по истории англо-русских отношений в XVIII веке. Еще в памфлете Маркса «Лорд Пальмерстон» (1853 г.) и ряде его статей периода Крымской войны содержалась мысль о русофильском характере внешней политики правящих кругов Великобритании. В конце 1855 г. Маркс пришел к выводу о преемственности английской политики в этом вопросе с XVIII века⁴. А идея написать историю русско-английских отношений в XVIII в. возникла у него в начале 1856 г. после ознакомления в Британском музее с принадлежавшей английскому историку и мемуаристу У. Коксу коллекцией неопубликованных дипломатических документов XVIII в. и памфлетов, главным образом времен Северной войны 1700—1721 годов. «При просмотре находящихся в Британском музее дипломатических рукописей,— писал Маркс позднее,— я нашел ряд английских документов, которые относятся к периоду от эпохи Петра Великого до конца XVIII столетия и обнаруживают постоянное тайное сотрудничество лондонского и петербургского кабинетов, причем эпоха Петра Великого представляется начальным моментом этих отношений»⁵.

Первоначально Маркс намеревался опубликовать некоторые из этих документов со своими комментариями в американском журнале «Putnam's Monthly Magazine», но затем решил разработать тему более широко и написать большую (до 20 печ. листов) работу по истории англо-русских отношений в XVIII веке. Для этого он изучил рукописные материалы, памфлеты, брошюры и другие издания XVIII в., публикации дипломатических документов и дипломатической переписки, мемуары, другие источники, а также многочисленные работы по истории Англии, России, ряда славянских народов, скандинавских стран, международных отношений. Подготовительные материалы (выписки, конспекты, замечания) к задуманной работе занимают четыре экспертных тетради; конспекты некоторых работ содержатся в других тетрадях Маркса. Он использовал также уже известные ему ранее источники.

Переговоры об издании книги, которые Маркс вел с немецким издателем в Лондоне Н. Трюбнером, не увенчались успехом. Других издателей тоже найти не удалось, и Маркс решил начать публикацию своего труда в одной из газет, издававшихся сторонниками английского консервативного публициста Д. Уркарта, который находился в оппозиции к правительству Великобритании и энергично критиковал его внешнюю политику. Маркс ранее изредка уже выступал на страницах этих газет, хотя всегда при этом решительно отмежевывался от антидемокра-

² См. там же. Т. 10, с. 5—6.

³ Там же. Т. 16, с. 11.

⁴ См. там же. Т. 11, с. 606—609.

⁵ Там же. Т. 14, с. 486.

тических взглядов Уркарта. Именно политическая позиция последнего заставила Маркса долго колебаться, прежде чем отдать в его руки свою работу. «Если Уркарт,— писал он Энгельсу,— выступит со своими контрреволюционными нелепостями таким образом, что сотрудничество скомпрометирует меня в глазах здешних революционеров, то... я, разумеется, должен буду дать отрицательный ответ»⁶.

«Разоблачения дипломатической истории XVIII века», которые Маркс писал в июне 1856—марте 1857 г., начали печататься в газете уркартистов «Sheffield Free Press» с конца июня 1856 года. Но вследствие вмешательства редакции, которая произвольно сокращала текст без согласия Маркса, он прекратил публикацию и передал работу другому уркартистскому органу — лондонскому еженедельнику «Free Press», где она и шла уже без купюр (по мере поступления текста от автора) с 16 августа 1856 г. по 1 апреля 1857 года. «Разоблачения» представляют собой, по словам самого Маркса, лишь Введение к задуманной им работе. Оно состоит из пяти глав, значительную часть которых составляют документы. В гл. I использованы донесения, письма дипломатов и других английских представителей в Петербурге с середины 30-х годов и до самого конца XVIII века. Они относятся к русско-турецкой войне 1735—1739 гг., дипломатической деятельности европейских держав после Семилетней войны 1756—1763 гг., войне Англии против североамериканских колоний 1775—1783 гг. и всему царствованию Павла I. Документы обстоятельно прокомментированы Марксом. В гл. II, III и V Маркс включил, целиком или в обширных выдержках, антирусские памфлеты времен Северной войны. Наконец, гл. IV посвящена краткому обзору истории Русского государства от первых Рюриковичей до Ивана III.

Эту особенность Введения Маркс объяснял следующим образом: «В противоположность обычной манере писателей-историков, я начну эту работу не с общих рассуждений, а с фактов»⁷. Он считал, что документы «составят более красноречивое введение», цель которого он видел «не столько в том, чтобы дать новые мысли по поводу хорошо известных материалов, сколько в том, чтобы дать новые материалы для нового освещения истории»⁸ отношений между Англией и Россией в XVIII в., вскрыть исторические корни и движущие мотивы внешней политики этих держав, оказывавших затем в XIX в. решающее влияние на международную обстановку в Европе. По-видимому, это «новое освещение истории» должно было составить содержание основных разделов задуманной книги.

Сейчас трудно сказать, почему первоначальный замысел остался не реализованным в той форме, как был задуман автором. Возможно, здесь сказалось влияние ряда обстоятельств: болезнь Маркса, сложности, возникшие в его отношениях с «Free Press», потребность более глубокого осмысления собранного материала. Но для этого у него уже не было времени, так как с января 1857 г. Маркс приступил к работе над экономическими рукописями 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») ⁹. Поскольку замысел «Разоблачений» был осуществлен не полностью, то и проблемы, которые Маркс намеревался поднять в своем сочинении, остались неразработанными.

Однако и в существующем виде эта работа представляет большой интерес для постижения не только сути исторических событий, но и марксова метода исследования. «Чтобы понять определенную историческую эпоху,— пишет он в «Разоблачениях»,— мы должны выйти за ее пределы и сравнить ее с другими историческими периодами. Чтобы су-

⁶ Там же. Т. 29, с. 51.

⁷ Там же, с. 438.

⁸ Там же, с. 438, 441.

⁹ См. там же. Т. 46, ч. I—II.

дить о правительствах и их действиях, мы должны оценивать их с точки зрения того времени и понятий их современников». Отсюда такое внимание Маркса к документам, к реалиям определенной эпохи.

Дипломатию, вообще внешнюю политику Маркс относил к сфере политической надстройки, определяемой в конечном счете экономическим строем. В незавершенной работе «Брошюры Б. Бауэра о коллизии с Россией», которую Маркс писал в январе 1857 г.¹⁰, то есть одновременно с «Разоблачениями», показаны некоторые особенности формирования дипломатических отношений эпохи капитализма, отмечается живучесть традиций, унаследованных от феодализма. Маркс подчеркивал, что «общество с современным способом производства нуждается в других международных отношениях, чем феодальное»¹¹. В «Разоблачениях» он пишет, что для буржуазии отечество там, где она получает «со своих капиталов наиболее высокие доходы», и показывает зависимость дипломатической практики буржуазных государств от погони за прибылью.

Как и в предшествующих работах о политике правящих классов Великобритании, в «Разоблачениях» Маркс стремился показать, что английская олигархия столь же враждебна революционным и национально-освободительным движениям в Европе, как и царизм. Но данное сочинение раскрывает и в более широком плане сущность дипломатии господствующих классов: ее антинародную направленность, подчинение корыстным целям правящей верхушки, явное и тайное содействие (в собственных интересах) агрессивным действиям других держав и пр.

Однако «Разоблачения» писались Марксом не только как историческое исследование, но и как памфлет, в котором чувствуются политические события недавно закончившейся Крымской войны. Вероятно, поэтому, справедливо отмечая реакционный характер устремлений английской правящей олигархии и царизма, Маркс допускает известную односторонность в оценке внешней политики Лондона. Кроме того, он оставил в стороне разнообразие факторов, определявших внешнюю политику и Великобритании, и России и не сводимых в реальной действительности лишь к их двусторонним отношениям.

В еще большей степени подобная односторонность определялась тенденциозным характером использованных Марксом памфлетов, писем и донесений, в которых ярко отразилась острая политическая борьба за экономические выгоды и власть между двумя группировками английских правящих классов — вигами и тори. Во Введении Маркс, стремясь судить о правительствах и их действиях «с точки зрения того времени и понятий их современников», приводит три антирусских памфлета, в которых подвергаются критике политика России и деятели, заподозренные в «лжеслужении» деяниям Петра I. Маркс здесь «не дает слова» оппонентам, хотя в его эксерцитных тетрадах содержатся также противоположные суждения других авторов.

Что же касается самой истории России (гл. IV и замечания в других главах, особенно в I и V), то точка зрения Маркса на нее в значительной степени определялась уровнем литературы, находившейся в его распоряжении. При изучении истории России Маркс, тогда еще не владевший русским языком, пользовался работами немецких, французских, отчасти английских историков. В четырех тетрадах выписок, сделанных им при подготовке «Разоблачений», содержатся конспекты или упоминания книг Х. Вебера, Н. Ф. Эверса, Й. Добровского, Ф. Г. Эйххофа, Ф. Х. Шлоссера¹², А. Л. Шлёдера, Мотли, Бакмайсте-

¹⁰ См. там же. Т. 44, с. 261—273.

¹¹ Там же, с. 270.

¹² Маркс сделал выписки из т. 3 английского издания работы Шлоссера «История 18 века»; они охватывают 1699—1721 гг. (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 1, од. 1, од. хр. 965, лл. 33—42).

ра, многих других авторов. По работам западноевропейских историков Маркс знал об исследованиях Н. М. Карамзина. Наиболее подробные выписки Маркс сделал о царствовании Петра I, предыстории Северной войны, позиции воюющих держав и других стран, вовлеченных в этот конфликт. Из огромного количества выписок Маркс использовал в «Разоблачениях» сравнительно небольшую часть. Остальные, видимо, должны были послужить фактическим материалом для основных глав задуманного труда.

Эти сочинения западных авторов неравноценны. Одни (например, исследования Шлоссера, Эверса) отвечали тогдашнему уровню исторической науки. Другие (например, Ф. Сегюр «История России и Петра Великого») тогда же устарели. Между тем именно книга Сегюра, не являвшаяся самостоятельным исследованием, послужила Марксу фактической основой для изложения русской истории в гл. IV «Разоблачений»¹³.

Можно предположить знакомство Маркса с герценовской концепцией исторического развития России, изложенной, в частности, в работе «О развитии революционных идей в России». Дело в том, что занятия Маркса историей англо-русских отношений, как и внешней политикой вообще, были тесно связаны с работой Энгельса над серией статей о панславизме. Для этой серии, над которой Энгельс работал в первой половине 1856 г., Маркс просматривал литературу в Британском музее с января 1856 года¹⁴. К этому времени Энгельс изучил практически все важнейшие работы Герцена, написанные им после поражения революций 1848—1849 гг., и, по-видимому, подверг их обстоятельному разбору в своих статьях. Серия этих статей так и не была опубликована в газете «New York Tribune», для которой она предназначалась. Рукописи не сохранились, но существуют тезисы, явившиеся, вероятно, основой данной работы Энгельса и позволяющие в какой-то мере судить о ее содержании. Маркс же, как он сам сообщает, не только был первым читателем работы Энгельса, но и использовал целиком одну из его статей в гл. V «Разоблачений»¹⁵.

Маркс определяет написанное им в «Разоблачениях» о России как «предварительные замечания относительно общей истории русской политики». Он рассматривает здесь внешнеполитические события от эпохи Киевской Руси до времени Петра I и его наследников, опустив события XVI—XVII веков. Такая концентрация внимания только на некоторых внешнеполитических аспектах истории России, совершенно не касаясь ее внутренней истории (социально-экономических отношений, расстановки классовых и политических сил и пр.), была продиктована задачами задуманного труда. Однако это привело к определенной призрачности оценок, недостаточной объективности некоторых суждений, искажению многомерной картины исторического развития страны и ее внешней политики. Поэтому отдельные положения «Разоблачений» (сведение причин освобождения от монголо-татарского ига к дипломатическим усилиям московских князей, суждения об «антиморском» характере славянской расы и пр.) не соответствуют современному уровню исторической науки и нуждаются в критическом осмыслении.

Первостепенное значение имеет методологический подход Маркса в «Разоблачениях» к изучению истории. Прошлое Российского государства рассматривается в общем контексте европейской истории. Маркс подчеркивает, что события эпохи раннего феодализма, расширение рус-

¹³ Конспект был сделан Марксом в январе 1857 г., в экспертной тетради вслед за наброском работы «Брошюры Б. Бауэра о коллизии с Россией» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1001). 4 и 18 февраля гл. IV, практически целиком построенная на этом конспекте, была опубликована во «Free Press». Конспект книги Сегюра был доведен Марксом до 1699 года.

¹⁴ Именно тогда он натолкнулся на коллекцию Хокса (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29, с. 1, 12—17).

¹⁵ Там же, с. 99, 554, 567.

ской территории и феодальные междоусобицы определялись в конечном счете теми же закономерностями, которые были присущи раннефеодальным государствам Западной Европы: «Подобно тому, как империя Карла Великого предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, прибалтийских поселений, Турции и самой Московии». На примере Киевской Руси Маркс показывает причины и неизбежность распада крупных государственных образований раннего средневековья: «Нескладная, громоздкая и скороспелая империя, сколоченная Рюриковичами, подобно другим империям аналогичного происхождения, распалась на уделы, делилась и дробилась между потомками завоевателей, терзалась феодальными войнами, раздиралась на части чужеземными народами, вторгавшимися в ее пределы».

Значительное место Маркс уделяет роли норманнского завоевания в образовании Киевской Руси. Норманнская концепция получила широкое хождение в XIX в. не только в России, но и на Западе (благодаря работам Шлёцера, а особенно «Истории Государства Российского» Карамзина, переведенной в первой четверти XIX в. почти на все западно-европейские языки). Освещение роли варягов в создании государственности на Руси явилось для Маркса лишь иллюстрацией к разрабатывавшемуся им в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» положению о значении «торговых народов» в развитии отношений обращения и обмена. Их историческая роль определялась тем, что на ранней стадии развития производительных сил они вовлекали в регулярную торговлю «производящие народы». Такую роль, по мнению Маркса, играли «по отношению почти ко всем европейским народам», в частности, норманны¹⁶. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что разработка этой концепции в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» практически совпадает по времени с подготовкой «Разоблачений».

Маркс рассматривает норманнские завоевания как этап в развитии всей Европы. Он отмечает, что «в отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы». Государственность Руси, равно как государственные образования у любого народа, возникала на основе внутренних предпосылок — достаточного уровня развития социально-экономических отношений, кризиса первобытнообщинного строя, уже намечившегося классового деления у восточнославянских племен. Варяжские дружины и их завоевания могли лишь способствовать ускорению формообразования государственных институтов. Как и на Западе, в Киевской Руси норманны нередко выступали в качестве наемников, на которых опиралась княжеская власть. Соприкосновение варягов с местным земледельческим населением вскоре привело к отмеченному Марксом быстрому смешению норманнских завоевателей со славянами, о чем свидетельствуют «их браки и их имена».

По-видимому, незавершенностью работы объясняется недооценка Марксом иных (кроме норманнского и ордынского) внешнеполитических влияний, среди которых первое место принадлежит византийскому с его православной церковью и высокой культурой. Формирование идеологического единства Киевской Руси в религиозной форме православия и некоторые другие факторы обусловили тесную преемственную связь между распавшимся в феодальных междоусобицах Киевским государством и возникшим после освобождения от монгольского ига Московским. «Православное вероисповедание, — писал Маркс, — служило одним из самых сильных орудий» Ивана III для укрепления государственного единства и монархии на Руси.

¹⁶ Там же. Т. 46, ч. I, с. 204.

Яркую характеристику Маркс дает пережитой русским народом трагедии монгольского нашествия и его последствий. Ордынское иго «не только подавляло, но и унижало и иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой». Маркс проводит параллель между действиями монгольских завоевателей в XIII—XIV вв. и политикой правящих классов Англии и Италии, из-за которой «обезлюдили горные области Шотландии и римская Кампанья». В «Разоблачениях» налицо четкая констатация того, что Русь стала преградой на пути монгольских завоеваний, «своего рода барьером и заслоном от неверных», как говорится в документе, приведенном Марксом.

Большой интерес представляют замечания Маркса о политике великих князей Московских, их борьбе за объединение русских земель, процессе формирования централизованной монархии в России, таких присущих абсолютизму методах правления, как деспотизм, вероломство, использование распри между противниками. Он уделяет много внимания особенностям формирования Русского централизованного государства, «стиснутого между татарами и литовцами» и вынужденного бороться не только с набегами ордынцев, но и с захватами Литвою «русских уделов с запада».

В выписках Маркса и в самих «Разоблачениях» первостепенное внимание уделяется внешней политике Петра I и его преобразовательной деятельности. Считая Петра Великого творцом современной политики России, Маркс преувеличивал наличие в ней «монгольских черт». Еще в 1908 г. первый исследователь этой работы Маркса Д. Б. Рязанов отмечал, что политика Петра определялась потребностями внутреннего социально-экономического развития Российского государства, а не «монгольскими чертами» политики Ивана III¹⁷. Сами документы, использованные Марксом, свидетельствуют о том, что Петру I приходилось бороться за осуществление планов превращения России в морскую державу, опираясь на ненадежных союзников. Этот царь понимал, что они «готовы пожертвовать им, как только... добьются принятия своих собственных условий». Маркс рисует сложную фигуру первого российского императора: в его деятельности наряду с чертами самодержавного деспотизма и жестокости он отмечает смелость государственной политики, настойчивость при осуществлении цели превратить «Московию в Россию».

Замечания Маркса по истории России в «Разоблачениях» представляют собой часть общей его концепции всемирной истории. Это — первая его попытка осмыслить в общих чертах своеобразие исторического развития страны и ее место в системе международных отношений, начиная с эпохи раннего феодализма, выявить корни завоевательной политики царизма, методов его дипломатии. Работа над «Разоблачениями» послужила известной основой для последующего изучения прошлого и настоящего России, исследования ее социально-экономического развития. Это привело Маркса, как и Энгельса, к более глубокому и всестороннему пониманию процессов, происходивших в России в последующие десятилетия. Серьезные изменения, которые происходили в экономике и общественной жизни России после Крымской войны и привели в конце 50-х годов XIX в. к резкому обострению внутренних противоречий в стране, не могли остаться вне поля зрения Маркса и Энгельса. Ранее их внимание привлекало международное влияние царского самодержавия, что было совершенно естественно, если вспомнить о той реакционной роли, которую сыграл царизм в создании Священного союза, установлении реакционных режимов в Европе после наполеоновских войн и особенно в подавлении революции 1848—1849 гг. в Венгрии. Теперь же

¹⁷ Рязанов Д. Б. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. В кн.: Очерки по истории марксизма. М. 1923, с. 543, 570.

они обращаются в первую очередь к внутреннему развитию страны. В начавшемся пробуждении крестьянских масс, антикрепостнические выступления которых приняли широкий масштаб, Маркс увидел силу, способную положить конец реакционной роли царского самодержавия на международной арене. 29 апреля 1858 г. он писал Энгельсу: «Движение за освобождение крепостных в России кажется мне важным, поскольку оно знаменует начало в стране внутренней истории, которая может встать поперек дороги ее традиционной внешней политике»¹⁸.

Уже во второй половине 1858 г. Маркс отмечал, что внутреннее развитие России, и прежде всего заметное усиление массовых крестьянских волнений, свидетельствовало о появлении наряду с официальной Россией помещиков-крепостников новой, революционной России, которая является потенциальным союзником революционного движения в Западной Европе. Если в 1848—1849 гг. царизм был одной из главных реакционных сил, сдерживавших напор революций, то в настоящее время у России «под погами накопился горячий материал, который, при сильном порыве ветра с Запада, может внезапно воспламениться»¹⁹. С этого времени, особенно после отмены крепостного права в 1861 г., Маркс и Энгельс уделяли все большее внимание изучению социально-экономического развития России и борьбе русских революционеров против самодержавия.

Некоторые положения «Разоблачений» подверглись позднее переоценке в статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», в какой-то мере подводившей итог занятиям его и Маркса в этой сфере. Энгельс отказался в ней от тезисов о «монгольских чертах» внешней политики России и русофильстве политики Лондона как якобы главной проблеме для понимания дипломатической истории XVIII века. Он подчеркнул, что царская дипломатия, во многом обеспечившая роль империи Романовых как оплота европейской реакции на международной арене XIX в., имеет теперь внутри страны грозного противника в лице быстро набирающего силу революционного движения, которому ненавистны антинародные внешнеполитические цели самодержавной власти, «и русская дипломатия с ужасом видит приближение того дня, когда русский народ скажет свое слово»²⁰.

* * *

При жизни Маркса и Энгельса «Разоблачения» более не публиковались. После смерти Энгельса это произведение было подготовлено к печати дочерью Маркса Элеонорой Маркс-Эвельинг и вышло в свет уже после ее смерти (Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. Lnd. 1899). В этом издании приводимый Марксом памфлет «Оборонительный договор» был выделен в особую главу, так что в отличие от прижизненной публикации тут оказалось не пять, а шесть глав. Кроме того, была опущена часть гл. V (в оригинале — IV).

На языке оригинала «Разоблачения» были изданы в 1969 г. в Лондоне и Нью-Йорке, в переводе на французский — в 1954 г., на немецкий — в 1960, 1977 и 1981 гг., на польский — в 1967 г., на итальянский — в 1977 г., существует также перевод на китайский. Все эти публикации, как правило, воспроизводят текст Маркса по изданию 1899 г., восстанавливая опущенные в нем заключительные страницы гл. V (в оригинале — IV). Комментарии в некоторых из этих публикаций имеют тенденциозный характер.

На русском языке «Разоблачения» целиком ранее не публиковались. Обширные выдержки из них были приведены Д. Б. Рязановым в статье

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29, с. 267.

¹⁹ Там же. Т. 12, с. 520.

²⁰ Там же. Т. 22, с. 47.

1908 г. «Англо-русские отношения в оценке Карла Маркса», напечатанной в 1909 г. на немецком языке в приложении к журналу «Die Neue Zeit» и несколько раз издававшейся затем на русском языке в СССР. Краткие выдержки из «Разоблачений» приводились в ряде работ советских историков. В русском переводе эта работа готовилась к печати в ИМЛ во второй половине 50-х годов (текст — Н. Н. Иванов, примечания — Е. Г. Светланова и Ф. Г. Рябов), но подготовка не была тогда завершена.

Специальных исследований данного произведения Маркса, помимо содержательной, но не бесспорной статьи Рязанова, нет. Последняя достаточно развернутая оценка «Разоблачений» была дана в книге «Карл Маркс. Биография» (М. 1970, с. 330—334).

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС совместно с издательствами «Прогресс», «Lawrence and Wishart» и «International Publishers» опубликовал «Разоблачения» на языке оригинала в т. 15 Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке в 1986 г. (подготовители — В. А. Смирнова, Б. Г. Тартаковский). В основу данной публикации положен текст из «Free Press». Приведенные Марксом выдержки из памфлетов и других документов сверены с их подлинными текстами, часть которых (в копиях) любезно предоставлена ИМЛ лондонским Британским музеем. Некоторые неточности, главным образом в датах, исправлены здесь без оговорок. В гл. I сохранена нумерация примечаний, сделанная самим Марксом либо по предложению «Free Press»²¹. В остальных главах примечания Маркса оформлены по образцу первой. Номера примечаний Маркса в отличие от редакционных даны в круглых скобках.

«Разоблачения дипломатической истории XVIII века» Маркса и его выписки к этой работе будут опубликованы в т. XVII «Архива Маркса и Энгельса».

Публикация подготовлена В. А. Смирновой и Б. Г. Тартаковским при участии А. Ю. Зубкова. Консультанты — Л. И. Гольман, Н. Ю. Коллинский, Л. А. Никифоров и Н. И. Павленко.

²¹ См. там же. Т. 29, с. 440, 616.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

№ 1. Г-н Рондо — Горацио Уолполу¹

Петербург, 17 августа 1736 г. (1)

...«Я всей душой желаю... чтобы удалось убедить турок уступить и сделать первый шаг, потому что здешний двор, как видно, решил оставаться глухим ко всему до тех пор, пока это не произойдет, и унижать Порту, которая всегда отзывалась о русских с величайшим презрением, чего царица³ и теперешние ее министры не могут переносить. Вместо благодарности сэру Эверарду Фокнеру и г-ну Калкуну* (первый является английским, второй голландским послом в Константинополе) за сообщение о добрых намерениях турок, граф Остерман⁴ отказывается верить в искренность Порты, и он был, по-видимому, весьма поражен тем, что они написали им (русскому кабинету) без повеления короля** и Генеральных Штатов, и помимо желания великого визиря*** и что их письмо не было согласовано с посланником**** императора***** в Константинополе... Я познакомил графа Бирона⁵ и графа Остермана с двумя письмами великого визиря к королю и в то же время сказал этим джентльменам, что, поскольку в письмах содержится ряд резких суждений о русском дворе, я не передал бы эти письма, если бы они сами не жаждали так увидеть их. Граф Бирон сказал, что это не имеет значения, так как они привыкли к такому отношению со стороны турок. Я выразил пожелание, чтобы их превосходительства не сообщали Порте, что они видели эти письма, так как это скорее ухудшило бы положение дел, чем способствовало его улучшению...».

* В газете ошибочно: Тальману. Исправлено по публикации письма в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 80. СПб. 1892, с. 14). *Ред.*

** английский король Георга II. (1727–1760). *Ред.*

*** Эссеида Мохаммеда Силихдара. *Ред.*

**** Тальманом. *Ред.*

***** императора Священной Римской империи Карла VI (1711–1740). *Ред.*

(1) Это письмо относится ко времени войны против Турции, начатой императрицей Анной в 1735 году. Английский дипломат в С.-Петербурге сообщает о своих попытках побудить Россию заключить мир с турками². Пропущенные места не относятся к делу.

№ 2. Сэр Джордж Макартни — графу Сэндвичу⁶

С.-Петербург, 1(12) марта 1763 г.

«Весьма секретно» (2)

...Вчера г-н Панин (3) и вице-канцлер⁸ вместе с датским посланником г-ном Остенем подписали договор о союзе между здешним и коненгагевским дворами. Согласно одной из статей война с Турцией сделана *casus foederis** и, когда бы это ни произошло, Дания обязуется выплачивать России субсидию в 500 000 рублей *per annum*** равными взносами каждую четверть года. В самой секретной статье Дания обещает также отказаться от всяких связей с Францией, испрашивая только ограниченный срок, чтобы попытаться получить следующие ей долги французского двора. Во всяком случае, она должна немедленно поддержать все намерения России и Швеции и действовать в этом королевстве в полном согласии с Россией, хотя и не открыто. Либо я введен в заблуждение, либо г-н Гросс (4) неправильно понял свои инструкции, когда он сказал Вашей светлости, что Россия намерена устраниваться и возложить всю тяжесть расходов в Швеции на Англию. Как бы ни желал здешний двор, чтобы мы оплачивали значительную часть всех денежных обязательств, однако, я убежден, он всегда предпочтет играть первенствующую роль в Стокгольме. Намерением и горячим желанием России являются совместные действия с Англией и с Данией, чтобы совершенно уничтожить там французское влияние. Это, конечно, не может быть сделано без значительных расходов; но Россия в настоящее время, по-видимому, не столь безрассудна, чтобы ожидать от нас полной их оплаты. Мне намекали, что с нашей стороны было бы достаточно 1 500 фунтов стерлингов *per annum*, чтобы поддержать наше влияние и полностью воспрепятствовать французам когда-либо вновь проникнуть в Стокгольм.

Шведы, чрезвычайно чувствительные к зависимому положению, в котором они находились много лет⁹, и весьма униженные им, в высшей мере подозрительно относятся ко всякой державе, которая вмешивается в их дела, и в частности к

* буквально: «случае союза», т. е. моментом, когда должны вступить в силу союзнические обязательства (латин.). *Ред.*

** в год (латин.). *Ред.*

своим соседям — русским. По этой причине, как мне объяснили, здешний двор и желает, чтобы мы и они действовали на самостоятельных началах, сохраняя, однако, полное доверие между нашими посланниками. Мы должны прежде всего позаботиться о том, чтобы не создавать каких-либо партий под названием английской или русской, но, поскольку даже самые умные люди обманываются простым названием, нам надо стремиться к тому, чтобы наши друзья слыли друзьями свободы и независимости. В настоящий момент мы имеем преимущество, и большая часть нации убедилась в том, сколь пагубными для ее истинных интересов были связи с Францией и насколько губительными для них эти связи оказались бы, если бы продолжались и впредь. Г-н Панин ни в коем случае не желает ни малейших изменений в конституции Швеции (5). Он хотел бы, чтобы королевская власть была сохранена без ее усиления, чтобы привилегии народа существовали и впредь и не нарушались. Он, однако, несколько боялся честолюбивой и склонной к интригам натуры королевы¹¹, но высокая бдительность графа Остермана как посланника теперь совершенно рассеяла его опасения на этот счет.

При помощи этого нового союза с Данией и успехов в Швеции, в которых здешний двор, при условии получения должной поддержки, не сомневается, г-н Панин до некоторой степени осуществит свой великий план объединения северных держав (6). Тогда нужно будет только заключить договор о союзе с Великобританией, чтобы это объединение было вполне завершено. Я убежден, что таково самое горячее желание здешнего двора. Императрица не раз высказывала это в самых определенных выражениях. Посредством такого союза она стремится создать некоторый противовес Фамильному пакту (7) и расстроить по мере возможности все планы венского и версальского дворцов, против которых она необычайно раздражена и озлоблена. Однако я не скрою от Вашей светлости, что мы не можем рассчитывать на подобный союз, если не согласимся на какую-либо секретную статью о субсидии на случай войны с турками, ибо от нас потребуют денег только в этом крайнем случае. Я льщу себя надеждой, что убедил здешний двор в том, что неблагоприятно ожидать какой-либо субсидии в мирное время и что союз на равных началах будет надежнее и почетнее для обоих народов. Я могу заверить Вашу светлость, что *sine qua non** всяких переговоров, которые нам, возможно, придется начать со здешним двором, является включение в текст договора или в какую-нибудь секретную статью пункта о том, что война с Турцией представит собой *casus foederis*. Настойчивость г-на Панина в этом вопросе объясняется случаем, о котором я сейчас расскажу. При обсуждении договора между императором и прусским королем граф Бестужев, смертельный враг последнего, предложил пункт о Турции, убежденный в том, что прусский король никогда на него не согласится, и льстя себя надеждой расстроить переговоры в результате его отказа¹². Но, как видно, этот старый политик ошибся в своих расчетах, так как его величество тотчас же согласился на это предложение, если Россия будет заключать союзы с другими державами лишь на тех же самых условиях (8). Это — действительный факт, и в подтверждение его через несколько дней меня посетил прусский посланник граф Сольмс и сказал мне, что если здешний двор намерен заключить союз с нашим без такого пункта, то ему предписано самым решительным образом противиться этому. Мне намекнули, что если Великобритания будет менее непреклонна в отношении этой статьи, то Россия будет менее непреклонна в отношении статьи о вывозных пошлинах в торговом договоре, от которого здешний двор, как говорил Вашей светлости г-н Гросс, никогда не отступит. Вместе с тем лицо, пользующееся величайшим доверием г-на Панина, заверило меня, что если мы заключим договор о союзе, то торговый договор пройдет вместе с ним *passibus aequis***¹³, что тогда этот последний будет совершенно изъят из ведения Коммерц-коллегии, где имело место столько придиорок и препирательств, и будет согласован лишь между министром и мною, и что это дело уверено, что мы будем удовлетворены условиями торгового договора, если только пункт о Турции будет вклю-

(2) Англия в то время вела переговоры о торговом договоре с Россией.

(3) До сих пор среди историков остается спорным вопрос, был Панин на жалование у Фридриха II Прусского или нет, а если был, то делалось это за спиной Екатерины⁷ или по ее приказу. Не может быть никакого сомнения, что Екатерина II разрешала русским министрам для вида действовать в интересах иностранных дворов с тем, чтобы эти дворы действовали в интересах русских министров. Что же касается, в частности, Панина, то это подтверждается подлинным документом, который, как мы полагаем, никогда не был опубликован. Этот документ доказывает, что, поступив на службу к Фридриху II, Панин вынужден был оставаться на ней, рискуя своей честью, состоянием и жизнью.

(4) — русский посланник в Лондоне.

* *Conditio sine qua non* — неизменным условием (латин.). *Ред.*

** буквально: «ровными шагами», то есть гладко, без препятствий (латин.). *Ред.*

чен в договор о союзе. Мне также было сказано, что в случае нападения испанцев на Португалию мы сможем иметь за наш счет 15 000 русских для отправки туда. Я должен просить Вашу светлость ни в коем случае не упоминать г-ну Гроссу о секретной статье датского договора... Этот джентльмен, я боюсь, не является доброжелателем Англии» (9).

№ 3. Сэр Джеймс Харрис — лорду Грантаму²⁰

Петербург, 16(27) августа 1782 г.

«(Личное)

...По прибытии сюда, я нашел двор совершенно не таким, каким мне его описывали. Не было никакой симпатии к Англии, напротив, весь его дух был совершенно французским²¹. Прусский король* (к которому императрица** тогда прислушивалась) использовал свое влияние против нас. Граф Панин усиленно поддерживал его. Ласи и Корберон, посланники Бурбонов, хитрили и интриговали; князь Потемкин находился под их влиянием; а вся клика, которая окружала императрицу — Шуваловы, Строгановы и Чернышевы²², — была тем, чем она остается и сейчас *garçons petteuquiers de Paris****. Обстоятельства благоприятствовали их стараниям. Помощь, которую Франция притворно оказывала России в урегулировании ее споров с Портой, и совместные действия обоих дворов непосредственно после этого в качестве посредников в Тешенском мире²³ немало содействовали их взаимному примирению. Я поэтому не был удивлен, что все мои переговоры с графом Паниным с февраля 1778 г. до июля 1779 г. не имели успеха, так как он желал предотвратить заключение союза, а не содействовать ему. Тщетно мы делали уступки для достижения этого. Панин всегда создавал новые затруднения, имел всегда наготове новые препятствия. Между тем мое явное доверие к нему принесло весьма серьезный вред. Он воспользовался им, чтобы передавать в своих докладах императрице не те слова, которые я употреблял, и не те чувства, которые я в действительности выражал, а те слова и те чувства, которые он желал, чтобы я употреблял и выражал. Он столь же старательно скрывал от меня ее мнения и чувства. Изображая ей Англию упрямой, заносчивой и скрытной, он описывал мне недовольство и возмущение императрицы нашими стремлениями и ее безразличие к нашим интересам. И он был так уверен, что этим двойным искажением закрыл все пути к успеху, что когда я представил ему испанскую декларацию²⁴, он

(5) Олигархическая конституция, введенная сенатом после смерти Карла XII⁴⁰.

(6) Таким образом, мы узнаем от сэра Джорджа Макарти, что общеизвестная «великая идея Северного союза» лорда Чатама на самом деле была «великим планом объединения северных держав» Панина⁴². Чатама обманом побудили приписать себе авторство московского плана.

(7) Договор между французскими и испанскими Бурбонами, заключенный в Париже 15 августа 1761 года.

(8) Это была уловка со стороны Фридриха II. О том, почему Фридрих был вынужден вступить в союз с Россией, откровенно рассказано г-ном Кохом, французским профессором дипломатии и учителем Талейрана. «Фридриху II, — говорит он, — покинутому лондонским кабинетом, оставалось лишь присоединиться к России» (см. его «Историю революций в Европе»⁴⁴).

(9) Горацио Уолпол характеризует свою эпоху следующими словами: «В то время было принято платить услугой за услугу»⁴⁵. Во всяком случае из текста будет видно, что таким способом Россия вела свои дела с Англией. Граф Сэндвич, которому сэр Джордж Макарти мог осмелиться адресовать вышеприведенное допесение, отличился через десять лет, в 1775 г., уже как первый лорд адмиралтейства в министерстве Норта⁴⁶, своей энергичной оппозицией предложению лорда Чатама о справедливом урегулировании американских осложнений: «Он не мог поверить, чтобы это» (предложение Чатама) «исходило от британского пэра, оно казалось ему скорее делом какого-нибудь американца». В 1777 г. мы видим, что Сэндвич снова куражится. «Он скорее поставит на карту все до последней капли крови, а также до последнего шиллинга национального достоинства, чем допустит, чтобы Великобритании бросали вызов, запугивали ее и диктовали ей условия ее непокорные и мятежные подданные». Граф Сэндвич играл главную роль в вовлечении Англии в войну с ее североамериканскими колониями, с Францией, Испанией и Голландией, однако Фокс,

* Фридрих II. *Ред.*

** Екатерина II. *Ред.*

*** парижскими парикмахерскими подмастерьями (франц.). *Ред.*

осмелится официально заявить мне, *«что Великобритания своим собственным высокомерным поведением навлекла на себя все свои несчастья, что они теперь достигли предела, что мы должны согласиться на любые уступки для достижения мира и что мы не можем ожидать ни помощи от наших друзей, ни снисхождения от наших врагов»*. У меня было достаточно выдержки, чтобы не проявить своих чувств по этому поводу... Не теряя времени, я обратился к князю Потемкину²⁵, и при его содействии императрица удостоила меня приемом наедине в Петергофе. Мне повезло: при этом свидании не только рассеять все ее предубеждения против нас, но и изобразить в истинном свете наше положение и пераздельность интересов Великобритании и России и побудить ее принять твердое решение поддержать нас. *Это решение она объявила мне в недвусмысленных выражениях*. Когда это стало известно, — а граф Панин был первым, кто узнал об этом, — он стал моим неумолимым и ожесточенным врагом. Он не только расстраивал мои официальные переговоры обманным путем, самым недостойным образом используя свое влияние, но и употреблял все средства, которые могла подсказать самая низкая и мстительная злоба, чтобы унизить и оскорбить меня лично, и, судя по подлым обвинениям, которые он выдвигал против меня, я мог бы опасаться, будь я боязлив, самых подлых нападков с его стороны. Это безжалостное преследование все еще продолжается, даже после того, как он перестал быть министром. Несмотря на категорические уверения, которые я получил от самой императрицы, он нашел способ сперва поколебать, а затем изменить ее решения. И он был очень услужливо поддержан его величеством королем прусским, который в то время был так же склонен расстраивать наши планы, как теперь он, по-видимому, стремится содействовать их осуществлению. Я, однако, не впал в уныние от этой первой неудачи и, удвоив свои усилия, еще дважды за время моей миссии почти убедил (1) императрицу выступить в качестве нашего явного друга, и каждый раз мои надежды основывались на уверениях из ее собственных уст. В первый раз это было, когда наши враги придумали вооруженный нейтралитет (10); в другой — когда ей предложена была Менорка²⁶. Хотя в первом из этих случаев я встретил ту же самую оппозицию с той же самой стороны, что и раньше, я все же вынужден сказать, что главную причину моей неудачи следует приписать той чрезвычайно неловкой форме, в которой мы ответили на знаменитую декларацию о нейтралитете в феврале 1780 года. Хорошо зная, с какой стороны последует удар, я был готов парировать его. *Мое мнение было следующим: «Если Англия чувствует себя достаточно сильной, чтобы обойтись без России, пусть она сразу же отвергает эти новоизобретенные доктрины; но если положение ее таково, что она нуждается в поддержке, то пусть она уступит требованиям момента, признает их, поскольку они относятся к одной России, и своевременным актом любезности обеспечит себе могущественного друга»* (11). С моим мнением не посчитались; дан был двусмысленный и уклончивый ответ: *мы, по-видимому, одинаково боимся как принять, так и отвергнуть принципы вооруженного нейтралитета*. Мне было предписано втайне противиться, а на словах — соглашаться с ними;

Бёрк¹⁷, Питт и другие, как мы видим, постоянно обвиняли его в парламенте в том, что морские силы недостаточны для защиты страны; что он намеренно выставляет небольшие английские силы там, где, как ему известно, неприятель сконцентрировал крупные силы; что он чрезвычайно плохо управляет всеми своими департаментами и т. д.» (см. прения в палате общин 11 марта 1778 г.; 31 марта 1778 г.; предложение Фокса в феврале 1779 г. о вынесении порицания лорду Сэндвичу; обращение к королю¹⁸ 19 апреля 1779 г. об отстранении лорда Сэндвича от должности за нерадение по службе; предложение Фокса 7 февраля 1782 г. с указанием на очень плохое управление морскими делами в течение 1781 года)¹⁹. В связи с этим Питт приписывал лорду Сэндвичу «все наши несчастья и позорные неудачи на море». Правительственное большинство против этого предложения составило всего 22 голоса при 388 членах палаты. 22 февраля 1782 г. такое же предложение против лорда Сэндвича было отвергнуто большинством лишь в 19 голосов при 453 членах палаты. И действительно, управление графа Сэндвича было таково, что более 30 выдающихся офицеров оставили морскую службу или заявили, что они не могут служить при существующих порядках. Фактически в течение пребывания его в должности существовали серьезные опасения за последствия разногласий, распространенных тогда во флоте. Кроме того, графа Сэндвича открыто обвиняли в *казнокрадстве*, и, насколько можно судить по косвенным уликам, это обвинение подтвердилось (см. прения в палате лордов 31 марта 1778 г.; 19 апреля 1779 г. и т. д.). Когда предложение об отстранении его от должности было отклонено 19 апреля 1779 г., тридцать девять паров заявили протест.

употребленные в разговоре с г-ном Симолиным некоторые неосторожные выражения одного из тогдашних наших доверенных лиц, прямо противоречившие умеренным и сердечным речам, которые этот посланник слышал от лорда Стормонта³⁰, вызвали крайнее *раздражение* императрицы и окончательно укрепили ее *неприязнь* к английскому правительству и *дурное мнение* о нем (12). Наши враги воспользовались этими обстоятельствами. Я подал мысль уступить Менорку императрице: *поскольку при заключении мира мы, как мне было ясно, должны будем принести жертвы, то мне казалось более благоразумным принести их нашим друзьям, чем нашим врагам*. Эта мысль была усвоена в Англии во всем ее объеме (13), и ничто не могло быть более *подходящим*

(10) Сэр Джеймс Харрис делает вид, что верит, будто Екатерина II не была автором вооруженного нейтралитета 1780 г.²⁸, но была лишь привлечена к нему. Это одна из излюбленных уловок санкт-петербургского двора: придавать своим собственным планам форму предложений, подсказанных и навязанных ему иностранными дворами. Русской дипломатии доставляют удовольствие такие *qui pro quo* *. Таким образом, лицом, ответственным за изобретение вооруженного нейтралитета, был изображен граф Флоридабланка, и из посланного Карлу III²⁷ отчета этого тщеславного испанца можно видеть, насколько он чувствовал себя польщенным мыслью о том, что не только выдвинул идею вооруженного нейтралитета, но и привлек Россию к его поддержке.

(11) Тот же самый сэр Джеймс Харрис, быть может, более известный читателю под именем графа Малмсбери, превозносится английскими историками как человек, который предотвратил отказ Англии от права осмотра кораблей во время мирных переговоров 1782—83 годов²⁹.

(12) Из этого пассажа и подобных мест, встречающихся в тексте, можно было бы сделать заключение, что Екатерина II встретила очень сильного противника в лице *лорда Норта*, на правительство которого указывает сэр Джеймс Харрис. Но такое заблуждение должен рассеять тот простой факт, что первый раздел Польши³¹ имел место во время пребывания лорда Норта у власти и без всякого протеста с его стороны. В 1773 г., когда война Екатерины с Турцией все еще продолжалась, а ее трения со Швецией становились все серьезнее³², Франция готовилась послать сильный флот в Балтийское море. Д'Эгильон, французский министр иностранных дел, сообщил этот план *лорду Стормонту*, тогдашнему английскому послу в Париже. В продолжительной беседе д'Эгильон подробно остановился на честолюбивых намерениях России и на общих интересах, которые должны объединять Францию и Англию для совместного сопротивления этим намерениям. В ответ на это конфиденциальное сообщение английский посол заявил ему, что «если Франция пошлет свои корабли в Балтийское море, за ними тотчас же последует британский флот; что присутствие двух флотов не окажет большего воздействия, чем нейтралитет, и как бы английский двор ни стремился сохранить согласие, существующее в настоящее время между Англией и Францией, невозможно, однако, предвидеть случайности, которые могут возникнуть из неожиданных столкновений». В результате этих представлений д'Эгильон отменил свои распоряжения относительно эскадры в Бресте, но отдал посылы — о снаряжении и вооружении [военных кораблей] в Тулоне. «Получив сведения о возобновлении этих приготовлений, английский кабинет немедленно предпринял решительные демонстративные меры противодействия. Лорду Стормонту было приказано заявить, что все доводы, приведенные относительно Балтийского, относятся и к Средиземному морю. Французскому министру был также представлен меморандум с требованием сообщить его королю³³ и Совету. Это произвело желаемое действие: приказ о вооружении был отменен, матросы распущены, и предотвращена возможность большой войны». «*Лорд Норт*, — говорит благодущный автор, у которого мы заимствовали последние строки, — таким образом принес действительную пользу делу своего союзника» (Екатерины II) «и облегчил заключение мира» (Кючук-Кайнарджийского³⁴) «между Россией и Портой»³⁵, Екатерина II вознаградила добрые услуги лорда Норта, во-первых, тем, что отказала ему в помощи, обещанной на случай войны между Англией и североамериканскими колониями, и, во-вторых, тем, что изобрела и возглавила вооруженный нейтралитет против Англии. Лорд Норт не осмелился *отплатить*, как ему советовал сэр Джеймс Харрис, за это предатель-

* одно вместо другого (латин.). *Ред.*

для здешнего двора, чем разумные инструкции, которые я получил по этому поводу от лорда Стормонта. Я все еще не могу понять, почему этот проект не удался. Я никогда не видел, чтобы императрица в большей мере склонялась к какому-либо предприятию, чем к этому, тогда, когда я еще не имел полномочий вести переговоры, — и я никогда не испытывал большего удивления, чем при виде ее отказа от своего намерения по получении мною этих полномочий. В то же время я, со своей стороны, приписывал это ее глубокому отвращению к нашему министерству и полному отсутствию у нее доверия к нему; но теперь я более склонен полагать, что она советовалась по этому вопросу с императором (австрийским)⁴² и что он не только убедил ее отклонить предложение, но и выдал Франции этот секрет, который, таким образом, стал общезвестным. Ничем иным я не могу объяснить эту быструю перемену настроения императрицы, в особенности потому, что князь Потемкин (каким бы он ни был в других делах) определенно поддерживал это дело искренне и чистосердечно и, как меня убедило то, что я видел тогда и узнал впоследствии, принимал его успех так же близко к сердцу, как и я сам. Вы можете заметить, милорд, что мысль сделать императрицу доброжелательным посредником сочеталась с предлагавшейся уступкой Менорки. Так как последствия осуществления этой мысли привели нас ко всем трудностям теперешнего посредничества, мне необходимо объяснить мои тогдашние соображения и оправдаться от обвинения в том, что я поставил свой двор в столь затруднительное положение. Моим желанием и намерением было, чтобы она стала единственным посредником без участия кого-либо другого; если Вы внимательно следили за тем, что происходило между мной и ею в декабре 1780 г., то Ваша светлость поймет, какие у меня были серьезные основания полагать, что она будет посредником дружественным и даже стоящим на нашей стороне (14). Правда, я знал, что она не подходила для

ское нарушение слова, уступив России, одной России, морские права Великобритании. Отсюда раздражение первой системы царицы, ее истерическая манера, с которой она внезапно «высказала дурное мнение» о лорде Норте, заявила о своем «перасположении» к нему, почувствовала к нему «глубокое отвращение», «полное отсутствие доверия» и т. д. С целью предостеречь правительство Шелбёрна³⁶ примером, сэр Джеймс Харрис составляет подробный психологический очерк о чувствах царицы и о немилости, которую навлекло на себя правительство Норта за то, что оно оскорбило эти самые чувства. Его рецепт очень прост: сделать России, как нашему другу, такие уступки, за требование которых мы всякую другую державу сочли бы своим врагом.

(13) Таким образом, является непреложным фактом, что английское правительство, не довольствуясь тем, что сделало Россию балтийской державой, упорно стремилось превратить ее также и в средиземноморскую державу. Предложение уступить Менорку, по-видимому, было сделано Екатерине II в конце 1779 или в начале 1780 г., вскоре после вступления лорда Стормонта в кабинет Норта — того самого лорда Стормонта, который, как мы видели, мешал попыткам Франции оказать сопротивление России и которому даже сэр Джеймс Харрис не может отказать в заслуге составления «инструкций, вполне подходивших к настроению петербургского двора». В то время как кабинет лорда Норта, по предложению сэра Джеймса Харриса, предлагал Менорку *москвитам*... члены английской палаты общин и народ еще дрожали от страха, как бы *ганноверцы*³⁷ (!) не вырвали у них из рук «один из ключей к Средиземному морю». 26 октября 1775 г. король в своей речи при открытии парламента на вопрос, почему не была установлена какая-либо блокада во время переговоров о «плане», ответил словами, с которыми совпало выражение сэра Джеймса Грэхема: «Они не взяли на себя ответственности за это». Ответственности за выполнение своих же распоряжений! Сообщение, которое мы процитировали, было единственным оглашенным в парламенте, за исключением еще одного, относящегося к более позднему времени. Денеша, посланная будто бы 5 апреля, в которой «адмиралу приказывалось по своему усмотрению употребить самые крупные силы для блокады русских гаваней на Черном море», не была оглашена, как и ответы адмирала Дандаса³⁸. Адмиралтейство послало *ганноверские* войска в Гибралтар и порт Маон (Менорка), чтобы заменить английские войска, которые должны были быть взяты из этих гарнизонов для службы в Америке. Лорд Джон Кавендиш³⁹ предложил добавить к ответу на речь короля поправку, строго осуждавшую тех, кто «доверил иностранцам такие важные крепости, как Гибралтар и порт Маон»⁴⁰. После очень бурных дебатов, в ходе которых тот факт, что Гибралтар и Менорка, называемые «ключами к Средиземному морю», были доверены *иностранцам*, подвергся яростным нападкам, лорд Норт, при-

выполнения этой задачи, но я знал также, как сильно польстит *ее тщеславию* этот выбор, и прекрасно сознавал, что раз она возьмется за это дело, то будет упорно продолжать его и неизбежно будет вовлечена в нашу расприю, в особенности, если обнаружится (а это обнаружилось бы), что мы *вознаградили* ее Меноркой. Привлечение к посредничеству другого (австрийского) императорского двора совершенно расстроило этот план. Это обстоятельство не только дало ей повод не сдерживать своего слова, но задело и оскорбило ее; и под таким впечатлением она передала все дело коллеге, которого мы ей дали, и приказала своему посланнику в Вене⁴⁵ подписаться безоговорочно под всем, что предложит венский двор. Отсюда и все беды, которые постигли нас с тех пор, а также и те, которые мы испытываем сейчас. Меня никогда не могли убедить, что венский двор, пока его действия направляет князь Кауниц⁴⁶, может в какой-то мере желать добра Англии или зла Франции. Я старался содействовать его влиянию здесь вовсе не с этой целью, но потому, что, *как я убедился, влияние Пруссии мне постоянно противодействовало*, и потому, что я полагал, что, если мне каким-нибудь способом удастся уничтожить это влияние, то и избавлюсь от самого большого препятствия. Я ошибся, и в результате исключительного и фатального стечения обстоятельств венский и берлинский дворы, по-видимому, никогда ни в чем другом не сходились, кроме стремления поочередно вредить нам здесь (15). Предложение относительно Менорки было последней попыткой, которую я сделал, чтобы побудить императрицу выступить. Я исчерпал свои силы и средства. Независимость, с которой я говорил, хотя и вполне почтительно, во время последнего моего свидания с ней, *ей не понравилась*; и с этого момента до отставки последнего министерства⁴⁷ я принужден был держаться оборонительного образа действия... Я испытывал гораздо большие трудности, когда стремился помешать императрице причинять нам вред, чем тогда, когда пытался побудить ее делать нам добро. Именно с целью предотвратить зло я решительно склонялся к тому, чтобы принять *ее единоличное посредничество между нами и Голландией, когда ее императорское величество впервые предложила его. Крайнее неудовольствие*, которое она выразила в ответ на наш отказ, подтвердило мое мнение; и я взял на себя смелость, когда это предложение было сделано во второй раз, *настаивать на необходимости принять его* (хотя я знал, что это противоречит взглядам моего принципала), так как я был твердо уверен, что если бы мы снова его отклонили, императрица *в минуту гнева* соединилась бы с Голландией против нас. Впрочем, *все шло хорошо*; наше *благоразумное* поведение перенесло на Голландию раздражение, направленное первоначально против нас, и теперь она так же держит нашу сторону, как прежде поддерживала голландцев. *С тех пор, как в Англии образовано новое министерство*⁴⁸, мне стало легче. Великий и новый путь, который был проложен Вашим предшественником (16) и по которому Вы, милорд, *следуете*, привел к самым благоприятным для нас переменам на континенте. Я вполне уверен, что ничто, кроме событий, находящихся отклик в ее душе, не может побудить ее императорское величество действовать активно, но теперь она *испытывает сильный прилив дружественных чувств* к нам; она одобряет наши мероприятия; она *доверяет* нашему министерству и она *дает волю той склонности, которую она, несомненно, питает к нашей нации*. Наши враги знают и ощущают это, и это держит их в страхе. Таков краткий, но точный очерк того, что произошло при здешнем дворе со дня моего приезда в Петербург до настоящего времени.

зная, что это мероприятие было предпринято по его совету, вынужден был внести *билль об освобождении от ответственности*. Однако эти иностранцы, эти ганноверцы, были подданными английского короля. Уступив фактически Менорку России в 1780 г., лорд Норт имел, конечно, полное право 27 ноября 1781 г. в палате общин «с величайшим презрением отнестись к инсинуации, будто бы *министры были подкуплены Францией*».

Заметим en passant*, что лорд Норт, один из самых подлых и злонамеренных министров, которыми может похвалиться Англия, в совершенстве обладал искусством постоянно заставляя палату смеяться. То же делал лорд Сандерленд. То же делает лорд Пальмерстон⁴¹.

(14) Когда 27 марта 1782 г. лорда Норта заменило правительство *Рокингема*⁴², знаменитый Фокс послал мирные предложения Голландии при посредстве *русского посланника***. Каковы же были последствия *русского посредничества*, столь восхвалявшегося сэром Джеймсом Харрисом, рабски учитывавшим мнения, настроения и чувства царицы? В то время как с Францией, Испанией и Американскими Штатами было достигнуто согласие относительно предварительных условий мира, с Голлан-

* мимоходом (франц.). *Ред.*

** И. М. Симолина, *Ред.*

Из него можно сделать несколько выводов (17): что императрица руководствуется своими чувствами, а не разумом и практическими соображениями; что ее предубеждения очень сильны, легко возникают и, раз установившись, неизменны, тогда как, напротив, верного пути завоевать ее хорошее мнение не существует; что даже если удастся добиться его, то оно подвержено постоянным колебаниям и может зависеть от самых ничтожных случаев; что до тех пор, пока она не будет в достаточной мере втянута в осуществление какого-нибудь плана, нельзя полагаться ни на какие ее уверения, но если она действительно приступила к его выполнению, то никогда от него не отступится, и ее можно увлечь как угодно далеко; что при всех ее блестящих способностях, возвышенном уме и необыкновенной проницательности ей недостает *здравого смысла, ясности мысли, рассудительности* и *l'esprit de combinaison** (!!); что ее министры либо не понимают, в чем заключается благо государства, либо равнодушны к нему и действуют или пассивно подчиняясь ее воле, или исходя из интересов группы или частных лиц (18).

№ 4. (Рукопись) Отчет о России, относящийся к началу царствования императора Павла. Составлен преподобным Л. К. Питтом³², капелланом фактории в С.-Петербурге и близким родственником Уильяма Питта (19)

извлечение

«Едва ли можно сомневаться в истинном отношении покойной русской императрицы к великим событиям, которые за последние несколько лет потрясли всю систему европейской политики³³. Она, несомненно, уже с самого начала чувствовала фатальные тенденции новых принципов, но, быть может, не без удовольствия видела, как все европейские державы истощали себя в борьбе, которая по мере обострения увеличивала ее собственную роль. Более чем вероятно, что положение во вновь приобретенных провинциях Польши также оказывало сильное влияние на политическое поведение Екатерины. Фатальные последствия страха перед возможностью восстания в недавно завоеванных областях, по-видимому, ощущались очень сильно союзными державами, которые в первый период революции были весьма близки к тому, чтобы восстановить законное правительство во Франции. Та же угроза восстания в Польше, которая разделила внимание союзных держав и ускорила их отступление, точно так же удерживала покойную русскую императрицу от выступления на великой сцене войны до тех пор, пока стечение обстоятельств не сделало дальнейшие успехи французских армий более опасным злом, чем то, которое могли бы причинить Российской империи активные действия... Последние слова императрицы, как известно, были обращены к ее секретарю³⁴, когда она отпустила его утром в день своей смерти³⁵: «Передайте князю (Зубову)³⁶ — сказала она, — чтобы он пришел ко мне в двенадцать часов и напомнил мне, что надо подписать договор о союзе с Англией».

Идей оказалось невозможным прийти к какому-либо предварительному соглашению. От нее удалось добиться всего лишь прекращения военных действий. *Русское посредничество*, было настолько действенным, что 2 сентября 1783 г., как раз за день до заключения окончательных договоров с Америкой, Францией и Испанией³⁷, Голландия соизволила согласиться на *предварительные условия мира* и то не в результате *русского посредничества*, а благодаря влиянию Франции.

(15) Неужели же венский и парижский дворы не вредили Англии в этом деле, противодействуя плану британского кабинета уступить Менорку России, и сопротивлению Фридриха Прусского проекту Северного союза под московитским покровительством, который принадлежал великому *Чатаму*?

(16) Предшественник — это Фокс.

Сэр Джеймс Харрис устанавливает полную иерархию британских министерств, соответственно степени, в которой они пользовались расположением его всемогущей партии. Несмотря на лорда Стормонта, графа Сэндвича, лорда Норта и самого сэра Джеймса Харриса, несмотря на раздел Польши, запугивание д'Эгильона, Кючук-Кайнарджийский мир и предполагавшуюся уступку Менорки — министерство лорда Норта поставлено у подножия этой небесной лестницы; много выше возбралось министерство Рокингема, думою которого был Фокс, известный своими последующими интригами с Екатериной; но на самой вершине мы видим министерство Шелбёрна, в котором канцлером казначейства был знаменитый Уильям Питт³⁸. Что касается

* дара комбинаций (франц.). *Ред.*

** Зотову. *Ред.*

самого лорда Шелбёрна, то Бёрк заявил в палате общин, что «если он не был в моральном отношении Катилиной или Борджа, то это следует приписать только отсутствию у него ума»⁵⁰.

Подробно рассмотрев поступки и причуды императора Павла, его преподобие г-н Питт продолжает:

«Только приняв во внимание эти соображения, можно правильно оценить характер последнего разрыва с коалицией⁵⁶ и бесчисленные оскорбления, нанесенные правительству Великобритании... Но узы, связывающие ее (Великобританию) с Российской империей, созданы природой и нерушимы. Соединившись, эти нации могли бы, пожалуй, противостоять всему миру; разделение существенно ослабляет мощь и значение каждой из них. Англия имеет основания сожалеть вместе с Россией, что императорский скипетр находится в руке, управляющей столь непоследовательно. Ибо российский монарх один повинен в разединении этих империй».

(17) Сэр Джеймс Харрис забывает сделать главный вывод, что английский посол является агентом России.

(18) В XVIII столетии депеши английских дипломатов с сакраментальной надписью на них — «личная» не должны были передаваться королю тем министром, которому они были адресованы. Что это было именно так, можно видеть из «Истории Англии» лорда Мэхона⁵⁴.

(19) «Сжечь после моей смерти». Эти слова были написаны в начале рукописи джентльменом, которому она была адресована*.

Преподобный джентльмен заканчивает свой отчет следующими словами:

«Насколько можно в данный момент предвидеть, более вероятным средством покончить с нынешним угнетением является, по-видимому, отчаяние разъяренного одиночки, а не какие-либо систематические комбинации мер в целях возвращения престолу России его достоинства и значения».

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы, приведенные в первой главе, извлечены К. Марксом из коллекции английского историка и мемуариста У. Кокса (1747—1828), хранящейся в Британском музее. Данное письмо наряду с другими донесениями английских дипломатических представителей в России в 1736—1739 гг. было полностью опубликовано с разрешения английского правительства в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 80. СПб. 1892, с. 13—19) по оригиналу, хранящемуся в английском Государственном архиве. Приведенные фрагменты в основном текстуально совпадают с этой публикацией. Рондо (Rondeau), Клодиус (ум. в 1739 г.) — английский дипломат, министр-резидент (1731—1739) в Петербурге; Уолпол (Walpole), Горацио (1678—1757) — английский дипломат и политический деятель, виг, чрезвычайный и полномочный посол в Голландии (1734—1737, 1739).

² Речь идет о предложении посредничества Англии и Голландии в русско-турецкой войне 1735—1739 гг., которое было отвергнуто Россией.

³ Анна Ивановна (1693—1740) — российская императрица в 1730—1740 гг.

⁴ Остерман, Андрей Иванович, граф (1686—1747) — русский дипломат и государственный деятель, вице-канцлер (1725—1741), в 1731—1741 гг. фактический руководитель внешней и внутренней политики России.

⁵ Бироц, Эрнст Иоганн, граф (1690—1772) — фаворит Анны Ивановны, обер-камергер ее двора.

⁶ Данное письмо частично опубликовано в «Сборнике Русского исторического общества» (Т. 12. СПб. 1873, с. 198—201), однако фрагмент, использованный Марксом, в эту публикацию не вошел. Макартии (Macartney), Джордж, граф (1737—1806) — английский дипломат, чрезвычайный посланник в Петербурге (1764—1767); Сэндвич (Sandwich), Джон Монтегью, граф (1718—1792) — английский государственный деятель, первый лорд адмиралтейства (1748—1751, 1763—1765, 1771—1782).

⁷ Панин, Никита Иванович, граф (1718—1783) — русский дипломат и государственный деятель, в 1763—1781 гг. возглавлял Коллегию иностранных дел; Фрид-

рих II (Великий) (1712–1786) – прусский король (1740–1786); Екатерина II (1729–1796) – российская императрица (1762–1796).

⁸ Голицын, Александр Михайлович (1718–1783) – русский дипломат, вице-канцлер (1762–1775).

⁹ Намек на Кальмарскую унию (1397–1523) – объединение Дании, Норвегии (с Исландией) и Швеции (с Финляндией) в личной унии под властью датских королей. В XV в. Швеция фактически вышла из унии; в ноябре 1520 г. датский король Кристиан II сделал попытку восстановить свою власть в Швеции, устроив кровавую расправу над Стокгольмом (так называемая Стокгольмская кровавая баня). Это вызвало народное восстание под руководством Густава Эриксона (Густав Ваза), завершившееся восстановлением шведской государственности.

¹⁰ Карл XII (1682–1718) – шведский король (1697–1718).

¹¹ Луиза Ульрика (Louisa (Lovisa) Ulrica) (1720–1782) – жена шведского короля Адольфа Фридриха (1751–1771); сестра прусского короля Фридриха II; Остерман, Иван Андреевич, граф (1725–1811) – русский дипломат, чрезвычайный посланник в Швеции (1759–1774), вице-канцлер (1775–1796), канцлер (1796–1797).

¹² Маркс имеет в виду разработанный в 60-х годах XVIII в. русской дипломатией проект объединения североευропейских государств – России, Пруссии, Англии, Дании, Швеции и Речи Посполитой – в союз (так называемую Северную систему, или Северный аккорд), направленный против Франции и Австрии. Несмотря на заключение Россией ряда договоров (в 1764 г. – союзного оборонительного договора с Пруссией, в 1765 г. – союзного оборонительного с Данией, в 1766 г. – торгового с Англией), проект в целом не был осуществлен из-за противодействия Пруссии и Англии, а также вследствие изменения внешнеполитического курса России после русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Питт (Pitt), Уильям, лорд Чатам (1708–1778) – английский государственный деятель, виг, министр иностранных дел и военный министр (1756–1761), премьер-министр (1766–1768).

¹³ По-видимому, речь идет о подготовке русско-прусского союзного договора, заключенного Петром III (русский император в 1761–1762 гг.) 24 апреля (5 мая) 1762 г. с Фридрихом II в ходе Семилетней войны (1756–1763). По этому договору Фридрих II получил назад все земли, завоеванные у Пруссии русскими войсками. Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович, граф (1693–1766) – русский государственный деятель и дипломат, с 1744 г. канцлер, до 1758 г. фактический руководитель внешней политики России. Дж. Макарти располагал неверной информацией: Бестужев-Рюмин в то время, к которому относится письмо, уже был отстранен от дипломатической деятельности.

¹⁴ Речь идет о книге: *Tableau des révolutions de l'Europe, depuis le bouleversement de l'Empire Romain en Occident jusqu'à nos jours*; par feu M. Koch, correspondant de l'Institut, et recteur honoraire de l'Académie Royale de Strasbourg. T. II. P. 1823, pp. 146–147.

¹⁵ Слова Уолпола, а также упоминаемые ниже выступления Сэндвича и Питта цитируются Марком по книге: Hughes T. S. *The History of England from the Accession of George III, 1760 to the Accession of Queen Victoria, 1837*. 3 ed. Lnd. 1846, vol. I, p. 183; vol. II, pp. 146, 261; vol. III, p. 124. В эксерцтных тетрадах Маркса содержатся выписки из этой работы.

¹⁶ Норт (North) Фредерик, лорд (1732–1792) – английский государственный деятель, торь, премьер-министр (1770–1782); в 1783 г. министр внутренних дел в коалиционном кабинете Портленда (кабинет Фокса – Норта).

¹⁷ Фокс (Fox), Чарльз Джеймс (1749–1806) – английский политический деятель, лидер вигов, министр иностранных дел (1782, 1783, 1806); Бёрк (Burke), Эдмунд (1729–1797) – английский государственный деятель и публицист, член парламента, виг; с 1791 г. поддерживал торь.

¹⁸ Речь идет об английском короле Георге III (1760–1820).

¹⁹ Основным источником здесь Марксу послужила публикация: *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803*. Vol. XIX. Lnd. 1814, pp. 874–893, 980–996; Vol. XX, Lnd. 1814, p. 372–406; vol. XXII, Lnd. 1814, pp. 915–923.

²⁰ Данное письмо было опубликовано в издании: *Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury; Containing an Account of His Missions to the Courts of Madrid, Frederick the Great, Catherine the Second, and the Hague, and His Special Missions to Berlin, Brunswick, and the French Republic*. Edited by His Grandson, the Third Earl. Vol. I. Lnd. 1844, pp. 528–535. Маркс об этой публикации не знал, он приводит документ по своим выпискам из оригинала в коллекции Кокса.

Малмсбери (Malmesbury), Джеймс Харрис, граф (1746–1820) – английский дипломат и государственный деятель, виг, чрезвычайный и полномочный посланник в России (1777–1782) и Голландии (1784–1789); Грантам (Grantham), Томас Робинсон, барон (1738–1786) – английский государственный деятель и дипломат, виг; министр иностранных дел (1782–1783).

²¹ Харрис сообщает о настроениях в русских придворных кругах, которые интелесовали правительство Англии в связи с его намерением получить поддержку России в войне с североамериканскими колониями (1775–1783).

²² Шуваловы – русский дворянский род, в XVIII–XIX вв. были близки ко двору; Строгановы – русский купеческий, впоследствии дворянский, род, известный своей деятельностью по колонизации Урала и Сибири в XVI–XVIII вв.; в XVIII–XIX вв.

были близки ко двору; Чернышевы — русский дворянский род, в XVIII—XIX вв. были близки ко двору.

²³ Тешенский мирный договор, подписанный 13 мая 1779 г., завершил войну за баварское наследство (1778—1779) между Австрией, с одной стороны, Пруссией и Саксонией — с другой, за раздел Баварии после смерти бездетного курфюрста Максимилиана-Иозефа. По договору, который закреплял австро-пруссский дуализм в Германии, баварский престол был передан курфюрсту Пфальцскому. Россия и Франция в специальной статье договора были объявлены державами — гарантами договора.

²⁴ По-видимому, Харрис имеет в виду документ об объявлении Испанией войны Англии в июне 1779 года.

²⁵ Потемкин, Григорий Александрович, князь (1739—1791) — русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1784 г.).

²⁶ Декларация о вооруженном нейтралитете, обнародованная Екатериной II 11 марта (28 февраля) 1780 г. и направленная против Англии в период ее войны с североамериканскими колониями, провозглашала право нейтральных держав свободно торговать с воюющими странами и ряд других принципов, обеспечивающих безопасность торгового мореплавания. К декларации в 1780—1783 гг. присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий.

²⁷ Флоридабланка (Florida Blanca), Хосе Моино, граф (1728—1808) — испанский государственный деятель и дипломат, сторонник просвещенного абсолютизма; премьер-министр (1777—1792); Карл III (1716—1788) — испанский король (1759—1788), король Неаполя (под именем Карла VII) и Сицилии (под именем Карла IV) (1735—1759).

²⁸ Английское правительство предложило передать России важный стратегический пункт в Средиземном море — о. Менорку в марте 1781 г., потребовав за это отказать от вооруженного нейтралитета (см. прим. 26) и поддержать Англию в ее войне с североамериканскими колониями. Это предложение было отвергнуто.

²⁹ Имеются в виду переговоры, завершившие войну Англии с североамериканскими колониями. 3 сентября 1783 г. был подписан Версальский мирный договор между Англией, с одной стороны, и США и их союзниками — Францией, Испанией и Нидерландами — с другой. Согласно этому договору Англия признала независимость США.

³⁰ Сямолин, Иван Матвеевич (1720—1793) — русский дипломат, посол в Англии (1779—1785); Стормонт (Stormont), Дэвид Марри, виконт (1727—1796) — английский государственный деятель и дипломат, тори.

³¹ 6(17) февраля 1772 г. в Петербурге по инициативе Пруссии была подписана конвенция, к которой вскоре присоединилась и Австрия, о предварительных условиях раздела Речи Посполитой; этот раздел подрывал национальную самостоятельность Польши, находившейся в состоянии глубокого социального и политического кризиса.

³² Речь идет о русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и обострении русско-шведских отношений после переворота, совершенного в 1772 г. королем Густавом III. Ликвидировав конституцию 1719 г., он фактически восстановил в Швеции абсолютизм. Россия, которая по Ништадтскому миру (1721 г.) была одним из гарантов государственного устройства Швеции, боялась усиления влияния Франции, финансировавшей Густава III.

³³ Речь идет о французском короле Людовике XV (1715—1774).

³⁴ Кючук-Кайнарджийский мирный договор завершил русско-турецкую войну 1768—1774 годов. Россия получила часть побережья Черного моря между Южным Бугом и Днепром с крепостью Кинбурн, а также Азов, Керчь и Еникале и добилась признания независимости Крыма. Русским торговым судам предоставлялось право свободного плавания через Босфор и Дарданеллы. По договору султан должен был также предоставить ряд привилегий греко-православной церкви.

³⁵ Hughes T. S. Op. cit. Vol. II, p. 86.

³⁶ Петти (Petty), сэр Уильям, граф Шелбёрн (1737—1805) — английский политический деятель, первый лорд казначейства (1782—1783), виг.

³⁷ Речь идет об английском короле Георге III (см. прим. 18 и 120) и поддерживающей его группе тори; Георг принадлежал к Ганноверской династии, занимавшей престол в соответствии с «актом о престолонаследии» (1701 г.); до 1815 г. короли этой династии были одновременно курфюрстами, а до 1837 г. — королями Ганновера.

³⁸ Маркс проводит здесь параллель между событиями XVIII в. и действиями английского адмиралтейства в 1854 г. при попытке установить блокаду русских гаваней на Черном море в ходе Крымской войны (1853—1856). Заявление Дж. Грахема, сообщенное о его депеше от 5 апреля 1854 г. и ответах адмирала Дандаса приводятся Марксом по материалам комиссии, назначенной для расследования положения английской армии в Крыму весной 1855 г. (State of the Army before Sebastopole.— The Times, May 15, 1855).

³⁹ Кавендиш (Cavendish), Джон, лорд (1732—1796) — английский политический деятель, виг, канцлер казначейства (март — июль 1782 и апрель — декабрь 1783).

⁴⁰ Речь Георга III, слова Кавендиша, а также упоминаемое ниже выступление Норта цитируются Марксом по книге: Hughes T. S. Op. cit. Vol. II, p. 191.

⁴¹ Сандерленд (Sunderland), Спенсер Чарльз, граф (1674—1722) — английский дипломат и политический деятель, виг; государственный секретарь (с 1717), первый

лорд казначейства (1718—1721); Пальмерстон (Palmerston), Генри Джон Темпл, виконт (1784—1865) — английский государственный деятель, вначале тори, с 1830 г. виг, министр иностранных дел (1830—1834, 1835—1841 и 1846—1851), министр внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865).

⁴² Иосиф II (1741—1790) — соправитель императрицы Марии Терезии (1765—1780), правитель Австрийской монархии (1780—1790), император Священной Римской империи (1765—1790).

⁴³ Рокингем (Rockingham), Чарльз Уотсон-Уэнтворт, маркиз (1730—1782) — английский государственный деятель, член парламента, виг, премьер-министр (1765—1766 и 1782).

⁴⁴ Речь идет о Версальском мирном договоре, см. прим. 29.

⁴⁵ Речь идет о Д. М. Голицыне.

⁴⁶ Кауниц-Ритберг (Kaunitz-Rietberg), Венцель Антон, князь (1711—1794) — австрийский государственный деятель и дипломат, сторонник «просвещенного» абсолютизма, канцлер (1753—1792).

⁴⁷ Имеется в виду выход в отставку членов министерства Рокингема после его смерти 1 июля 1782 года.

⁴⁸ Речь идет о министерстве Шелбёрна (см. прим. 36), находившемся у власти в 1782—1783 гг. после отставки членов министерства Рокингема.

⁴⁹ Питт (Pitt), Уильям (Младший) (1759—1806) — английский государственный деятель, тори, канцлер казначейства (1782—1783), премьер-министр (1783—1801, 1804—1806).

⁵⁰ Слова Бёрка цитируются Марксом по книге: Hughes T. S. Op. cit. Vol. III, pp. 148—149; Луций Сергий Катилина (ок. 108—62 до н. э.) — римский политический деятель; Борджа — папа Римский Александр VI (1492—1503) и его сын Чезаре.

⁵¹ [Ph. H.] Mahon, lord. History of England from the Peace of Utrecht to the Peace of Aix-la-Chapelle. Vol. I. Lnd. 1839, p. 341. Мэхон, Филип Генри Стэнхоуп, виконт (1805—1875) — английский политический деятель и историк, пилит, член парламента. В экскерптных тетрадах Маркса содержатся обширные выписки из этой книги.

⁵² Павел I (1754—1801) — русский император (1796—1801). Питт (Pitt), Л. К. — двоюродный брат Уильяма Питта (Младшего), священник при английской купеческой фактории в Петербурге в последнее десятилетие XVIII века.

⁵³ Речь идет о Французской буржуазной революции конца XVIII века.

⁵⁴ Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 года.

⁵⁵ Зубов, Платон Александрович, князь (1767—1822) — русский государственный деятель, последний фаворит Екатерины II.

⁵⁶ Имеется в виду выход России из второй антифранцузской коалиции в 1800 году.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чтобы понять определенную историческую эпоху, мы должны выйти за ее пределы и сравнить ее с другими историческими периодами. Чтобы судить о правительствах и их действиях, мы должны оценивать их с точки зрения того времени и морали их современников. Никто не осудит британского государственного деятеля XVII в. за то, что он руководствовался в своих поступках верой в колдовство, если знает, что сам Бэкон⁸⁸ относил демонологию к числу наук. Но вместе с тем, если сами современники станхоунов, уолполов, тауншендов и им подобных в их собственной стране относились к ним с подозрением, противодействовали им и осуждали их как орудия или сообщников России, тогда уже более невозможно оправдывать их политику удобной ссылкой на предрассудки и невежество, свойственные тому времени. Поэтому из исторических свидетельств, которые нам нужно рассмотреть, мы в первую очередь помещаем давно забытые английские памфлеты, опубликованные именно во времена Петра I. Однако из этих предварительных *pièces des procès** мы ограничимся тремя памфлетами, которые освещают политику Англии по отношению к Швеции с трех различных точек зрения. Первый из них, «Северный кризис» (приведенный в главе II), разоблачает политику России в целом и опасности, возникающие для Англии в результате подчинения Швеции русскому влиянию. Второй, под названием «Оборонительный договор»**, оценивает действия Англии с точки зрения договора 1700 года. И, наконец, третий, озаглавленный «Истина есть истина, когда она раскрывается вовремя»⁸⁹, доказывает, что новомодные схемы, возвеличивающие Россию, отводя ей роль главенствующей державы на Балтийском море, находились в вопиющем противоречии с традиционной политикой Англии, которую последняя проводила на протяжении целого столетия.

В памфлете под названием «Оборонительный договор» не поставлена дата опубликования. Но в одном месте говорится, что для усиления датского флота «в позапрошлом году» в Копенгагене было оставлено восемь английских военных кораблей, а в другом упоминается, что сосредоточение союзного флота для экспедиции в Сконе имело место «прошлым летом». Так как первое из этих событий произошло в 1715 г., а второе — в конце лета 1716 г., то памфлет, очевидно, был написан и опубликован в начале 1717 года. Оборонительный договор между Англией и Швецией, отдельные статьи которого памфлет комментирует в форме вопросов, был заключен в 1700 г. между Вильгельмом III и Карлом XII и срок его истек лишь в 1719 году. Однако мы видим, что на протяжении почти всего этого периода Англия постоянно помогала России и вела войну против Швеции то путем тайных интриг, то открыто с помощью силы, хотя указанный договор никогда не был аннулирован и война не была объявлена. Но этот факт, пожалуй, кажется даже менее странным, чем тот *conspiration de silence****, при помощи которого современным историкам удалось его похоронить, хотя среди них есть авторы, отнюдь не скупившиеся на упрёки в адрес английского правительства того

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории, 1989, №№ 1, 2.

* относящихся к делу документов (франц.). *Ред.*

** См. ниже. *Ред.*

*** заговор молчания (франц.). *Ред.*

времени за то, что оно, не объявив предварительно войны, уничтожило испанский флот в водах Сицилии⁹⁰. Но здесь Англия по крайней мере не была связана с Испанией договором об обороне. Как же можно объяснить это противоположное отношение к сходным случаям? Пиратский акт, совершенный против Испании, был для вигских министров, вышедших из состава кабинета в 1717 г., одним из средств, за которое они ухватились, чтобы затруднить положение оставшихся в нем своих коллег. Когда последние выступили в 1718 г. и убеждали парламент объявить войну Испании, сэр Роберт Уолпол поднялся со своего места в палате общин и в чрезвычайно язвительной речи осудил последние действия министерства, как

«противоречащие международному праву и нарушающие торжественно заключенные договоры». «Дать на них санкцию в предложенной форме,— сказал он,— можно лишь с единственной целью — покрыть министров, которые сознают, что совершили нечто дурное, и, начав войну с Испанией, хотели бы теперь превратить ее в войну, объявленную парламентом»⁹¹.

Так как предательство по отношению к Швеции и потворство планам России ни разу не послужили явным поводом для семейной ссоры между вигскими правителями (в этих-то вопросах они были скорее единодушны), то такие действия ни разу и не удостоились чести подвергаться со стороны историков такой же критике, какая в столь больших размерах была направлена против испанского инцидента.

Насколько современные историки вообще склонны верить тому, что им подсказывают сами чиновные плуты, лучше всего свидетельствуют их рассуждения по поводу торговых интересов Англии в России и Швеции. Ничто не преувеличивалось в такой степени, как возможности для торговли, открывающиеся перед Великобританией на огромном рынке России Петра Великого и его ближайших преемников. Утверждениям, не выдерживающим малейшей критики, позволяли переходить из одной книги в другую, пока наконец они не вошли в домашний обиход у историков и не были унаследованы всеми последующими исследователями даже без *beneficium inventarii**. Достаточно будет нескольких неоспоримых статистических данных⁹², чтобы опровергнуть эти стародавние избитые утверждения.

Британская торговля в 1697—1700 годах

Экспорт в Россию	58 884 ф. ст.
Импорт из России	112 252 » »

Итого: 171 136 ф. ст.

Экспорт в Швецию	57 555 ф. ст.
Импорт из Швеции	212 094 » »

Итого: 269 649 ф. ст.

За тот же период весь

Экспорт из Англии составил	3 525 906 ф. ст.
Импорт	3 482 586 » »

Итого: 7 008 492 ф. ст.

В 1716 г. после того, как все шведские области на берегах Балтийского моря и Финского и Ботнического заливов перешли в руки Петра I,

Экспорт в Россию составил	113 154 ф. ст.
Импорт из России	197 270 » »

Итого: 310 424 ф. ст.

* на веру (латин.) (усл.). *Ред.*

Экспорт в Швецию	24 401 ф. ст.
Импорт из Швеции	136 959 » »
<hr/>	
Итого:	161 060 ф. ст.

В то же время общая сумма английского экспорта и импорта составляла около 10 000 000 фунтов стерлингов. Сравнивая эти цифры с данными за 1697—1700 гг., можно видеть, что увеличение торговли с Россией уравнивается сокращением торговли со Швецией, и насколько возросла первая, настолько же упала вторая. В 1730 г.

Экспорт в Россию составил	46 275 ф. ст.
Импорт из России	258 802 » »
<hr/>	
Итого:	305 077 ф. ст.

Таким образом, по прошествии пятнадцати лет, когда положение московитского поселения на Балтийском море упрочилось, британская торговля с Россией уменьшилась на 5347 фунтов стерлингов. При общем обороте английской торговли, достигшем в 1730 г. 16 329 001 фунта стерлингов, торговля с Россией составила меньше 1/53 этой суммы. А спустя еще тридцать лет, в 1760 г., торговля между Англией и Россией выражается в следующих цифрах:

Импорт из России (в 1760 г.)	536 504 ф. ст.
Экспорт в Россию	39 761 » » ⁹³
<hr/>	
Итого:	576 265 ф. ст.,

в то время как общая торговля Англии составила 26 361 760 фунтов стерлингов. Сравнивая эти цифры с цифрами 1716 г., мы видим, что общие размеры торговли с Россией почти за полвека возросли лишь на ничтожную сумму — 265 841 фунт. То, что Англия понесла определенные убытки от ее новых коммерческих отношений с Россией при Петре I и Екатерине I⁹⁴, становится очевидным при сопоставлении, с одной стороны, цифр экспорта и импорта, а с другой — затрат на частые морские экспедиции в Балтийское море, которые Англия предпринимала при жизни Карла XII для того, чтобы сломить его сопротивление России, а после его смерти якобы в силу необходимости воспрепятствовать дальнейшим вторжениям России в морские пространства.

Взглянув еще раз на статистические данные за 1697—1700, 1716, 1730 и 1760 гг., мы увидим, что экспорт Англии в Россию непрерывно падал, за исключением 1716 г., когда Россия завладела всей торговлей Швеции на восточном берегу Балтийского моря и Ботнического залива и еще не имела возможности подчинить ее своим собственным правилам. С 58 884 фунтов стерлингов в 1697—1700 гг., когда Россия еще не имела доступа к Балтийскому морю, британский экспорт в Россию упал до 46 275 фунтов в 1730 г. и до 39 761 фунта в 1760 г., уменьшившись на 19 123 фунта стерлингов, или приблизительно на 1/3 от его первоначальной суммы в 1700 году. Если, таким образом, с присоединением шведских областей к России британский рынок для русского сырья расширился, то, с другой стороны, русский рынок для британских промышленных товаров сократился, в период господства теории торгового баланса⁹⁵ такая особенность вряд ли могла говорить в пользу этой торговли. Выяснение обстоятельств, вызвавших увеличение англо-русской торговли при Екатерине II, отвлечло бы нас слишком далеко от рассматриваемой эпохи.

В целом мы, таким образом, приходим к следующим выводам: в первые шестьдесят лет XVIII века вся англо-русская торговля составляла лишь весьма незначительную долю общей торговли Англии, примерно около 1/45. Внезапное увеличение ее в первые годы влияния Петра на Балтийском море не оказало никакого воздействия на общий торговый баланс Англии, так как это было простым переносом со счета Швеции на счет России. В последние годы царствования Петра I, так же,

как и при его ближайших преемниках — Екатерине I и Анне*, англо-русская торговля определенно уменьшилась. В течение всего периода, начиная с окончательно утверждения России в Прибалтийских провинциях, экспорт английских промышленных товаров в Россию непрерывно падал, так что к концу этого периода был на одну треть меньше, чем вначале, когда торговля еще велась только через порт Архангельск. Ни современники Петра I, ни последующее поколение англичан не получили никакой выгоды от продвижения России к Балтийскому морю. В общем, балтийская торговля Великобритании была в то время ничтожной по размерам вложенных в нее капиталов, но важной по своему характеру. Она доставляла Англии сырье для ее кораблестроения. То, что с этой точки зрения Балтийское море было в более надежных руках, когда находилось во власти Швеции, чем когда им завладела Россия, доказывается не только воспроизводимыми нами памфлетами. Это вполне сознавали и сами английские министры. Например, 16 октября 1716 г. Стэнхоуп писал Тауншенду⁹⁶:

«Не подлежит сомнению, что если в течение трех лет предоставить царю свободу действий, он станет полновластным хозяином этих морей» [(1)].

Если, таким образом, как с точки зрения мореплавания, так и всей своей торговли Англия не была заинтересована в предательской поддержке, которую она оказывала России против Швеции, то имела все же небольшая группа английских купцов, интересы которых совпадали с интересами их русских коллег. Это была Русская торговая компания⁹⁹. Именно эти господа подняли вопль против Швеции. См., например, «Многочисленные обиды, которые претерпели английские купцы в своей торговле во владениях короля шведского, показывающие, сколь может быть опасно для английской нации зависеть исключительно от Швеции в области снабжения материалами для кораблестроения, в то время как те же материалы можно было бы доставить в изобилии из владений русского императора», «Дело купцов, торгующих с Россией» (петиция парламенту)¹⁰⁰ и т. д. Именно они в 1714, 1715 и 1716 гг. регулярно собирались по два раза в неделю перед открытием парламента, чтобы сформулировать на публичных собраниях жалобы английских торговых людей против Швеции. На эту небольшую группу и опирались министры; как можно видеть из писем графа Юлленборга к барону Гёрцу от 4 ноября и 4 декабря 1716 г.¹⁰¹, они даже содействовали этим выступлениям. Министрам требовалась лишь видимость предлога для того, чтобы склонить их «продажный парламент», как его называет Юлленборг, к тому, что им было нужно. Влияние этих английских купцов, торговавших с Россией, вновь проявилось в 1765 году. А уже в наши дни мы видели, как стоящий во главе министерства торговли купец, торгующий с Россией, действовал в своих собственных интересах, а канцлер казначейства — в интересах своего родственника, ведущего торговлю с Архангельском¹⁰².

Олигархия, узурпировавшая после «Славной революции» богатства и власть в ущерб массам английского народа, конечно, вынуждена была искать союзников не только за границей, но и внутри страны. Последних она нашла в лице тех, кого французы называют *la haute bourgeoisie***, представленных Английским банком, ростовщиками, кредиторами государства, Ост-Индской и другими торговыми компаниями, крупными фабрикантами и т. д. Как заботливо олигархия блюла материальные интересы этого класса, можно видеть из всего ее внутреннего законодательства — из законов о банках, протекционистского законодательства, законов о бед-

[(1)] В 1657 г., когда датский и бранденбургский дворы намеревались привлечь московитов к нападению на Швецию, они дали своим посланникам инструкции повести дело так, чтобы царь⁹⁷ ни в коем случае не мог укрепиться на Балтийском море, потому что «они не знали, что делать с таким беспокойным соседом». См. *«Историю Бранденбурга»* Пуфендорфа⁹⁸.

* Пропущен Петр II (1727—1730). *Ред.*

** верхушкой буржуазии (франц.). *Ред.*

ных и т. д. Что касается ее *внешней политики*, то олигархия стремилась создать хотя бы видимость того, что эта политика полностью определяется коммерческими интересами. Это было тем легче сделать, что то или иное мероприятие правительства всегда легко можно было представить соответствующим исключительным интересам любой незначительной группы этого класса. Заинтересованная группа поднимала в таком случае крик о торговле и мореплавании, который нация глухо повторяла.

Итак, в те времена кабинет был по крайней мере обременен *обязанностью* придумывать хотя бы и несостоятельные *коммерческие предлоги* для своих внешнеполитических мероприятий. В наше же время британские министры перенесли это бремя на другие нации, предоставляя французам, немцам и др. неблагоприятную задачу открытия *тайных и скрытых* коммерческих мотивов и действий. Так, например, лорд Пальмерстон предпринимает шаг, очевидно, крайне вредный для материальных интересов Великобритании. И вот на другом берегу Атлантического океана, или Ла-Манша, или в сердце Германии появляется какой-нибудь политический философ¹⁰³, который ломает голову над разгадыванием тайн политики торгового макиавеллизма «коварного Альбиона», неразборчивым в средствах и непреклонным проводником которой, как полагают, является Пальмерстон. Мы покажем *en passant** на нескольких современных примерах, к каким отчаянным ухищрениям были вынуждены прибегать эти иностранцы, считавшие свою обязанностью объяснять действия Пальмерстона тем, что они принимали за английскую торговую политику. В своей ценной книге «*Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes*» г-н Элиас Реньо, удивляясь русофильской позиции британского консула в Бухаресте г-на Колхуна накануне и во время 1848—1849 гг., подозревает, что Англия имеет какие-то тайные материальные выгоды от подавления торговли Дунайских княжеств. Покойный д-р Кюнибер, домашний врач старого Милоша, приводит в своем весьма интересном рассказе о русских интригах в Сербии любопытную историю о том, каким образом лорд Пальмерстон при помощи полковника Ходжиза предал Милоша России, делая вид, что поддерживает его против нее¹⁰⁴. Вполне убежденный в личной честности Ходжиза и патристическом рвении Пальмерстона, д-р Кюнибер, оказывается, пошел еще дальше г-на Элиаса Реньо. Он подозревает, что Англия заинтересована в подавлении турецкой торговли вообще. Генерал Мерославский в своем последнем труде о Польше не очень-то далек от предположения, что торговый макиавеллизм побудил Англию сдачей Карса¹⁰⁵ пожертвовать своим собственным *престижем* в Малой Азии. Наконец, последним примером могут служить нынешние «изыскания» парижских газет, рыцущих в поисках тайных источников торгового соперничества, побуждающего Пальмерстона противиться прорытию канала через Суэцкий перешеек¹⁰⁶.

Но возвратимся к нашей теме. Коммерческие соображения, на которые ссылались тауэншэнды, стэнхоупы и др. как на предлог враждебных демонстраций против Швеции, сводились к следующему. К концу 1713 г. Петр I распорядился, чтобы вся пенька и другие товары из его владений, предназначенные на экспорт, доставлялись в С.-Петербург, а не в Архангельск. Тогда регенты, управлявшие Швецией во время отсутствия Карла XII, и сам Карл XII по возвращении из Бендер объявили блокаду всех балтийских портов, занятых русскими. Вследствие этого английские суда, пытавшиеся прорвать блокаду, подвергались конфискации. Тогда английское министерство стало утверждать, что британские купцы имеют право торговать с этими портами согласно статье XVII оборонительного договора 1700 г., в силу которой разрешалось продолжать английскую торговлю с неприятельскими портами, за исключением военной контрабанды. Бессмысленность и лживость этого предлога полностью вскрываются в приводимом ниже памфлете. Мы же только заметим, что это дело неоднократно решалось вопреки интересам торговых наций, не связанных, как Англия, договорными обязательствами защищать неприкосновенность Шведской империи. В 1561 г., когда русские захватили Нарву¹⁰⁷ и прилагали все усилия к тому, чтобы организовать там свою торговлю, ганзейские города, и в

* мимоходом (франц.). *Ред.*

особенности Любек, сами старались взять эту торговлю в свои руки. Тогдашний король Швеции Эрик XIV противился их притязаниям. Город Любек заявил, что эти возражения — нечто совершенно новое, так как он вел торговлю с Россией с незапамятных времен и защищал право всех наций плавать по Балтийскому морю при условии, что их суда не перевозят военной контрабанды. Король отвечал, что он оспаривает свободу торговли ганзейских городов не с Россией, а только с Нарвой, которая не является русским портом. В 1579 г., когда русские вновь нарушили перемирие со Швецией, датчане также настаивали на свободе морских сношений с Нарвой на основании шведско-датского договора, но король Иоани так же упорно отрицал это право, как и его брат Эрик ¹⁰⁸.

Англия, открыто проявляя свое враждебное отношение к королю Швеции, а также обосновывая это лживыми предложениями, по-видимому, только шла по стопам Голландии, которая, объявив конфискацию ее судов пиратством, выпустила против Швеции в 1714 г. две прокламации.

В одном отношении для Генеральных Штатов дело обстояло так же, как и для Англии. Король Вильгельм заключил оборонительный договор от имени как Англии, так и Голландии. Кроме того, в статье XVI торгового договора, заключенного между Голландией и Швецией в 1703 г., было специально оговорено, что никакие суда не допускаются к портам, блокированным кем-либо из союзников. Обычное в то время для Голландии лицемерное заявление, что «никто не может воспрепятствовать торговым кораблям возить товары куда угодно», было тем более наглым, что во время войны, закончившейся Рисвикским миром ¹⁰⁹, Голландская республика объявила блокаду всей Франции, запретила нейтральным державам всякую торговлю с этим королевством и независимо от характера груза задерживала все их суда, которые направлялись туда или возвращались оттуда.

В другом отношении положение Голландии отличалось от положения Англии. Для Голландии, утратившей свое торговое и морское могущество, в то время уже наступил период упадка. Подобно Генуе и Венеции, которые из-за новых торговых путей лишились прежнего коммерческого преобладания, она была вынуждена предоставлять в кредит другим нациям свои капиталы, которые стали слишком велики для объема ее собственной торговли. Ее отечество переместилось туда, где она получала со своих капиталов наиболее высокие доходы. Россия поэтому являлась огромным рынком в меньшей степени для торговли, чем для вложения капиталов и отправки туда людей. До настоящего времени Голландия осталась банкиром России. Во времена Петра она снабжала Россию судами, офицерами, оружием и деньгами, так что его флот, как замечает писатель того времени, следовало бы скорее называть голландским, чем московитским ¹¹⁰. Голландцы гордились тем, что послали в С.-Петербург первое европейское торговое судно и за торговые привилегии, которые они получили или надеялись получить от Петра, платили таким же гнусным пресмыкательством, которое характерно и для их отношений с Японией. Таким образом, здесь в отличие от Англии было совершенно иное, прочное основание для русофильства государственных деятелей, которых Петр I завлек в свои сети во время пребывания в Амстердаме и Гааге в 1697 г., которыми он затем руководил через своих послов и на которых он снова стал оказывать свое личное влияние во время повторного пребывания в Амстердаме в 1716—1717 годах. Если, однако, принять во внимание преобладающее влияние Англии на Голландию в первые десятилетия XVIII века, то не остается никаких сомнений, что прокламации Генеральных Штатов против Швеции никогда не были бы выпущены без предварительного согласия и подстрекательства со стороны Англии. Близкие отношения между английским и голландским правительствами неоднократно служили первым для того, чтобы от имени Голландии создавать прецеденты, на основании которых оно затем намеревалось действовать уже от имени Англии. Вместе с тем так же несомненно, что царь использовал голландских государственных деятелей для воздействия на британских. Так, Горацио Уолпол, брат «отца коррупции» ¹¹¹, шурин министра Тауншенда и английский посол в Гааге в 1745—1746 гг., несомненно, был привлечен на защиту русских интересов своими голландскими друзьями. Как мы скоро увидим, секретарь голландского посольства в Константинополе Тейлс в самый критический период смертельной борьбы между Карлом XII и Петром I

одновременно вел в Высокой Порта дела как английского, так и голландского посольств. В своей книге этот Тейлс открыто ставит себе в заслугу перед своей нацией то, что был ревностным и платвым агентом русских интриг¹¹².

«ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В 1700 г.
МЕЖДУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ
СЛАВНОЙ ПАМЯТИ ПОКОЙНЫМ
КОРОЛЕМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ И ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ
НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩИМ КОРОЛЕМ ШВЕДСКИМ КАРЛОМ XII.
ОПУБЛИКОВАНО ПО РЕШИТЕЛЬНОМУ НАСТОЯНИЮ НЕСКОЛЬКИХ ЧЛЕНОВ
ОБЕИХ ПАЛАТ ПАРЛАМЕНТА»¹¹³.

«Nec rumpite foedera pacis,
Nec regnis praeferte fidem».

Silius. Lib. II*.

Лондон

Статья I устанавливает между королями Швеции и Англии «искреннюю и постоянную дружбу навеки, союз и доброе согласие, так что каждый из них никогда не станет совместно с кем-либо или самостоятельно наносить ущерба королевству другого, его провинциям, колониям или подданным, где бы они ни находились, а также не допустит и не даст согласия, чтобы это делали другие и т. д.».

«Статья II. Помимо этого, каждый из союзников, его наследники и преемники обязуются, насколько это в их силах, заботиться о выгодах и достоинстве другой стороны и способствовать ей в этом, раз узнавать и (как только кому-либо из союзников об этом станет известно) сообщать другому обо всех грозивших ему опасностях, заговорах и враждебных замыслах, направленных против него, противодействовать им насколько возможно и предотвращать их как советом, так и помощью. И потому со стороны каждого из союзников будет незаконным самому или при посредстве кого бы то ни было предпринимать какие-либо действия, переговоры или попытки, наносящие вред или ущерб другому союзнику, каким бы то ни было его землям и владениям, где бы они ни находились, на суше или на море. Ни один из союзников никоим образом не будет содействовать врагам другого — бунтовщикам или неприятелям, во вред своему союзнику» и т. д.

«Вопрос I. Как согласуются выделенные курсивом слова этих двух статей с нашим нынешним поведением, когда наш флот действует сообща с врагами Швеции, царь командует нашим флотом, наш адмирал ** входит в состав военных советов и не только посвящен во все их планы, но вместе с нашим собственным посланником в Копенгагене *** (как признал сам король датский **** в публичном заявлении) побудил северных союзников к предпрятию, в высшей степени вредному для нашего союзника — Швеции (я имею в виду предполагавшийся прошлым летом десант в Сконе)?

Вопрос II. Как должны мы также толковать то место в первой статье, где условлено, что ни один из союзников, ни сам, ни при посредстве кого бы то ни было, не должен предпринимать какие-либо действия, переговоры или попытки, наносящие ущерб землям и владениям другого? В частности, как оправдать посылку нами в 1715 г. восьми военных кораблей в Балтийское море и притом в такое позднее время года, когда уже нельзя было, как обычно, сделать это под предлогом конвоирования и защиты наших торговых судов, которые к тому времени уже благополучно возвратились домой? При этом военным кораблям было дано распоряжение сражаться бок о бок с датчанами. Из-за этого благодаря нам датский флот численно настолько превосходил шведский, что тот не мог прийти на помощь Штральзунду и тем самым мы были главной причиной того, что Швеция целиком потеряла свои германские провинции и что даже его величество король шведский лично подвергся чрезвычайной опасности во время своего переезда через море перед сдачей этого города».

Статья III. Специальным оборонительным договором короли шведский и английский взаимно обязуются «в тесном союзе взаимно защищать друг друга в Европе на море или на суше, равно как и свои королевства, территории, провинции,

* «Не разрывайте мирных договоров. И не ставьте верность ниже царств» (латин.). Силий Италик «О второй Пунической войне», кн. II. *Ред.*

** Д. Норрис. *Ред.*

*** А. Кэмпбеллом. *Ред.*

**** Фредерик IV. *Ред.*

государства, подданных, владения, а также свои права и свободу мореплавания и торговли в морях Северном, Каледонском*, Западном и Британском, обычно называемом Ла-Маншем, в Балтийском море и в Зунде, а также привилегии и прерогативы каждого из союзников, принадлежащие им как в силу договоров и соглашений, так и в силу признанных обычаев, международного права и права наследования — против всех нападающих, вторгающихся и наносящих ущерб и т. д.»

«Вопрос. Согласно международному праву неоспоримым правом и прерогативой каждого монарха или народа в случае крайней нужды или грозящей гибели является применение всех тех средств, которые они сами найдут наиболее подходящими для своей защиты. Кроме того, прерогативой и обычаем шведов в продолжение этих нескольких веков постоянно было, в случае войны с их самыми страшными врагами — москвитами — препятствовать всякой торговле с ними на Балтийском море. И если в этой статье также условлено, что, помимо всего прочего, один союзник должен защищать прерогативы, принадлежащие другому, как установленные признанными обычаями, так и международным правом, то как же мы теперь, когда король шведский более чем когда-либо нуждается в использовании этой прерогативы, не только оспариваем ее, но и пользуемся ею как предлогом для открытых враждебных действий против него?»

Статьи IV, V, VI и VII устанавливают численность вспомогательных сил, которые Англия и Швеция должны послать друг другу в случае нападения на территорию одной из этих держав либо в случае «нанесения ущерба или препятствия» их мореплаванию в одном из морей, перечисленных в статье III. Вторжение в германские провинции Швеции специально оговаривается, как *casus foederis***.

Статья VIII обуславливает, что тот из союзников, который не подвергся нападению, должен сначала выступить в роли мирного посредника. Если же посредничество окончится неудачей, «вышеуказанные силы должны посылаться незамедлительно, и союзники не должны прекращать своих действий, прежде чем пострадавшая сторона не будет полностью удовлетворена».

Статья IX. Союзник, который нуждается в условленной «помощи», выбирает по своему усмотрению, хочет ли он иметь вышеуказанные силы целиком или частями, получить солдат, корабли, военное снаряжение или деньги.

Статья X. Суда и войска действуют под «командованием того, кто их потребовал».

Статья XI. Однако, если окажется, что вышеуказанные силы не будут пропорциональны опасности, поскольку нападающему, возможно, будут помогать войска кого-либо из его союзников, то один из союзников, после предварительной просьбы, обязан помочь подвергшейся нападению стороне такими значительными силами как на суше, так и на море, какие он только сможет выставить без ущерба для своей безопасности и своих интересов...

Статья XII. Каждый из союзников и их подданные вправе приводить свои военные суда в порты другого и зимовать там». Специальные переговоры по этому пункту будут иметь место в Стокгольме, но «до этого времени статьи договора, заключенного в Лондоне в 1661 г., относящиеся к мореплаванию и торговле, остаются в полной силе, как если бы они были дословно включены в настоящий договор».

Статья XIII. Подданные каждого из союзников... не должны никоим образом ни на море, ни на суше служить у них (врагов другого союзника) ни в качестве моряков, ни в качестве солдат, и посему это должно быть им воспрещено под страхом сурового наказания.

Статья XVI***. Если окажется, что один из союзных королей... будет вовлечен в войну против общего врага или подвергнется нападению какого-либо соседнего короля... в своих собственных королевствах или провинциях... и будет нуждаться в помощи, чтобы воспрепятствовать этому, но в силу настоящего договора сам будет должен послать помощь, то тогда союзник, подвергшийся нападению, не будет обязан предоставлять обещанную помощь...

«Вопрос I. Не сознаем ли мы в глубине души, что король шведский самым несправедливым образом подвергся нападению всех его врагов? Не убеждены ли мы, следовательно, что должны оказать ему помощь, обусловленную этими статьями? Разве он не просил ее у нас, и почему же до сего времени ему в ней отказывали?»

Вопрос II. Так как в этих статьях в самых точных выражениях изложено, каким образом Великобритания и Швеция должны помогать друг другу, то может ли один из двух союзников предписывать другому, требующему его помощи, такой способ ее предоставления, который не предусмотрен договором? И если другой союзник считает, что принятие такого способа предоставления ему помощи не соответствует его интересам, но продолжает настаивать на выполнении договора, может ли первый поэтому считать это предлогом не только для отказа от предоставления условленной помощи, но и для враждебного отношения к своему союзнику и объединения с его врагами против него? Если это не оправдано, как подсказывает нам даже простой здравый смысл, то как же можем мы выдвигать в числе

* Гебридское море. *Ред.*

** Момент вступления в силу союзнических обязательств (латин.). *Ред.*

*** В газете ошибочно: «XIV». *Ред.*

других и следующее оправдание нашего поведения по отношению к королю шведскому, *id est* * то, что, добиваясь буквального выполнения своего союзного договора с нами, он не согласился на договор о нейтралитете для своих германских провинций, который мы ему предложили несколько лет тому назад, на договор, который, не говоря уже о его выгоде для врагов Швеции, был составлен только в наших собственных интересах и имел целью предупредить всякие осложнения в Империи на то время, когда мы были заняты войной с Францией? ¹¹⁴ Король шведский имел тем менее оснований полагаться на этот договор, что ему предстояло заключить его именно с теми врагами, каждый из которых, начав теперешнюю войну с ним, нарушил несколько договоров, а гарантами должны были быть те державы, каждая из которых гарантировала также и нарушенные договоры и не выполнила своих обещаний.

Вопрос III. Как мы можем согласовать слова статьи VIII **, где сказано, что, оказывая помощь нашему подвергнувшемуся нападению союзнику, мы не должны прекращать ее, прежде чем он не будет полностью удовлетворен, с нашими стараниями помочь, напротив, врагам этого монарха, хотя все они на него напали несправедливо, помочь им не только захватывать одну его провинцию за другой, но и беспрестанно оставаться владельцами их и в то же время непрестанно порицать короля шведского за отказ смиренно этому подчиниться?

Вопрос IV. Договор, заключенный в 1661 г. между Великобританией и Швецией, подтвержден XII *** статьей. Указанный договор категорически запрещает одному из союзников — самому или его подданным — отдавать внаем или продавать врагам другого военные суда или суда, вооруженные для обороны. Статья XIII настоящего договора столь же категорически запрещает подданным каждого из союзников помогать каким бы то ни было образом врагам другого союзника в ущерб и во вред ему. Разве мы не обвиняли бы шведов в самом явном нарушении этого договора, если бы они во время нашей последней войны с французами предоставили последний свой собственный флот, чтобы они могли лучше осуществить любые свои замыслы против нас, или если бы шведы, несмотря на наши представления и вопреки им, допустили, чтобы их подданные снабжали французов пятидесяти-, шестидесяти- и семидесятипудовыми кораблями? Теперь если мы подойдем к этому вопросу с другой стороны и вспомним, сколько раз за последнее время, даже в самые критические периоды, наш флот всецело содействовал замыслам врагов Швеции и что царь Московии имеет теперь в составе своего флота больше дюжины судов, построенных в Англии, то не будет ли нам чрезвычайно трудно простить себе то, за что мы, несомненно, порицали бы других?»

«Статья XVII. Обязательства не распространяются так далеко, чтобы должна была прекращаться всякая дружба и взаимная торговля с врагами этого союзника» (требующего помощи). «Если один из союзников пошлет другому вспомогательные силы, но сам в войне участвовать не будет, то его подданные вправе вести торговлю и поддерживать сношения с врагами ведущего войну союзника, а также непосредственно и беспрестанно торговать с этими врагами всеми товарами, которые не будут специально запрещены и признаны контрабандой в особом торговом договоре, который должен быть заключен позднее».

«Вопрос I. Эта статья является единственной из двенадцати двух статей, на выполнении которой шведами мы теперь имеем основание настаивать. Поэтому возникает вопрос, соблюдали ли мы сами по отношению к шведам условия всех остальных статей, как это надлежало нам сделать, и, требуя от короля шведского выполнения условия этой статьи, обещали ли мы также выполнить свой долг в отношении всего остального? Если нет, то разве не могут шведы сказать, что мы несправедливо жалуемся на нарушение одной-единственной статьи, тогда как мы сами, быть может, оказываемся виновными в том, что не выполнили договор в самых существенных его пунктах или даже в том, что действовали вопреки договору в целом?»

Вопрос II. Разве предоставляемая в силу этой статьи каждому из союзников свобода торговли с врагами другого не должна ограничиваться совсем ни временем, ни местом? Короче говоря, должна ли она распространяться так далеко, чтобы отступить даже от самой цели этого договора, которая заключается в том, чтобы одно королевство обеспечивало неприкосновенность и безопасность другого?

Вопрос III. Если бы во время последних войн французы завладели Ирландией или Шотландией и посредством торговли во вновь созданных или старых морских портах попытались еще более твердо закрепить за собою свои новые завоевания, то разве стали бы мы считать шведов нашими верными союзниками и друзьями в том случае, если на основании этой статьи они настаивали бы на том, чтобы торговать с французами в указанных морских портах, отнятых у нас, а также предоставлять им там различные необходимые для войны материалы и, более того, даже военные суда, при помощи которых французам было бы легче досаждать нам здесь, в Англии?

* то есть (латин.). *Ред.*

** В газете ошибочно: «VII». *Ред.*

*** В газете ошибочно: «XI». *Ред.*

Вопрос IV. Если бы мы стали препятствовать этой столь пагубной для нас торговле и с этой целью задерживать все шведские суда, направляющиеся в указанные морские порты, то разве не стали бы мы весьма негодовать на шведов, если бы они под этим предлогом объединили свой флот с французским для захвата каких-либо наших владений и держали его наготове для подстрекательства и даже для поддержки нападения на нас?

Вопрос V. Разве после беспристрастного рассмотрения такой случай не оказался бы совершенно аналогичным нашим требованиям свободы торговли с морскими портами, которые царь отнял у Швеции, и нашему теперешнему отношению к тому, что король шведский препятствует этой торговле?

Вопрос VI. Разве во всех наших войнах с Францией и Голландией, начиная со времен Оливера Кромвеля и до 1710 г.¹¹⁵, мы не задерживали и не конфисковывали даже без какой-либо настоятельной необходимости шведские суда, хотя они и не направлялись в какие-либо порты, торговля с которыми была воспрещена? Причем количество и ценность этих судов были гораздо значительнее всех тех, которые шведы захватили у нас теперь? И разве шведы когда-либо использовали это как предлог для того, чтобы присоединиться к нашим врагам и посылать им на помощь целые эскадры?

Вопрос VII. Если мы тщательно исследуем состояние торговли за этот долгий срок, то разве не найдем мы, что в вышеуказанных пунктах эта торговля была для нас не так уж необходима? Во всяком случае, не настолько, чтобы делать выбор между нею и сохранением союзного протестантского государства и, еще менее, чтобы дать нам справедливое основание *вести против этого государства войну, которая хотя и не была объявлена, но причинила ему больше вреда, чем объединенные действия всех его врагов?*

Вопрос VIII. Если два года тому назад оказалось, что эта торговля приобрела для нас несколько более важное значение, чем прежде, то разве трудно доказать, что это вызвано лишь тем, что царь принудил нас отказаться от нашего старого торгового пути на Архангельск и направил нас к Петербургу, а мы подчинились этому? Таким образом, во всех неудобствах, которые мы испытали в результате этого, разве не следовало бы винить царя, а не короля шведского?

Вопрос IX. Разве не разрешил нам царь в самом начале 1715 г. снова вести торговлю по нашему старому пути на Архангельск? И разве наши министры не знали об этом задолго до того, как наш флот был послан в том году для защиты нашей торговли с Петербургом, которая вследствие такого изменения решения царя стала для нас столь же ненужной, как и прежде?

Вопрос X. Разве не заявил король шведский, что, если мы прекратим торговлю с Петербургом и т. д., которую он считает пагубной для своего королевства, он нисколько не будет препятствовать нашей торговле ни на Балтийском море, ни в каком-либо другом месте? Но если мы не дадим ему этого незначительного доказательства нашей дружбы, то пусть на него не пеняют, если невинным придется страдать вместе с виновными.

Вопрос XI. Разве, настаивая на ведении торговли с портами, на которые король шведский наложил запрет, — торговли, которая, помимо того, что она не нужна нам, едва ли составляет и десятую долю всей нашей торговли на Балтийском море, не навлекли мы на себя таким образом те опасности, которым наша торговля подвергалась все это время? Разве не мы сами вызвали большие затраты на снаряжение нашего флота для ее защиты, а присоединившись к врагам Швеции, разве не дали мы его величеству королю шведскому полное основание для негодования, даже если дело доходило до захвата и конфискации без всякого различия всего нашего имущества и всех наших судов, где бы они ему ни попадались — в пределах его королевства или вне его?

Вопрос XII. Если мы так дорожили нашей торговлей с северными портами вообще, то не следовало ли нам в политике скорее принимать во внимание опасность, угрожающую этой торговле вследствие того, что Швеция приближается к своему упадку, а царь становится полным и единственным хозяином Балтийского моря и всех тех материалов для кораблестроения, которые нам нужно получать отсюда? И не причинил ли к тому же нам царь больших затруднений и убытков в этой торговле, чем та сумма, достигающая лишь шестидесяти с лишним тысяч фунтов (две трети ее, кстати, можно, пожалуй, оспаривать), которая побудила нас вначале послать двадцать военных кораблей в Балтийское море с приказом атаковать шведов, где бы они ни встретились? И тем не менее разве не сам царь, этот весьма честолюбивый и опасный монарх, *командовал прошлым летом всем, как его называли, союзным флотом, наиболее значительную часть которого составляли наши военные суда? Это был первый случай, когда иностранному государю было вручено командование английским флотом — оплотом нашей нации. И не конвоировали ли затем эти наши военные суда его* [царя] *транспортные суда и находившиеся на них войска во время их возвращения из Зеландии, охраняя их от шведского флота, который в противном случае мог бы нанести им значительный урон?*

Вопрос XIII. Теперь допустим, что, воспользовавшись серьезными и многочисленными жалобами наших купцов на дурное обращение с ними царя, мы, напротив, послали бы наш флот, чтобы показать наше негодование этим монархом,

воспрепятствовать его обширным и вредным даже и для нас замыслам, а также чтобы помочь Швеции согласно этому договору и действительно восстановить мир на Севере. Разве не больше соответствовало бы это нашим интересам, не было бы более необходимым, благородным и справедливым и более согласным с нашим договором, и не были ли бы, таким образом, лучше использованы те несколько сот тысяч фунтов, которые эти наши северные экспедиции стоили нации?

Вопрос XIV. Если охрана и защита нашей торговли от шведов была единственной и подлинной целью всех наших действий, касающихся положения дел на Севере, то как же случилось, что в позапрошлом году мы оставили восемь военных кораблей в Балтийском море и в Копенгагене, когда там у нас уже не было никакой торговли, пугающей в защите? Почему прошлым летом адмирал Норрис, хотя у него и голландцев вместе было двадцать шесть военных кораблей и они, следовательно, были слишком сильны для того, чтобы шведы могли предпринять что-либо против конвоируемых ими наших торговых судов, в течение более двух месяцев лучшего времени года находился в Зунде, не конвоируя наши и голландские купеческие суда до тех нескольких портов, к которым они направлялись, вследствие чего они задержались в Балтийском море до тех пор, пока возвращение не могло не стать, как это и оказалось, весьма рискованным для них, а также для самих наших военных кораблей? Не будет ли мир склонен думать, что на все эти наши действия большее влияние тогда оказывала не *мнимая забота о нашей торговле*, а надежда принудить короля шведского к бесславному и невыгодному миру, по которому герцогства Бремен и Верден должны были быть присоединены к ганноверским владениям, или какие-нибудь другие подобные намерения, чуждые, если не противоположные, истинным и старинным интересам Великобритании?»

«Статья XVIII. Поскольку для охраны свободы мореплавания и торговли в Балтийском море представляется выгодным сохранение прочной и верной дружбы между королями шведским и датским; и так как прежние короли шведский и датский¹¹⁶ не только в силу гласных статей мирного договора, заключенного в копенгагенском лагере 27 мая 1660 г.* и взаимной ратификации этого договора обоюдно обязались свято и нерушимо соблюдать целиком все постановления, содержащиеся в указанном договоре, но и незадолго до заключения договора между Англией и Швецией в 1665 г. совместно заявили... Карлу II, королю Великобритании... что они будут искренне... соблюдать все... статьи упомянутого мирного договора... после чего Карл II, при одобрении и согласии обоих вышеупомянутых королей, шведского и датского, вскоре после заключения 1 марта 1665 г. договора между Англией и Швецией, а именно, 9 октября 1665 г., взял на себя гарантию этих соглашений... И поскольку между... королями шведским и датским вскоре после этого, в 1679 г., был заключен в Лунде, в Сконе мирный договор, которым специально повторяются и подтверждаются договоры, заключенные в Роскилле, Копенгагене и Вестфалии¹¹⁷... то если короли шведский и датский согласятся нарушить эти договоры в целом или одну или несколько из содержащихся в них статей и если, таким образом, кто-либо из этих королей сам или через других осмелится, тайно вознамерится или попытается предпринять что-нибудь посредством открытого нападения, нанесения какого-либо ущерба или посредством какого бы то ни было вооруженного насилия во вред личности, провинциям, территориям, островам, имуществу, владениям и правам другого, которые в силу столь часто возобновлявшихся соглашений, заключенных в копенгагенском лагере 27 мая 1660 г., а также содержавшихся в... мирном договоре, заключенном в Лунде, в Сконе в 1679 г., предоставлены каждому, чьи интересы предусмотрены мирным договором,— то в этом случае... король Великобритании... в силу этого договора обязуется прежде всего в качестве посредника выполнить все те обязанности друга и союзного монарха, которые могут содействовать нерушимому соблюдению всех этих часто упоминавшихся соглашений и всех содержащихся в них статей, а следовательно, и сохранению мира между обоими королями. Если тот король, который первым нанес такой ущерб или вред, или совершил какое-либо нападение вопреки всем соглашениям или вопреки какой-нибудь из содержащихся в них статей, не почитается с предостережением... то... король Великобритании... окажет пострадавшему помощь, как определено и установлено для подобных случаев настоящими соглашениями между королями Великобритании и Швеции».

Вопрос. Не говорит ли нам эта статья вполне точно, как устранить помехи, которые могут встретиться нашей торговле на Балтийском море в случае раздора между королями шведским и датским, заставив обоих этих государей соблюдать все мирные договоры, заключенные между ними от 1660 до 1679 г., и в случае враждебных действий одного из них вопреки указанным договорам, оказав помощь другому против нападающей стороны? Почему же мы тогда не используем столь справедливое средство против зла, от которого мы так жестоко страдаем? Может ли кто-либо, даже будучи пристрастным, отрицать, что король датский **, хотя на

* В газете ошибочно «1610». *Ред.*

** Фредерик IV. *Ред.*

вид и казался искренним другом короля шведского* со времени заключения Траундалского мира¹¹⁸ до его выступления из Саксонии против москвитов, непосредственно после этого совершенно несправедливо напал на него, недостойно воспользовавшись роковой битвой под Полтавой?¹¹⁹ И не является ли таким образом король датский нарушителем всех вышеупомянутых договоров и, следовательно, истинным виновником тех помех, которые наша торговля встречает на Балтийском море? Так почему же мы, во имя божие, не помогаем, согласно этой статье, Швеции против него, а наоборот — открыто высказываемся против подвергнувшегося нападению короля шведского, посылаем ему вызывающие и угрожающие ноты при малейшем его преимуществе над врагами, как мы поступили прошлым летом, когда он вступил в Норвегию, и даже даем нашим судам распоряжение открыто действовать против него совместно с датчанами? **

Статья XIX. Должно быть установлено в будущем «более тесное сотрудничество и единение между вышеупомянутыми королями Великобритании и Швеции для защиты и сохранения протестантской, евангелической и реформатской религии».

«Вопрос I. Как мы, в соответствии с этой статьей, объединяемся со Швецией для поддержания, защиты и сохранения протестантской религии? Не допускаем ли мы, чтобы эту страну, которая всегда была оплотом упомянутой религии, самым безжалостным образом разрывали на части?.. Не помогаем ли мы сами ее разорению? И почему? Потому, что наши купцы лишились своих судов стоимостью в шестьдесят с лишним тысяч фунтов. Ибо этот убыток, и ничто другое, был выдвинут в качестве предлога для посылки нами в 1715 г. в Балтийское море нашего флота, что обошлось в 200 000 фунтов стерлингов. Что касается потерь, понесенных нашими купцами с того времени, то даже если мы их отнесем за счет наших угрожающих нот и открытых враждебных действий против короля шведского, не должны ли мы и в таком случае признать, что недовольство этого государя было весьма умеренным?»

Вопрос II. Как могут другие монархи, и в особенности наши единоверцы-протестанты, поверить в нашу искренность и в наше рвение (в чем мы хотели бы их убедить), когда мы жертвуем миллионами жизней и денег для защиты интересов лишь одной ветви протестантства — я имею в виду наследование престола в Англии королем-протестантом¹²⁰. Ведь они видят, что едва это произошло, как мы всего из-за шестидесяти с лишним тысяч фунтов (ибо мы должны всегда помнить, что эта жалкая сумма была первым предложением для наших раздоров со Швецией) принялись подрывать самые основы общих интересов протестантства, содействуя, как это мы делаем, полному принесению Швеции, этой старой искренней защитницы протестантства, в жертву ее соседям, из которых одни — отъявленные паписты, другие — и того хуже, а третьи, в лучшем случае, — не особенно ревностные протестанты?»

«Статья XX. Поэтому, чтобы показать обоюдное доверие союзников и неуклонное соблюдение ими настоящего договора... оба вышеупомянутых короля взаимно обязуются и заявляют, что... они ни на йоту не отступят от подлинного и разумного смысла всех и каждой из статей этого договора «под предлогом дружбы, выгоды, заключенного ранее договора, соглашения или обещания и вообще под каким бы то ни было предлогом, но что они самым точным образом и с полной готовностью сами или через своих посланников, или своих подданных будут выполнять все, что обещали в этом договоре... без всяких колебаний, «исключений или оговорок».

«Вопрос I. Поскольку эта статья устанавливает, что в момент заключения договора у нас не было никаких противоречащих ему обязательств, и было бы в высшей степени несправедливым, если бы впоследствии, пока этот договор остается в силе — а это будет продолжаться восемнадцать лет со дня его подписания — мы взяли на себя какие-нибудь обязательства такого рода, то как можем мы оправдать перед миром наши недавние действия против короля шведского, которые, естественно, кажутся результатом какого-либо договора, заключенного с врагами этого монарха либо нами самими, либо каким-нибудь другим двором, оказывающим в настоящее время влияние на наш образ действий?»

Вопрос II. Как по чести, совести и справедливости... текст этой статьи... согласуется с теми ничтожными и жалкими предложениями, к которым мы сейчас прибегаем для того, чтобы не только не оказывать помощи Швеции в соответствии с этим договором, но и так усердно, как мы это делаем, содействовать ее разорению?»

«Статья XXI. Этот оборонительный договор заключается на восемнадцать лет, еще до истечения которых союзные короли могут снова... начать переговоры...

Ратификация вышеуказанного договора. Рассмотрев и обсудив настоящий договор, мы одобрили и утвердили его как в целом, так и все его отдельные статьи и положения. Настоящим мы одобряем его от своего имени, от

* Карла XII. *Ред.*

** Перед публикацией следующих ниже заключительных абзацев III главы данной работы Маркса в № 19 «The Free Press» от 20 декабря 1856 г. редакция газеты воспроизвела заголовки настоящего памфлета (см. выше. *Ред.*).

имени наших наследников и преемников. Мы заверяем и обещаем нашим монаршим словом, что будем искренне и добросовестно выполнять и соблюдать все то, что в нем содержится, и для большего подтверждения этого мы приказали приложить к сему большую печать Англии. Дано в нашем Копсингтонском дворце 25 февраля года от рождения Христова 1700, нашего же царствования двенадцатого (Guilielmus Rex *)» [(2)].

[(2)] Договор был заключен в Гааге 6 и 16 января 1700 г. и ратифицирован Вильгельмом III 5 февраля 1700 года.

«Вопрос. Как может кто-либо из нас, сторонников недавней счастливой революции¹²¹ и искренних и благодарных почитателей славной памяти короля Вильгельма... допустить и терпеть, чтобы от указанного договора (далее я вновь могу сказать словами XX статьи) *отступали под предлогом выгоды или под каким бы то ни было предлогом вообще, особенно таким незначительным и ничтожным, как тот, на который в течение двух лет подряд ссылались для того, чтобы использовать наши корабли, наших людей и наши деньги для завершения разорения Швеции, той самой Швеции, защищать и охранять которую этот наш великий и мудрый монарх так торжественно обещал и которую он всегда считал крайне необходимой для охраны протестантских интересов в Европе?*»

ПРИМЕЧАНИЯ

⁸⁸ Бэкон (Bacon), Френсис, барон Вериламский (1561–1626) – английский философ, естествоиспытатель и историк.

⁸⁹ Имеется в виду памфлет: [G. Mackenzie]. Truth Is but Truth, as It Is Timed! or, Our Ministry's Present Measures against the Moscovite Vindicated by Plain and Obvious Reasons, Tending to Prove, That Is no Less the Interest of Our British Trade, Than That of Our State, That the Czar Be Not Suffer'd to Retain a Fleet, if Needs Must That He Should a Sea Port in the Baltick. The Whole Extracted from a Representation Made by His Majesty's Orders, and Given in to the Secretary of State by N. N. on His Return Hither from the Court of Muscovy, in August 1715. Humbly Dedicated to the House of Commons. Lnd. MDCCXIX.

⁹⁰ 2 августа 1717 г. Англия, Австрия и Франция заключили союз против Испании с целью сохранения условий Утрехтского мира, закрепившего результаты войны за испанское наследство (см. прим. 62). 22 августа того же года английский флот напал на испанский и разбил его у мыса Пассаро (Сицилия).

⁹¹ Маркс цитирует речь лидера вигов Роберта Уолпола (1676–1745), произнесенную в палате общин 13 ноября 1718 г., по книге: Mahon. Op. cit. Vol. I, p. 487.

⁹² Маркс пользовался данными книги: Anderson A. An Historical and Chronological Deduction of the Origin of Commerce, from the Earliest Accounts. Containing an History of Great Commercial Interests of the British Empire. Vol. I, III, IV. Lnd. 1786–1789. Эти данные он приводит по своим выпискам.

⁹³ У Андерсона (vol. IV, p. 42) цифры другие: импорт – 474 680 ф. ст., экспорт – 38 710.

⁹⁴ Екатерина I (1684–1727) – российская императрица (1725–1727), вторая жена Петра I.

⁹⁵ Теория торгового баланса – одна из заповедей школы меркантилизма. Согласно ей страна процветает только в случае постоянного притока денег из-за границы, и для его обеспечения необходимо поддерживать активный баланс внешней торговли.

⁹⁶ Письмо Стэнхоупа цитируется Марксом по книге: Mahon. Op. cit. Vol. I, p. 342. Стэнхоуп (Stanhope), Джеймс, граф (1673–1721) – английский военный и политический деятель, дипломат, виг, государственный секретарь (1714–1717), канцлер казначейства (1717–1721); Тауншенд (Townshend), Чарльз, виконт (1674–1738) – английский дипломат и политический деятель, сначала тори, потом виг; чрезвычайный и полномочный посол в Нидерландах (1709–1711), государственный секретарь (1714–1717, 1721–1730).

⁹⁷ Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь (1645–1676).

⁹⁸ Маркс имеет в виду книгу: Pufendorf S. De Rebus gestis Friderici Wilhelmi Magni, Electoris Brandenburgici, commentariorum Libri novemdecim. Berolini. 1695, p. 993.

⁹⁹ Речь идет о так называемой Русской, или Московской торговой компании (ее полное название «Общество английских купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и досель морским путем

* король Вильгельм (латин.). *Ред.*

не посещаемых»), основанной в середине XVI века. Стремление компании, получившей от царского правительства ряд привилегий, завладеть русским рынком вызвало недовольство русского купечества, что привело в 1649 г. к фактическому прекращению деятельности компании. В начале XVIII в., во время войны за испанское наследство (см. прим. 62), компания была организована вновь в связи с ростом потребностей Англии в материалах для кораблестроения; окончательно распущена в 1808 году.

¹⁰⁰ Названия памфлетов Маркс приводит по своим выпискам, точное время публикации этих памфлетов не установлено. Судя по копии текстов, оба памфлета не могли появиться ранее 1714 года.

¹⁰¹ Letters which Passed... (см. прим. 72), pp. 6–8, 17.

¹⁰² Речь идет о факте, о котором Маркс писал еще в июне 1854 г. в статье «Образование особого военного министерства в Англии.— Военные действия на Дунае.— Экономическое положение»: «Что касается заявления сэра Дж. Грехема на заседании палаты общин в прошлый понедельник,— заявления о том, что Архангельский порт не будет блокирован, то «Morning Herald» комментирует его следующей лаконической фразой: «В Архангельске стоит дом, принадлежащий канцлеру казначества» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 10, с. 261). Упомянутые в тексте купец — Эд. Кардуэлл (Cardwell) (1813–1885), английский государственный деятель, в 1852–1855 гг. — министр торговли; канцлер казначества — У. Гладстон (1809–1898), во второй половине XIX в. один из лидеров либеральной партии, премьер-министр (1868–1874, 1880–1885, 1892–1894).

¹⁰³ Маркс имеет в виду польского эмигранта в США, сотрудника «New York Tribune» Адама Гуровского (1805–1866), французского историка и публициста Элиаса Реньо (1801–1868), немецкого философа и публициста Бруно Бауэра (1809–1882), которые в годы Крымской войны много писали о Восточном вопросе и внешней политике европейских держав. Критике взглядов Бауэра посвящена незаконченная работа К. Маркса «Памфлеты Б. Бауэра о коллизии с Россией» (см. т. 44, с. 261–273), которую он писал в январе 1857 года.

¹⁰⁴ Cunibert B. E. Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'à 1850. Т. II. Leipzig. 1855, pp. 303–523; Милош Обренович I (1780–1860) — сербский князь (1815–1839, 1858–1860), основатель династии Обреновичей.

¹⁰⁵ Речь идет о книге Л. Мерославского (1814–1878) «De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen» (Р. 1856), в которой была подвергнута резкой критике позиция Англии в польском вопросе и ее действия в Крымской войне. Крепость Карс была взята русскими войсками во время Крымской войны в ноябре 1855 года.

¹⁰⁶ Суэцкий канал был построен в 1859–1869 годах. Концессия на сооружение и эксплуатацию канала была получена 30 ноября 1854 г. французским дипломатом и дельцом Фердинандом Лессенсом (1805–1894).

¹⁰⁷ Город Нарва был взят русскими войсками в 1558 г. в ходе Ливонской войны (1558–1583) России против Ливонской конфедерации, Польско-Литовского государства и Швеции.

¹⁰⁸ Эрик XIV (1533–1577) — шведский король (1560–1568); Иоанн (Юхан) III (1537–1592) — шведский король (1568–1592).

¹⁰⁹ Рисвикский мирный договор 1697 г., завершивший войну 1688–1697 гг. между Францией и Аугсбургской лигой (Нидерланды, Англия, Испания, германский император, ряд немецких князей), подтвердил с некоторыми изменениями довоенные границы. Франция должна была признать государственный переворот 1688 г. в Англии (см. прим. 66).

¹¹⁰ Маркс использует здесь анонимный памфлет: Reasons for the Present Conduct of Sweden in Relation to the Trade in the Baltic Set Forth in a Letter from a Gentleman at Dantzick, to His Friend at Amsterdam. Translated from the French Original Published in Holland; and Now Submitted to the Consideration of All Just and Impartial Britons. Lnd. 1715. Маркс использует этот источник по своим выпискам.

¹¹¹ Прозвище английского государственного деятеля Р. Уолпола (см. прим. 91), широко использовавшего подкуп для проведения в парламент своих сторонников.

¹¹² Речь идет о книге Theyls W. Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII, roi de Suède. Leyde. 1722, pp. 123, 128.

¹¹³ Этот памфлет, содержащий текст договора и комментарии к нему («вопросы»), в соответствии с упоминаемыми в памфлете событиями Маркс датировал 1717 годом. Автора памфлета установить не удалось.

¹¹⁴ Речь идет о войне за испанское наследство (см. прим. 62)

¹¹⁵ Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658) — вождь английской революции XVII в.; с 1653 г. лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. В 1710 г. в Англии в результате выборов к власти пришло правительство тори, которое фактически резко сократило участие английских войск в боевых действиях с Францией в

ходе войны за испанское наследство (см. прим. 62) и в январе 1711 г. начало секретные переговоры о мире с Францией.

¹¹⁶ Карл XI (1655–1697) – шведский король (1660–1697); Фредерик III (1609–1670) – датский король (1648–1670).

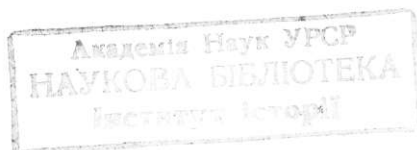
¹¹⁷ Речь идет о Лундском мирном договоре, заключенном в 1679 г. между Карлом XI и датским королем Христианом V (1670–1690). Договор завершил датско-шведскую войну 1675–1679 годов. По этому договору Дания отказывалась от своих владений в Сконе, и эта провинция окончательно перешла к Швеции. По Вестфальскому миру 1648 г., завершившему Тридцатилетнюю войну, Швеция получила значительную часть Восточной Померании, а также Рюген, Висмар, епископства Бременское и Верденское. По мирному договору в Роскилле, завершившему датско-шведскую войну 1657–1658 гг., Дания уступала Швеции свои владения на юге Скандинавского п-ва, Тронхеймский лен в Норвегии и некоторые острова на Балтийском море. Копенгагенским мирным договором завершилась датско-шведская война 1658–1660 гг., вызванная разногласиями по поводу осуществления договора в Роскилле и развязанная Швецией с целью полной ликвидации самостоятельности Дании. Согласно условиям договора Дании были возвращены острова Борнхольм и Тронхеймский лен.

¹¹⁸ См. прим. 68.

¹¹⁹ Речь идет о Полтавской битве 8 июля 1709 года.

¹²⁰ Имеется в виду «Акт о престолонаследии» от 12 июня 1701 г., закреплявший права Ганноверской династии (см. прим. 37) и лишивший прав на английский престол представителей династии Стюартов.

¹²¹ См. прим. 66.

РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прежде чем приступить к анализу памфлета, озаглавленного «Истина есть истина, когда она раскрывается вовремя»*, которым мы закончим *введение* к «Разоблачениям дипломатии», уместно будет сделать несколько предварительных замечаний относительно общей истории русской политики.

Неодолимое влияние России заставляло Европу врасплох в различные эпохи, оно пугало народы Запада, ему покорялись как року или оказывали лишь судорожное сопротивление. Но чарам, исходящим от России, сопутствует скептическое отношение к ней, которое постоянно вновь оживает, преследует ее, как тень, усиливается вместе с ее ростом, примешивает резкие иронические голоса к стонам погибающих народов и издевается над самим ее величием, как над театральной позой, принятой, чтобы поразить и обмануть зрителей. Другие империи на заре своего существования встречались с такими же сомнениями, но Россия превратилась в исполина, так и не преодолев их. Она является единственным в истории примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее принималось на веру, чем признавалось фактом. С начала XVIII столетия и до наших дней ни один из авторов, собиравшийся ли он превозносить или хулить Россию, не считал возможным обойтись без того, чтобы сначала доказать само ее существование.

Но, будем ли мы рассматривать Россию как спиритуалисты или как материалисты, будем ли мы считать ее могущество очевидным фактом или просто призраком, порожденным нечистой совестью европейских народов, — остается все тот же вопрос: «Как могла эта держава, или этот призрак державы, умудриться достичь таких размеров, чтобы вызывать, с одной стороны, страстное утверждение, а с другой — яростное отрицание того, что она угрожает миру восстановлением всемирной монархии?» В начале XVIII столетия Россию считали внезапно появившимся импровизированным творением гения Петра Великого. Шлёцер, обнаружив, что у России есть прошлое, счел это открытием¹²², а в новейшие времена такие писатели, как Фаллмерайер, не зная, что они следуют по стопам русских историков, решительно утверждают, что северный призрак, устрещающий Европу XIX века, уже нависал над ней в IX столетии¹²³. По их мнению, политика России начинается с первых Рюриковичей и систематически, правда, с некоторыми перерывами, продолжается до настоящего времени.

Развернутые перед нами старинные карты России показывают, что раньше она занимала в Европе даже большие пространства, чем те, которыми может похвалиться теперь: они со всей точностью свидетельствуют о непрерывном процессе расширения ее территории в IX—XI столетиях. Нам указывают на Олега, двинувшего 88 000 человек против Византии, прибывшего в знак победы свой щит на вратах ее столицы и продиктовавшего Восточной Римской империи позорный мир; на Игоря, сделавшего эту империю своей данницей; на Святослава¹²⁴, с торжеством заявлявшего:

Окончание. Начало см. Вопросы истории, 1989, №№ 1—3.

* См. ниже. *Ред.*

«греки снабжают меня золотом, дорогими тканями, рисом, фруктами и вином, Венгрия доставляет скот и лошадей, из России я получаю мед, воск, меха и невольников»¹²⁵;

на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию, заставившего греческого императора, подобно тому как Наполеон заставил германского императора, выдать за него свою дочь¹²⁶, соединившего военную власть северного завоевателя с теократическим деспотизмом порфиородных и ставшего одновременно господином своих подданных на Земле и заступником их на небесах.

Несмотря, однако, на известные параллели, вызванные этими реминисценциями, политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России. То была не более и не менее как политика германских варваров, наводнивших Европу, — история современных народов начинается лишь после того, как схлынул этот потоп. Готический период истории России составляет, в частности, лишь одну из глав истории норманнских завоеваний. Подобно тому как империя Карла Великого¹²⁷ предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, прибалтийских поселений, Турции и самой Московии. Быстрый процесс расширения территории был не результатом выполнения тщательно разработанных планов, а естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний — вассалитета без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани, причем необходимость дальнейших завоеваний поддерживалась непрерывным притоком новых варяжских авантюристов, жаждавших славы и добычи. Вождей, у которых появлялось желание отдохнуть, дружина заставляла двигаться дальше, и в русских, как и во французских землях, завоеванных норманнами, пришло время, когда вожди посылали в новые грабительские экспедиции своих неукротимых и ненасытных собратьев по оружию с единственной целью избавиться от них. В отношении методов ведения войн и организации завоеваний первые Рюриковичи ничем не отличаются от норманнов в остальных странах Европы. Если славянские племена удалось подчинить не только с помощью меча, но и путем взаимного соглашения, то эта особенность была обусловлена исключительным положением этих племен, территории которых подвергались вторжениям как с севера, так и с востока, и которые воспользовались первыми в целях защиты от вторых. К Риму Востока* варягов влекла та же магическая сила, которая влекла других северных варваров к Риму Запада. Самый факт перемещения русской столицы — Рюрик избрал для нее Новгород, Олег перенес ее в Киев, а Святослав пытался утвердить ее в Болгарии, — несомненно, доказывает, что завоеватель только пацупывал себе путь и смотрел на Россию лишь как на стоянку, от которой надо двигаться дальше в поисках империи на юге. Если современная Россия жаждет овладеть Константинополем¹²⁸, чтобы установить свое господство над миром, то Рюриковичи, напротив, из-за сопротивления Византии при Цимисхии¹²⁹ были вынуждены окончательно установить свое господство в России.

Могут возразить, что здесь победители слились с побежденными скорее, чем во всех других областях, завоеванных северными варварами, что вожди быстро смешались со славянами, о чем свидетельствуют их браки и их имена. Но при этом следует помнить, что дружина, которая представляла собой одновременно их гвардию и их тайный совет, оставалась исключительно варяжской, что Владимир, олицетворяющий собой вершину готической России, и Ярослав, представляющий начало ее упадка, были возведены на престол силой оружия варягов. Если в этот период и нужно признать наличие какого-либо славянского влияния, то это было влияние Новгорода, славянского государства, традиции, политика и стремления которого были настолько противоположны традициям, политике и стремлениям современной России, что последняя смогла утвердить свое существование лишь на его развалинах. При Ярославе¹³⁰ верховенство варягов было сломлено, но одновременно исчезают и завоевательные стремления первого периода и начинается упадок готической России. История этого упадка еще больше, чем история завоевания и

* Константинополю. *Ред.*

образования, подтверждает исключительно готический характер империи Рюриковичей.

Нескладная, громоздкая и скороспелая империя, сколоченная Рюриковичами, подобно другим империям аналогичного происхождения, распадалась на уделы, делалась и дробилась между потоками завоевателей, терзалась феодальными войнами, раздиралась на части чужеземными народами, вторгавшимися в ее пределы. Верховная власть великого князя исчезает, поскольку на нее претендовали семьдесят соперничающих князей той же династии. Попытка Андрея Суздальского¹³¹ снова объединить некоторые крупные части империи путем перенесения столицы из Киева во Владимир привела лишь к распространению процесса распада с юга на центр страны. Третий преемник Андрея отказался даже от последней тени бывшего верховенства — титула великого князя и чисто номинальной феодальной присяги, которую ему еще приносили¹³². Южные и западные уделы по очереди переходили к литовцам, полякам, венграм, ливонцам, шведам. Сам Киев, древняя столица, перестав быть резиденцией великого князя, превратился в заурядный город и был предоставлен своей собственной судьбе. Таким образом норманнская Россия совершенно сошла со сцены, и те немногие слабые воспоминания, в которых она все же пережила самое себя, рассеялись при страшном появлении Чингисхана¹³³. Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия.

Татарское иго продолжалось с 1237 по 1462 г., более двух столетий¹³⁴. Оно не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татаро-монголы установили режим систематического террора; опустошения и массовая резня стали неременной его принадлежностью. Ввиду того, что численность татар по сравнению с огромными размерами их завоеваний была невелика, они стремились, окружая себя ореолом ужаса, увеличить свои силы и сократить путем массовых убийств численность населения, которое могло поднять восстание у них в тылу. Кроме того, оставляя после себя пустыню, они руководствовались тем же экономическим принципом, в силу которого обезлюдили горные области Шотландии и римская Кампанья, — принципом замещения людей овцами и превращения плодородных земель и населенных местностей в пастбища.

Татарское иго продолжалось целых сто лет, прежде чем Московия вышла из безвестности¹³⁵. Чтобы поддерживать междоусобицы русских князей и обеспечить их рабскую покорность, монголы восстановили значение титула великого князя. Борьба между русскими князьями за этот титул была, как пишет современный автор¹³⁶,

«подлой борьбой, борьбой рабов, главным оружием которых была клевета и которые всегда были готовы доносить друг на друга своим жестоким повелителям; они ссорились из-за пришедшего в упадок престола и могли его достичь только как грабители и отцеубийцы, с руками, полными золота и запятанными кровью; они осмеливались вступить на престол, лишь пресмыкаясь, и могли удержать его, только стоя на коленях, распростершись и трепеща под угрозой кривой сабли хана, всегда готового повергнуть к своим ногам эти рабские короны и увенчанные ими головы».

Именно в этой постыдной борьбе московская линия князей в конце концов одержала верх. В 1328 г. Юрий, старший брат Ивана Калиты, подобрал у ног хана Узбека¹³⁷ великокняжескую корону, отнятую у тверской линии с помощью наветов и убийств¹³⁸. Иван I Калита и Иван III, прозванный Великим¹³⁹, олицетворяют Московию, поднимающуюся благодаря татарскому игу, и Московию, становившуюся независимой державой благодаря исчезновению татарского владычества. Итог всей политики Московии с самого ее появления на исторической арене воплощен в истории этих двух личностей.

Политика Ивана Калиты состояла попросту в следующем: играя роль гнусного орудия хана и заимствуя, таким образом, его власть, он обращал ее против своих соперников — князей и против своих собственных подданных. Для достижения этой цели ему надо было втереться в доверие к татарам, ничинно угодничая, совершая частые поездки в Золотую Орду, униженно сватаясь к монгольским князьям, при-

кидываясь всецело преданным интересам хана, любыми средствами выполняя его приказания, подло клеветая на своих собственных родичей, совмещая в себе роль татарского палача, льстеца и старшего раба. Он не давал покоя хану, постоянно разоблачая тайные заговоры. Как только тверская линия начинала проявлять некоторое стремление к национальной независимости, он спешил в Орду, чтобы довести об этом. Как только он встречал сопротивление, он прибегал к помощи татар для его подавления. Но недостаточно было только разыгрывать такую роль, чтобы иметь в ней успех, требовалось золото. Лишь постоянный подкуп хана и его вельмож создавал надежную основу для его системы лжи и узурпации. Но каким образом раб мог добыть деньги для подкупа своего господина? Он убедил хана назначить его сборщиком дани во всех русских уделах. Облеченный этими полномочиями, он вымогал деньги под вымышленными предложениями. Те богатства, которые он накопил, угрожая именем татар, он использовал для подкупа их самих. Склонив при помощи подкупа главу русской церкви перенести свою резиденцию из Владимира в Москву¹⁴⁰, он превратил последнюю в религиозный центр и соединил силу церкви с силой своего престола, сделав таким образом Москву столицей империи. При помощи подкупа он склонял бояр его соперников-князей к измене своим властителям и объединял их вокруг себя. Используя совместное влияние татар-мусульман, православной церкви и бояр, он объединил удельных князей для крестового похода против самого опасного из них — тверского князя¹⁴¹. Затем, наглыми попытками узурпации побудив своих недавних союзников к сопротивлению и войне за их общие интересы, он, вместо того чтобы обнажить меч, поспешил к хану. Снова с помощью подкупа и обмана он добился того, что хан лишил жизни его соперников-родичей, подвергнув их самым жестоким пыткам. Традиционная политика татар заключалась в том, чтобы обуздывать одних русских князей при помощи других, разжигать их усобицы, приводить их силы в равновесие и не давать усилиться ни одному из них. Иван Калита превратил хана в орудие, посредством которого избавился от наиболее опасных соперников и устранил всякие препятствия со своего пути к узурпации власти. Он не завоевывал уделы, а незаметно обращал права татар-завоевателей исключительно в свою пользу. Он обеспечил наследование за своим сыном¹⁴² теми же средствами, какими добился возвышения Великого княжества Московского, в котором так странно сочетались княжеское достоинство с рабской приниженностью. За все время своего правления он ни разу не уклонился от намеченной им для себя политической линии, придерживаясь ее с непоколебимой твердостью и проводя ее методически и дерзко. Таким образом он стал основателем московитской державы, и характерно, что народ прозвал его Калитой, то есть денежным мешком, так как именно деньгами, а не мечом проложил он себе путь. Именно в период его правления наблюдался внезапный рост Литовской державы, которая захватывала русские уделы с запада, между тем как давление татар с востока сплачивало их воедино. Не осмеливаясь избиваться от одного бесчестия, Иван, по-видимому, стремился преувеличивать другое. Ни обольщения славой, ни угрызения совести, ни тяжесть унижения не могли отклонить его от пути к своей цели. Вся его систему можно выразить в нескольких словах: макиавеллизм раба, стремящегося к узурпации власти. Свою собственную слабость — свое рабство — он превратил в главный источник своей силы.

Политику, начертанную Иваном I Калитой, проводили и его преемники: они должны были только расширить область ее применения. Они следовали ей усердно, непреклонно, шаг за шагом. Поэтому от Ивана I Калиты мы можем сразу перейти к Ивану III, прозванному Великим.

В начале своего правления (1462—1505) Иван III был еще данником татар, удельные князья еще оспаривали его власть, Новгород, глава русских республик, властвовал над северной Россией, Польско-Литовское государство стремилось завоевать Московию, наконец, ливонские рыцари еще не были обезоружены. К концу его правления мы видим Ивана III сидящим на независимом троне, рядом с ним — дочь последнего византийского императора¹⁴³, у ног его — Казань, обломки Золотой Орды стекаются к его двору, Новгород и другие русские республики поработены, Литва лишена ряда своих владений, а ее государь — орудие в руках Ивана, ливонские рыцари побеждены. Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знав-

шая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвиты¹⁴⁴. Каким же образом Ивану удалось совершить эти великие дела? Был ли он героем? Сами русские историки изображают его заведомым трусом¹⁴⁵.

Рассмотрим вкратце главные направления его борьбы в той последовательности, в которой он их начинал и доводил до конца, — его борьбу с татарами, с Новгородом, с удельными князьями и, наконец, с Польско-Литовским государством.

Иван освободил Московию от татарского ига не одним смелым ударом, а в результате почти двадцатилетнего упорного труда. Он не сокрушил иго, а избавился от него исподтишка. Поэтому свержение этого ига казалось больше делом природы, чем рук человеческих. Когда татарское чудовище наконец испустило дух, Иван явился к его смертному одру скорее как врач, предсказавший смерть и использовавший ее в своих интересах, чем как воин, нанеший смертельный удар. С освобождением от иноземного ига дух каждого народа поднимается — у Московии под властью Ивана наблюдается как будто его упадок. Достаточно сравнить Испанию в ее борьбе против арабов с Московией в ее борьбе против татар.

Когда Иван вступил на престол, Золотая Орда уже давно была ослаблена: изнутри — жестокими междоусобицами, извне — отделением от нее погайских татар, вторжениями Тимура-Тамерлана, появлением казачества и враждебными действиями крымских татар¹⁴⁶. Московия, напротив, неуклонно следуя политике, начертанной Иваном Калитой, стала необъятной громадой, стиснутой татарскими цепями, но вместе с тем крепко сплоченной ими. Ханы, словно под воздействием каких-то чар, продолжали служить орудием расширения и сплочения Московии. Они намеренно усиливали могущество православной церкви, которая в руках московских великих князей оказалась опаснейшим оружием против них самих.

Чтобы восстать против Орды, москвиту не надо было изобретать ничего нового, а только подражать самим татарам. Но Иван не восставал. Он смиренно признавал себя рабом Золотой Орды. Через подкупленную татарскую женщину он склонил хана¹⁴⁷ к тому, чтобы тот приказал отозвать из Московии монгольских наместников. Подобными незаметными и скрытыми действиями он хитростью выманил у хана одну за другой такие уступки, которые все были гибельными для ханской власти. Таким образом, могущество было им не завоевано, а украдено. Он не выбил врага из его крепости, а хитростью заставил его уйти оттуда. Все еще продолжая падать ниц перед послами хана и называть себя его данником, он уклонялся от уплаты дани под вымышленными предложениями¹⁴⁸, пускаясь на все уловки беглого раба, который не осмеливается предстать перед лицом своего хозяина, а старается только улизнуть за пределы досягаемости. Наконец, монголы пробудились от своего оцепенения и пробил час битвы. Иван, содрогаясь при одной мысли о вооруженном столкновении, пытался искать спасения в своей собственной трусости и обезоружить гнев врага, отводя от него объект, на который тот мог бы обрушить свою месть. Его спасло только вмешательство крымских татар, его союзников. Против второго нашествия Орды он для видимости собрал столь превосходящие силы, что одного слуха об их численности было достаточно, чтобы отразить нападение. Во время третьего нашествия он позорно дезертировал, покинув армию в 200 000 человек. Принужденный против воли вернуться, он сделал попытку торговаться на унижительных условиях и в конце концов, заразив собственным рабским страхом свое войско, побудил его к всеобщему беспорядочному бегству. Московия тогда с тревогой ожидала своей неминуемой гибели, как вдруг до нее дошел слух, что Золотая Орда была вынуждена отступить вследствие нападения на ее столицу крымского хана. При отступлении она была разбита казаками и погайскими татарами¹⁴⁹. Таким образом, поражение превратилось в успех. Иван победил Золотую Орду, не вступая сам в битву с нею. Бросив ей вызов и сделав вид, что желает битвы, он побудил Орду к наступлению, которое истопило последние остатки ее жизненных сил и поставило ее под смертельные удары со стороны племен ее же собственной расы, которые ему удалось превратить в своих союзников. Одного татарина он перехитрил с помощью другого. Хотя огромная опасность, которую он

на себя навлек, не смогла заставить его проявить даже каплю мужества, его удивительная победа ни на одну минуту не вскружила ему голову. Действуя крайне осторожно, он не решился присоединить Казань к Московии, а передал ее правителям из рода Менгли-Гирея, своего крымского союзника, чтобы они, так сказать, сохраняли ее для Московии. При помощи добычи, отнятой у побежденных татар, он опутал татар победивших. Но если этот обманщик был слишком благоразумен, чтобы перед свидетелями своего унижения принять вид завоевателя, то он вполне понимал, какое потрясающее впечатление должно произвести крушение татарской империи на расстоянии, каким ореолом славы он будет окружен и как это облегчит ему торжественное вступление в среду европейских держав. Поэтому перед иностранными государствами он принял театральную позу завоевателя, и ему действительно удавалось под маской гордой обидчивости и раздражительной надменности скрывать назойливость монгольского раба, который еще не забыл, как он целовал стремя у ничтожнейшего из ханских посланцев. Он подражал, только в более сдержанном тоне, голосу своих прежних господ, приводившему в трепет его душу. Некоторые постоянно употребляемые современной русской дипломатией выражения, такие, как великодушные, уязвленное достоинство властелина, заимствованы из дипломатических инструкций Ивана III.

Справившись с Казанью, он предпринял давно задуманный поход против Новгорода, главы русских республик. Если свержение татарского ига являлось в его глазах первым условием величия Московии, то вторым было уничтожение русской волюности. Так как Вятская республика объявила себя нейтральной по отношению к Московии и Орде¹⁵⁰, а Псковская республика с ее двенадцатью пригородами обнаружила признаки недовольства¹⁵¹, Иван начал льстить последней и сделал вид, что забыл о первой, тем временем сосредоточив все свои силы против Великого Новгорода, с падением которого, он понимал, участь остальных русских республик будет решена. Удельных князей он соблазнил перспективой участия в разделе этой богатой добычи, а бояр привлек на свою сторону, используя их слепую ненависть к новгородской демократии. Таким образом ему удалось двинуть на Новгород три армии и подавить его превосходящими силами¹⁵². Но затем, чтобы не сдержать данного князьям обещания и не изменить своему неизменному «*vos non vobis*»*, и, вместе с тем, опасаясь, что из-за недостаточной предварительной подготовки еще не сможет поглотить Новгород, он счел нужным проявить неожиданную умеренность и удовлетвориться одним лишь выкупом и признанием своего сюзеренитета. Однако в грамоту, в которой эта республика изъявляла покорность, ему ловко удалось включить несколько двусмысленных выражений, делавших его ее высшим судьей и законодателем. Затем он стал разжигать распри между патрициями и плебеями, потрясавшие Новгород так же, как Флоренцию. Воспользовавшись некоторыми жалобами плебеев, он снова явился в Новгород, сослав в Москву закованными в цепи тех знатных людей, которые, как ему было известно, относились к нему враждебно, и нарушил древний закон республики, в силу которого

«никто из граждан никогда не может быть подвергнут суду или наказанию за пределами ее территории»¹⁵³.

С той поры он стал верховным арбитром.

«Никогда, — говорят летописцы, — никогда еще со времен Рюрика не бывало подобного случая. Никогда еще великие князья киевские и владимирские не видели, чтобы новгородцы приходили к ним и подчинялись им, как своим судьям. Лишь Иван сумел довести Новгород до сего унижения».

Семь лет потратил Иван на то, чтобы разложить республику с помощью своей судебной власти¹⁵⁴. Когда же он счел, что силы Новгорода истощились, то решил, что настало время заявить о себе. Чтобы сбросить личину умеренности, ему нужно было, чтобы Новгород сам нарушил мир. Поэтому, если раньше он прикидывался спокойным и терпеливым, то теперь разыграл внезапный взрыв ярости. Подку-

* «использовать вас, но не для вашей пользы» (латин.). *Ред.*

нив посла республики¹⁵⁵, чтобы тот на публичной аудиенции величал его государем, Иван немедленно потребовал всех прав самодержца, то есть самоупразднения республики. Как он и предвидел, Новгород ответил на это посягательство восстанием, избием знати и тем, что передался Литве. Тогда этот московский современник Макиавелли¹⁵⁶, приняв вид оскорбленной добродетели, стал жаловаться:

«Новгородцы сами добивались того, чтобы он стал их государем; а когда, уступая их желаниям, он, наконец, принял на себя этот титул, они отреклись от него и имели дерзость объявить его лжецом перед лицом всей России; они осмелились пролить кровь своих соотечественников, оставшихся ему верными, и предать бога и священную русскую землю, призвав в ее пределы чужую религию и иноземного владыку»¹⁵⁷.

Подобно тому как после первого своего нападения на Новгород он открыто вступил в союз с плебеями против патрициев, так теперь Иван вступил в тайный заговор с патрициями против плебеев. Он двинул объединенные силы Московии и ее вассалов против республики. После ее отказа безоговорочно подчиниться он повторил прием татар — побеждать путем устрашения. В течение целого месяца он теснее и теснее стягивал вокруг Новгорода кольцо огня и разорения, держа постоянно над ним меч и спокойно ожидая, пока раздираемая распрями республика не пройдет через все стадии дикого иступления, мрачного отчаяния и покорного бессилия. Новгород был поработен¹⁵⁸. То же произошло и с другими русскими республиками. Любопытно посмотреть, как Иван использовал самый момент победы, чтобы ковать оружие против тех, кто добыл эту победу. Присоединив земли новгородского духовенства к своим владениям, он обеспечил себе средства для подкупа бояр, чтобы впредь использовать их против князей, и для наделения поместьями детей боярских¹⁵⁹, чтобы в будущем использовать их против бояр. Стоит еще отметить те изощренные усилия, которые Московия, так же как и современная Россия, постоянно прилагала для расправы с республиками. Началось с Новгорода и его колоний, затем наступила очередь казачьей республики¹⁶⁰, завершилось все Польшей. Чтобы понять, как Россия раздробила Польшу, нужно изучить расправу с Новгородом, продолжавшуюся с 1478 по 1528 год.

Казалось, Иван сорвал цепи, в которые монголы заковали Московию, только для того, чтобы опутать ими русские республики. Казалось, он поработил эти республики только для того, чтобы поступить так же с русскими князьями. В течение двадцати трех лет он признавал их независимость, терпел дерзости и сносил даже их оскорбления. Теперь благодаря низвержению Золотой Орды и падению республик он стал настолько сильным, а князья, с другой стороны, такими слабыми в результате влияния московского князя на их бояр, что Ивану достаточно было лишь продемонстрировать свою силу, чтобы исход борьбы был решен. Тем не менее он не сразу отказался от своих осторожных приемов. Он избрал тверского князя, самого могущественного из русских феодалов, в качестве первого объекта своих действий. Он начал с того, что вынудил его к наступлению и союзу с Литвой, а потом объявил его предателем, далее, запугав этого князя, добился от него ряда уступок, которые лишили его возможности сопротивляться. Затем он использовал то ложное положение, в которое эти уступки поставили князя по отношению к его собственным подданным, и тогда уже стал ждать, каковы будут последствия этих действий. Все это закончилось тем, что тверской князь отказался от борьбы и бежал в Литву. Присоединив Тверь к Московии¹⁶¹, Иван с огромной энергией продолжал осуществление своего давно задуманного плана. Прочие князья приняли свое низведение до степени простых наместников почти без сопротивления. Оставались еще два брата Ивана. Одного из них Иван убедил отказаться от своего удела, другого завлек ко двору, лицемерными проявлениями братской любви усыпил его бдительность и приказал убить¹⁶².

Мы дошли теперь до последней великой борьбы Ивана — борьбы с Литвой. Она началась с его вступления на престол и закончилась только за несколько лет до его смерти. В течение 30 лет он ограничивался в этой борьбе тем, что вел дипломатическую войну, разжигая и усугубляя внутренние распри между Литвой и Польшей, склоняя на свою сторону недовольных русских феодалов из Литвы и

парализуя своего противника патравливанием на него других его врагов: Максимилиана Австрийского, Матвея Корвина Венгерского и, главным образом, Стефана, молдавского господаря¹⁶³, которого он привлек к себе посредством брака, а также, наконец, Менгли-Гирея, оказавшегося таким же сильным орудием против Литвы, как и против Золотой Орды. Тем не менее, после смерти короля Казимира и вступления на престол слабого Александра, когда литовский и польский престолы временно разделились¹⁶⁴, когда обе эти страны взаимно истощили свои силы в междоусобной борьбе, когда польское дворянство, поглощенное своими усилиями ослабить королевскую власть, с одной стороны, крестьянство и горожан — с другой, покинуло Литву и допустило уменьшение ее территории в результате одновременных вторжений Стефана Молдавского и Менгли-Гирея, когда, таким образом, слабость Литвы стала очевидной, Иван понял, что пришла возможность использовать свою силу и что все условия для успешного выступления с его стороны налицо. И все же он не пошел дальше театральной военной демонстрации — сбора ошеломляющего своей численностью войска. Как он в точности предвидел, теперь было достаточно лишь сделать вид, что он желает битвы, чтобы заставить Литву капитулировать. Он добился признания в договоре тех захватов, которые впоследствии были совершены во время правления короля Казимира, и, к неудовольствию Александра, навязал ему одновременно и свой союз, и свою дочь¹⁶⁵. Союз он использовал, чтобы запретить Александру защищаться от нападений, подстрекателем которых являлся сам тесть, а дочь — для того, чтобы разжечь религиозную войну между нетерпимым королем-католиком и преследуемыми им его подданными православного вероисповедания. Воспользовавшись этой смутой, Иван рискнул, наконец, обнажить меч и захватил находившиеся под властью Литвы русские уделы вплоть до Киева и Смоленска¹⁶⁶.

Православное вероисповедание служило вообще одним из самых сильных орудий в его действиях. Но кого избрал Иван, чтобы заявить претензии на наследие Византии, чтобы скрыть под мантией порфирородного клеймо монгольского рабства, чтобы установить преемственность между престолом московитского высочайшего и славной империей святого Владимира*, чтобы в своем собственном лице дать православной церкви нового светского главу? Римского папу. При папском дворе жила последняя византийская принцесса. Иван выманил ее у папы, дав клятву отречься от своей веры — клятву, от которой приказал своему собственному прimate освободить себя¹⁶⁷.

Между политикой Ивана III и политикой современной России существует не сходство, а тождество — это докажет простая замена имен и дат. Иван III, в свою очередь, лишь усовершенствовал традиционную политику Московии, завещанную ему Иваном I Калитой. Иван Калита, раб монголов, достиг величия, имея в руках силу самого крупного своего врага — татар, которую он использовал против более мелких своих врагов — русских князей. Он мог использовать силу татар лишь под вымышленными предлогами. Вынужденный скрывать от своих господ силу, которую в действительности накопил, он вместе с тем должен был ослеплять своих собратьев-рабов властью, которой не обладал. Чтобы решить эту проблему, он должен был превратить в систему все *уловки* самого низкого рабства и применить эту систему с терпеливым упорством раба. Открытая сила сама могла входить в систему интриг, подкупа и скрытых узурпаций лишь в качестве интриги. Он не мог ударить, не дав предварительно яда. Цель у него была одна, а пути ее достижения многочисленны. Вторгаться, используя обманным путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой, — эта политика была продиктована Ивану Калите специфическим характером как господствующей, так и порабощенной расы. Его политика стала также политикой Ивана III. Такова же политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, местопребывание и характер используемой враждебной силы. Петр Великий действительно является творцом современной русской политики. Но он стал ее творцом только потому, что лишил старый московитский метод захватов его чисто

* киевского князя Владимира Святославича. *Ред.*

местного характера, отбросил все случайно примежавшееся к нему, вывел из него общее правило, стал преследовать более широкие цели и стремиться к неограниченной власти, вместо того чтобы устранять только известные ограничения этой власти. Он превратил Московию в современную Россию тем, что придал ее системе всеобщий характер, а не тем лишь, что присоединил к ней несколько провинций.

Подведем итог. Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso* * в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира.

ГЛАВА ПЯТАЯ ¹⁶⁸

Одна характерная черта славянской расы должна броситься в глаза каждому наблюдателю. Почти повсюду славяне ограничивались территориями, удаленными от моря, оставляя морское побережье неславянским народностям. Финско-татарские племена занимали берега Черного, литовцы и финны — Балтийского и Белого морей. Там, где славяне соприкасались с морским побережьем, как на Адриатическом и отчасти на Балтийском море, они в скором времени вынуждены были подчиниться чужеземной власти. Русский народ разделил эту общую участь славянской расы. В момент своего первого появления на арене истории он населял земли у истоков и в верхнем течении Волги и ее притоков, Днепра, Дона и Северной Двины. За исключением небольшого участка в глубине Финского залива, его территория нигде не соприкасалась с морем. До Петра Великого он не смог отвоевать себе доступ ни к одному морю, кроме Белого, которое в течение трех четвертей года сковано [льдами] и непригодно для мореплавания. Место, где теперь находится Петербург, в течение прошедшего тысячелетия оспаривали друг у друга финны, шведы и русские. Все остальное побережье на протяжении от Полаangenа близ Мемеля до Торнио и весь берег Черного моря от Аккермана до Редут-Кале были завоеваны позднее. И как будто в подтверждение антиморских свойств славянской расы из всей этой береговой линии русская национальность по-настоящему не освоила ни какую-либо часть балтийского побережья, ни черкесское и мингрельское восточное побережье Черного моря. Только побережье Белого моря, насколько оно вообще пригодно для земледелия, некоторая часть северного побережья Черного и часть побережья Азовского морей действительно были заняты русскими поселенцами. Однако даже и поставленные в новые условия, они все еще воздерживаются от морского промысла и упорно хранят верность сухопутным традициям своих предков.

Петр Великий с самого начала порвал со всеми традициями славянской расы. «России нужна вода» ¹⁶⁹. Эти слова, с которыми он с упреком обратился к князю Кантемиру, стали девизом всей его жизни! Завоевание Азовского моря было целью его первой войны с Турцией, завоевание Балтики — целью его войны со Швецией, завоевание Черного моря — целью его второй войны против Порты и завоевание Каспийского — целью его вероломного вторжения в Персию ¹⁷⁰. Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировой агрессии стала необходима вода. Только в результате превращения Московии из полностью континентальной страны в империю с морскими границами московитская политика могла выйти из своих традиционных пределов и найти свое воплощение в том смелом синтезе, который, сочетая захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательные тенденции монгола-властелина, составляет жизненный источник современной русской дипломатии.

Говорят, что ни одна великая нация никогда не жила и не могла прожить в таком отдалении от моря, в каком вначале находилась империя Петра Великого; что ни одна нация никогда не мирилась с тем, чтобы ее морские берега и устья

* виртуозной (итал.). *Ред.*

рек были оторваны от нее; что Россия не могла оставить устье Невы, этот естественный выход для продуктов ее Севера, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра, Буга и Керченский пролив — в руках занимавшихся грабежом кочевников-татар; что по самому своему географическому положению прибалтийские провинции являются естественным дополнением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними; что, одним словом, Петр — по крайней мере в данном случае — захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны. С этой точки зрения Петр Великий намеревался в результате своей войны со Швецией лишь создать русский Ливерпуль и обеспечить его необходимой полосой побережья.

Но здесь упускают из виду одно важное обстоятельство, тот *tour de force* *, которым он перенес столицу империи из континентального центра к морской окраине, ту характерную смелость, с которой он воздвиг новую столицу на первой завоеванной им полосе балтийского побережья почти на расстоянии пушечного выстрела от границы, намеренно дав, таким образом, своим владениям *эксцентрический центр*. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поставить его в такие условия, в которых он не мог быть в безопасности даже от внезапных нападений, пока не будет покорено все побережье от Ливавы до Торнио, а это было завершено лишь к 1809 г. с завоеванием Финляндии.

«С.-Петербург — это окно, из которого Россия может смотреть на Европу», —

сказал Альгаротти ¹⁷¹. Это было с самого начала вызовом для европейцев и стимулом к дальнейшим завоеваниям для русских. Укрепления, имеющиеся в наше время в русской Польше, являются лишь дальнейшим шагом в осуществлении той же самой идеи. Модлин, Варшава, Ивангород представляют собою не только цитадели, предназначенные для укрощения непокорной страны. Они являются такой же угрозой Западу, какую Петербург в сфере его непосредственного влияния представлял сто лет тому назад для Севера. Они должны превратить Россию в Панславонию подобно тому, как прибалтийские провинции превратили Московию в Россию.

Петербург, *эксцентрический центр* империи, сразу же указывал, что для него еще нужно создать периферию.

Таким образом, не само завоевание прибалтийских провинций отличает политику Петра Великого от политики его предшественников; истинный смысл этих завоеваний раскрывается в перенесении столицы. В отличие от Москвы Петербург был не центром расы, а местопребыванием правительства, не результатом длительного труда народа, а мгновенным созданием одного человека, не центром, определяющим свойства континентального народа, а морской окраиной, в которой они теряются, не традиционным ядром национального развития, а сознательно избранным местом для космополитической интриги. Перенесением столицы Петр порвал те естественные узы, которые связывали систему захватов прежних московитских царей с естественными способностями и стремлениями великой русской расы. Поместив свою столицу на берегу моря, он бросил открытый вызов антиморским инстинктам этой расы и низвел ее до положения просто массы своего политического механизма. Начиная с XVI в. Московия сделала важные территориальные приобретения только в Сибири, а до XVI в. непрочные завоевания на Западе и Юге были осуществлены лишь при непосредственном использовании Востока. Перенесением столицы Петр возвестил, что он, напротив, намерен воздействовать на Восток и на своих ближайших соседей, используя Запад. Если использование Востока было ограничено узкими рамками из-за замкнутого характера и неразвитых связей азиатских народов, то использование Запада с самого начала стало безграничным и всеобщим благодаря подвижному характеру и всесторонним связям Западной Европы. Перенесение столицы означало это намеренное изменение средств воздействия, а завоевание прибалтийских провинций дало возможность добиться такого изменения, сразу обеспечив России преобладание над соседними северными государства-

* ловкий прием (франц.) *Ред.*

ми, установив ее прямой и постоянный контакт со всеми пунктами Европы, заложив основу для материальных связей с морскими державами, которые благодаря этому завсегданию стали зависимыми от России в получении материалов для кораблестроения. Этой зависимости не существовало, пока Московия, страна, производившая большую часть материалов для кораблестроения, не имела своих собственных путей для их вывоза, тогда как Швеция — государство, державшее эти пути в своих руках, — не владела страной, расположенной за ними.

Если московитские цари, осуществлявшие свои захваты, главным образом используя татарских ханов, должны были *татаризовать* Московию, то Петр Великий, который решил действовать, используя Запад, должен был *цивилизовать* Россию. Захватив прибалтийские провинции, он сразу получил орудия, необходимые для этого процесса. Эти провинции не только дали ему дипломатов и генералов, то есть умы, при помощи которых он мог бы осуществить свою систему политического и военного воздействия на Запад, но одновременно в изобилии снабдили его чиновниками, учителями и фельдфебелями, которые должны были вымуштровывать русских, придав им тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприимчивости техники западных народов, не заражая их идеями последних.

Ни Азовское, ни Черное, ни Каспийское моря не могли открыть Петру этот прямой выход в Европу. К тому же еще при его жизни Таганрог, Азов и Черное море с его вновь созданным русским флотом, портами и верфями были опять заброшены или отданы туркам. Завоевание Персии тоже оказалось преждевременным начинанием. Из четырех войн, которые Петр Великий вел на протяжении своей жизни, его первая война с Турцией, плоды которой были потеряны во второй турецкой войне, продолжала, в известном смысле, традиционную борьбу с татарами. С другой стороны, она была лишь прелюдией к войне со Швецией, в которой вторая турецкая война являлась эпизодом, а персидская война — эпилогом. Таким образом, война со Швецией, длившаяся двадцать один год, поглощает почти всю военную деятельность Петра Великого. С точки зрения и целей, и результатов, и продолжительности мы с полным основанием можем назвать ее его *главной* войной. Все, что он создал, зависело от завоевания балтийского побережья.

Теперь предположим, что мы совершенно не знаем подробностей его военных и дипломатических операций. Но разве сам факт, что превращение Московии в Россию осуществилось путем ее преобразования из полуазиатской континентальной страны в главенствующую морскую державу на Балтийском море, не приводит нас к выводу, что Англия — величайшая морская держава того времени, расположенная к тому же у самого входа в Балтийское море, начиная с середины XVII в. сохранявшая здесь роль верховного арбитра, должна быть причастна к этой великой перемене? Разве Англия не должна была служить главной опорой или главной помехой планам Петра Великого и не должна была оказать решающее влияние на события во время затяжной борьбы не на жизнь, а на смерть между Швецией и Россией? Если мы не находим, что она прилагала все силы для спасения Швеции, то разве мы не можем быть уверены, что она использовала все доступные ей средства для содействия московиту? И тем не менее в том, что обычно именуется историей, Англия почти не появляется как участник этой великой драмы и выступает скорее в роли зрителя, чем действующего лица. Но подлинная история покажет, что правители Англии не менее способствовали осуществлению планов Петра I и его преемников, чем ханы Золотой Орды — осуществлению замыслов Ивана III и его предшественников.

Воспроизведенные нами памфлеты, хотя и написаны английскими современниками Петра Великого, далеки от того, чтобы разделять обычные заблуждения позднейших историков. Они энергично осуждают Англию как наиболее мощное орудие России. Та же самая точка зрения выражена и в памфлете, краткий анализ которого мы теперь дадим и которым мы закончим введение к разоблачениям дипломатии. Он озаглавлен *«Истина есть истина, когда она раскрывается вовремя, или Защита нынешних мероприятий нашего министерства против Московита и т. д. и т. д. Скромно посвящается палате о[бщин], Лондон, 1719 год»*¹⁷².

Памфлеты, которые мы воспроизвели выше, были написаны в то время или вскоре после того, как, по выражению одного современного поклонника России,

«Петр пересек Балтийское море как его властелин во главе объединенных эскадр всех северных держав», в том числе и Англии, «гордившихся тем, что плавают под его командованием»¹⁷³.

Но в 1719 г., когда был опубликован памфлет «Истина есть истина», положение дел, как видно, совершенно изменилось. Карла XII не было в живых, и английское правительство теперь делало вид, что находится на стороне Швеции и ведет войну против России. С этим анонимным памфлетом связаны и другие обстоятельства, заслуживающие особого внимания. Его содержание показывает, что он является извлечением из донесений, которое автор*, возвратившись в августе 1715 г. из Москвы, по распоряжению Георга I составил и вручил виконту Тауншенду, тогдашнему государственному секретарю.

«Случилось так,— пишет он,— что в настоящее время именно я оказался в выгодном положении и был первым, кто имел счастье предвидеть и быть столь честным, чтобы предупредить наш двор о безусловной необходимости порвать тогда с царем и снова вытеснить его из Балтийского моря». «Мое донесение раскрыло его цели по отношению к другим государствам и даже по отношению к Германской империи, к которой, хотя эта держава и является континентальной, он предложил присоединить Ливонию в качестве курфюршества, но, однако, с тем, чтобы самому стать курфюрстом. Это привлекло внимание к замысливавшемуся тогда царем принятию титула самодержца¹⁷⁴. Будучи главой православной церкви, он хотел, чтобы другие монархи признали его главой православной империи. Я не берусь сказать, насколько неохотно признали мы это наименование, поскольку одному из наших послов¹⁷⁵ уже поручили величать его титулом императорского величества, который шведы не желают признавать до сих пор».

Находясь одно время на службе в английском посольстве в Москве, наш автор, как он говорит, позднее был

«уволен со службы по желанию царя», который удостоверился, что «я даю нашему двору такое освещение его делам, какое содержится в этом документе. Я осмеливаюсь сослаться при этом на короля и подтверждение виконта Тауншенда, который слышал, как его величество приводил это объяснение». И несмотря на все это, «я в течение последних пяти лет вынужден был добиваться получения все еще не выплаченной мне суммы, большую часть которой я потратил, выполняя поручение покойной королевы **».

На антимосковитскую позицию, внезапно занятую кабинетом Стэнхоупа, наш автор смотрит довольно скептически.

«Настоящим документом я не намерен лишить министерство того одобрения публики, которого оно заслуживает, если даст нам удовлетворительное объяснение, какие причины до самого последнего времени заставляли его во всем притеснять шведов, хотя последние были тогда такими же нашими союзниками, как и теперь! Или почему оно всеми возможными средствами содействовало усилению царя, хотя он не был связан с Великобританией ничем, разве только хорошими отношениями... В тот момент, когда я пишу это, я узнал, что джентльмен, который менее трех лет тому назад, находясь во главе королевского флота, дал возможность москвитам, не пользуясь нашей поддержкой, впервые появиться на Балтийском море, снова уполномочен людьми, стоящими ныне у власти, вторично встретиться с царем на этом море. По каким соображениям и для какой цели?».

Упомянутый здесь джентльмен — это адмирал Норрис, балтийская кампания которого против Петра I, по-видимому, действительно явилась образцом при организации последних морских экспедиций адмиралов Нейпира и Дандаса¹⁷⁶.

Как торговые, так и политические интересы Великобритании требуют, чтобы прибалтийские провинции были возвращены Швеции. Сущность доводов нашего автора такова:

«Торговля стала жизненной необходимостью для нашего государства. То, что пища означает для жизни, то снабжение кораблестроительными материалами означает для флота. Вся торговля, которую мы ведем со всеми другими народами земли, в лучшем случае только прибыльна; торговля же на Севере совершенно необ-

* Дж. Маккензи. *Ред.*

** Анны. *Ред.*

ходима. Она по справедливости может быть названа *sacra embole* * Великобритания как ее важнейший выход за границу, нужный для поддержания всей нашей торговли и безопасности страны. Подобно тому как изделия из шерсти и полезные ископаемые являются основными товарами Великобритании, так материалы для кораблестроения являются основными товарами Московии, равно как и всех тех прибалтийских провинций, которые царь лишь недавно отнял у шведской короны. С тех пор как эти провинции перешли во владение царя, Пернау совершенно опустел. В Ревеле не осталось ни одного британского купца, и вся торговля, которая прежде велась в Нарве, теперь перенесена в Петербург... Шведы никогда не могли бы завладеть торговлей наших подданных, так как эти морские порты, когда они находились в их руках, были лишь транзитными пунктами для вывоза этих товаров. Места же их произрастания или выработки лежали позади этих портов, во владениях царя. Но, оставленные царю, эти балтийские порты станут уже не транзитными пунктами, а своеобразными складами для его собственных владений вдаль от моря. Поскольку он уже обладает Архангельском на Белом море, то оставить ему любой морской порт на Балтике значило бы не что иное, как отдать в его руки *оба ключа от главных европейских складов всех материалов для кораблестроения*. Ведь известно, что датчане, шведы, поляки и пруссаки имеют в своих владениях лишь немногие отдельные виды этих товаров. Если, таким образом, царь захватит в свои руки «снабжение тем, без чего мы не можем обойтись, что тогда станет с нашим флотом? Как же, кроме того, будет обеспечена вся наша торговля с любой частью света?».

«Если, таким образом, интересы британской коммерции требуют не допускать царя в Прибалтику, то наши государственные интересы должны не менее настоятельно побуждать скорее попытаться сделать это. Под интересами нашего государства я подразумеваю не действия кабинета в пользу его партии и не действия двора, вызванные его интересами за границей, но именно то, что составляет и всегда должно составлять непосредственную заботу о безопасности, удобствах, достоинстве или доходах короны, равно как и об общем благе Великобритании». Что касается Балтийского моря, то «с самого начала нашего морского могущества» важнейшей потребностью нашего государства всегда считалось, во-первых, — не допускать возвышения здесь какой-либо новой морской державы, а во-вторых, — поддерживать равновесие сил между Данией и Швецией.

«Одним из примеров мудрости и предусмотрительности наших *тогдашних истинно британских государственных мужей* является мир, заключенный в Столбове в 1617 году. Яков I был посредником при заключении этого договора ¹⁷⁷, в силу которого Московия должна была отдать все свои владения на Балтийском море и остаться исключительно континентальной державой в этой части Европы».

Такую же политику предупреждения возникновения новой морской державы на Балтийском море проводили Швеция и Дания.

«Кто не знает, что попытка императора получить морской порт в Померании послужила для великого Густава ¹⁷⁸ не менее важным, чем все другие, поводом для перенесения военных действий в самый центр владений австрийского дома? Что произошло при Карле-Густаве ** с самой Польшей, которая, помимо того, что являлась в тот период самой могущественной из всех северных держав, еще владела на большом протяжении побережьем и несколькими портами Балтики? Датчане, хотя и были тогда в союзе с Польшей, никоим образом не желали допустить существования ее флота на Балтийском море даже в обмен на помощь против шведов и уничтожали польские суда всюду, где бы они им ни попадались».

Что касается поддержания равновесия между силами морских держав, укрывшихся на Балтийском море, то и здесь традиции английской политики не менее ясны.

«Когда шведская держава своей угрозой раздавить Данию вызвала у нас некоторое беспокойство, мы поддержали честь нашей страны, восстановив нарушенное равновесие сил».

«Английская республика послала тогда в Балтийское море эскадру, что привело к заключению договора в Роскилле (1658 г.), подтвержденного затем в Копенгагене (1660 г.). Пожар, зажженный было датчанами во времена короля Вильгельма III, так же быстро потушил Джордж Рук при помощи Травендальского договора ¹⁷⁹».

Такова была исконная британская политика.

«Политикам того времени никогда не приходило в голову с целью вновь уравновесить чашу весов и установить более справедливый баланс сил на Балтийском море изобрести столь удачное средство, как создание здесь третьей морской дер-

* священным ключом. *Ред.*

** Карл X Густав. *Ред.*

жавы... Кто определил это Тиру, который раздавал венцы, купцы которого были князья, а торговцы — знаменитости земли? ¹⁸⁰ «Ego autem neminem pomino: quare irasci mihi nemo poterit, nisi qui ante de se voluerit confiteri»*. Потомству будет довольно трудно поверить, что это могло быть делом кого-либо из лиц, находящихся теперь у власти... что мы открыли царю путь в С.-Петербург исключительно на наши собственные средства и без всякого риска с его стороны».

Самой верной политикой было бы вернуться к Столбовскому договору и не позволять более москвиту «удобно устроиться на Балтийском море». Могут, однако, сказать, что «при настоящем положении дел» было бы «трудно вернуть те преимущества, которые мы утратили, не обуздав роста могущества москвитов тогда, когда это было гораздо легче сделать».

Средний курс можно считать более удобным.

«Если бы мы сочли, что предоставление москвиту бухты на Балтийском море согласуется с благосостоянием нашего государства, так как из всех европейских монархов только он владеет страной, которая может принести огромные выгоды своему государю путем сбыта ее продуктов на иностранных рынках, то вместе с тем тогда было бы вполне разумно рассчитывать, что, в ответ на сделанные нами до сих пор уступки царю в интересах и на благо его страны, его царское величество со своей стороны не потребует ничего, вызывающего нарушение чужих интересов, и потому удовольствуется торговыми судами, не требуя военных кораблей».

«Таким образом, мы должны воспрепятствовать его стремлениям когда-либо превратиться в нечто большее, чем континентальная держава», по вместе с тем «избегать всяких поводов для возражений, что наши отношения к царю хуже тех, на которые может рассчитывать любой суверенный монарх. Я не буду для этого приводить в качестве примера Генуэзскую или какую-либо иную республику на самом Балтийском море, или же герцога Курляндского. Я сошлюсь лишь на Польшу и Пруссию, которые, хотя и управляются теперь королевскими особами, всегда довольствовались свободой открытой торговли, не добываясь собственного флота. Или укажу на Фальчинский договор между турком и москвитом, в силу которого Петр вынужден был не только возвратить Азов и расстаться со всеми своими военными кораблями в этих краях, но и удовольствоваться одной лишь свободой торговли на Черном море ¹⁸¹. Даже бухта на Балтийском море для торговли — это гораздо больше того, что он сам еще не так давно, по всей видимости, рассчитывал получить в результате своей войны со Швецией».

Если царь откажется от такого «спасительного соглашения», нам «не о чем будет жалеть, кроме времени, потерянного на то, чтобы испытывать все средства, находящиеся, по милости неба, в наших руках, дабы склонить его к миру, выгодному для Великобритании».

Война тогда станет неизбежной. В этом случае «то, что царь Московии, обязанный своими морскими познаниями нашим наставлениям, а своим величием — нашей снисходительности, так скоро отказывается от соглашения с Великобританией на условиях, которые он всего несколько лет тому назад был вынужден принять от Высокой Порты, должно так же побудить наше министерство по-прежнему принимать те же меры, что и сейчас, как и зажечь негодованием сердца всех честных британцев».

«Мы во всех отношениях заинтересованы в возвращении Швеции провинций на Балтийском море, отнятых москвитом у шведской короны. Великобритания больше не может поддерживать равновесие на этом море», с тех пор как она «помогла Московии возвыситься там до положения морской державы... Если бы мы выполнили статьи нашего союзного договора, заключенного королем Вильгельмом со шведской короной, то эта доблестная нация всегда оставалась бы достаточно сильной преградой проникновению царя в Балтийское море... Время должно подтвердить нам то, что вытеснение москвиты из Прибалтики является в настоящее время главной задачей нашего министерства».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹²² Шлөзер (Schlözer), Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк и статистик, в 1760—1766 гг. жил в России, один из основоположников норманнской теории происхождения Русского государства. Главный его труд «Hector. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt» (Тт. 1—2. Göttingen. 1802). В экцерптных тетрадах Маркса содержатся выписки из т. 1 работы Шлөзера «Briefwechsel meist historischen und politischen Inhalts» (Göttingen. 1776; 4. Auflage. Göttingen. 1780) о некоторых моментах истории Шве-

* «Сам я никого не называю, и потому никто не сможет на меня сердиться, если только не захочет сам себя выдать». Цицерон. «Речь о предоставлении императора Гнею Помпею (о манинском законе XIII)» (латин.). Ред.

ции конца XVII — начала XVIII века. В период работы над «Разоблачениями» Маркс в связи с чтением книги Й. Добровского «Slavin» (Prag. 1834) упоминает ряд других сочинений Шлёгера, в том числе «Нестора» (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29, с. 13—14). Прямых свидетельств чтения им этих книг при работе над «Разоблачениями» не найдено.

¹²³ Речь идет о рецензии немецкого историка и путешественника Я. Фаллмейера (1790—1861) на книгу Ed. de Muralt «Essai de chronographie Byzantine pour servir à l'examen des Annales du Bas-Empire et particulièrement des Chronographes slaves de 395 à 1057» (опубликована в «Allgemeine Zeitung» 11, 12.1.1856). Говоря о русских историках, Маркс, по-видимому, имеет в виду прежде всего Н. М. Карамзина. В одной из эксерципных тетрадей к работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» Маркс выписывает из книги F. Eichhoff «Histoire de la langue et de la littérature des Slaves» (Р. 1839) имена следующих русских историков: «Щербатов (1733—1790), Хилков, Татищев, Голиков (1735—1801) (о Петре I), Болтин (1735—1792), наконец, Карамзин (1765—1826), Шишков (род. в 1754)» (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 955, л. 36).

¹²⁴ Олег (ум. в 912) — древнерусский князь, совершил успешный поход на Византию в 911 г.; Игорь (ум. в 945) — великий князь Киевский (912—945), осуществил два военных похода на Византию в 941 и 944 гг.; Святослав Игоревич (ум. в 972 или 973) — великий князь Киевский (около 945—972). Все они — князья династии Рюриковичей, последним представителем которой на московском престоле был царь Федор Иванович (ум. в 1598).

¹²⁵ Маркс цитирует по книге: Segur Ph. History of Russia and of Peter the Great. Lnd. 1829, p. 37.

¹²⁶ Анна (ум. в 1011) — дочь византийского императора Романа II (959—963), была отдана замуж за киевского великого князя Владимира Святославича (980—1015, в крещении — Василий) в 987 г. братом, византийским императором Василием II (976—1025), уже после смерти своего отца. С именем Владимира Святославича (Владимир Красное Солнышко) связаны принятие на Руси христианства (988—989) и расцвет Киевской Руси; германский император — это последний император Священной Римской империи (см. прим. 82) под именем Франца II и первый император Австрии под именем Франца I, дочь которого Мария Луиза в 1810 г. стала женой Наполеона I.

¹²⁷ Карл Великий (742—814) — франкский король (768—800), с 800 г. император Священной Римской империи.

¹²⁸ По-видимому, Маркс намекает здесь на один из пунктов так называемого Завещания Петра Великого — подложного документа, который в XIX в. в различных вариантах неоднократно публиковался в Западной Европе. Подложность «Завещания» впервые была доказана в работах Беркхольца (см. Berkholtz G. Das Testament Peters des Grossen. — Baltische Monatsschrift, Oktober 1859, S. 61—73; eju s d. Napoleon I — auteur du testament de Pierre le Grand. Bruxelles. 1863).

¹²⁹ Иоанн I Цимисхий (около 925—976) — византийский император (969—976).

¹³⁰ Ярослав Мудрый (около 978—1054) — великий князь Киевский (1019—1054).

¹³¹ Речь идет об Андрее Боголюбском (около 1111—1174); с 1157 г. первый великий князь Владимиро-Суздальский.

¹³² Здесь у Маркса, который в изложении фактов следует за книгой Сегюра (с. 70—71), неточность: третьим князем (1176—1212) на престоле Владимиро-Суздальского княжества был Всеволод Большое Гнездо, брат Андрея Боголюбского, при котором территория княжества расширилась, возросло его политическое и культурное значение; его преемником был сын Юрий (Георгий) (1189—1238), который после ряда междоусобиц восстановил авторитет княжества. Конец существованию Владимиро-Суздальского княжества был положен нашествием Батыя в 1238 году.

¹³³ Чингисхан (1162—1227) — основатель Монгольской империи.

¹³⁴ Датировка взята Марксом из книги Сегюра (с. 73—80); конец монголо-татарскому игу на Руси был положен в 1480 г. в результате длительной борьбы русского народа (см. прим. 149).

¹³⁵ Маркс имеет в виду возвышение в XIV в. Московского княжества, а также военные победы русских войск под командованием Дмитрия Донского над полчищами Золотой Орды (битва на р. Воже в 1378 г., на Куликовом поле в 1380 г.). Маркс позднее в «Хронологических выписках», сделанных в 1882 г., отмечал, в частности: «8 сентября 1380 г. битва на широком Куликовом поле. Полная победа Дмитрия; на той и на другой стороне вместе пало, как говорят, 200 000 человек» (см. Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII, с. 151).

¹³⁶ Segur Ph. Op. cit., pp. 213—214.

¹³⁷ Юрий Данилович (1281—1325) — князь Московский (1303—1325), великий князь Владимирский (1317—1325); Иван I Данилович Калита (ум. в 1340 г.) — с 1325 г. князь Московский, великий князь Владимирский (1328—1340); Узбек (около 1282—1342) — хан Золотой Орды (1312—1342).

¹³⁸ Речь идет об одной из ветвей династии Рюриковичей, князьях Тверского княжества, существовавшего в XIII—XV веках. В борьбе за власть с московским князем Юрием Даниловичем тверской князь Михаил Ярославич (1271—1318) потерпел поражение и был убит (как впоследствии в 1339 г. его сын и внук — см. прим.

141) в ставке хана Узбека. В тексте у Маркса хронологическая неточность, перешедшая из книги Сегюра (с. 90–91, 94).

¹³⁹ Иван III (1440–1505) – великий князь Московский (1462–1505).

¹⁴⁰ Резиденция митрополита была окончательно перенесена в Москву в 1328 г.

¹⁴¹ Александр Михайлович (1301–1339) – великий князь Тверской с 1326 г., в 1339 г. убит в Золотой Орде вместе с сыном Федором.

¹⁴² Семен Иванович Гордый (1316–1353) – великий князь Московский (с 1340) и Владимирский (с 1341).

¹⁴³ Софья (Зоя) Палеолог (около 1448–1503) – вторая жена Ивана III, великая княгиня Московская с 1472 г., племянница последнего византийского императора Константина XI Палеолога (см. прим. 167).

¹⁴⁴ В 1492 г. Иваном III была отправлена грамота турецкому султану Баязиду II (1481–1512), содержащая протест против притеснений русских купцов в турецких владениях.

¹⁴⁵ Здесь Маркс, по-видимому, имеет в виду Карамзина, на которого ссылается Сегюр (с. 125) при описании поведения Ивана III при «стоянии на Угре» (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. Спб. 1817, с. 140–151).

¹⁴⁶ Ногайская Орда (от Волги до Иртыша) выделялась из Золотой Орды фактически еще в конце XIV в., а окончательно – в 1426–1440 гг.; Тимур (Тамерлан) (1336–1405) нанес сокрушительный удар Золотой Орде в трех больших походах 1389, 1391, 1394–1395 годов. Во второй половине XV в. на южных и юго-восточных окраинах Русского государства из беглых крестьян и посадских людей образовались вольные общины казаков, которые использовались властями для несения сторожевой службы в этих районах. Крымские татары в результате длительной борьбы выделились из состава Золотой Орды в 1443 г., образовав Крымское ханство, в 1475 г. оно признало вассальную зависимость от Османской империи. Золотая Орда во второй четверти XV в. практически прекратила свое существование, ее наследницей стало татарское государство в низовьях Волги под именем «Большой Орды».

¹⁴⁷ Речь идет об Ахмате (ум. в 1481), хане Большой Орды (1459–1481).

¹⁴⁸ Выплата дани Большой Орде (см. прим. 146) была прекращена Иваном III в 1476 году.

¹⁴⁹ Основным фактором, который привел к освобождению Великого княжества Московского от монголо-татарского ига, была героическая борьба русского народа. События, завершившие эту борьбу, изложены Марксом неточно. Хан Ахмат предпринял два похода против Москвы: в 1472 г., после взятия Алексина, он отступил перед русским войском; в 1480 г. на р. Угре против войска Ахмата стояли сильные отряды русских, и он также был вынужден отступить, а 6 января 1481 г. его убил ногайский князь Ивак. «Стояние на Угре» положило конец 240-летнему монголо-татарскому игу на Руси. Крымский хан Менгли-Гирей (ум. в 1515, хан с 1468) действительно разгромил Большую Орду, но это случилось позднее, в 1502 году.

¹⁵⁰ Вятская земля в 1459 г. была подчинена Москве, но пользовалась известной самостоятельностью. В 1489 г. Вятская земля окончательно вошла в состав Великого княжества Московского.

¹⁵¹ Псковская феодальная республика существовала как самостоятельное государственное образование с 1348 по 1510 год.

¹⁵² Речь идет о победе московского войска над новгородцами в 1471 г. на р. Шелони.

¹⁵³ Эту и приведенную ниже цитату Маркс берет из книги Сегюра (с. 132).

¹⁵⁴ Речь идет о том, что после 1475 г. вопреки прежним установлениям судопроизводство по жалобам новгородцев стало вестись не в их родном городе, а в Москве.

¹⁵⁵ Послами Новгородской республики при Великом княжестве Московском в 1477 г. были подвойский (должностное лицо для передачи вестей) Назар и вечевой дьяк Захар.

¹⁵⁶ Макиавелли (Machiavelli), Николо (1469–1527) – итальянский политик, философ, историк и писатель.

¹⁵⁷ Маркс цитирует книгу Сегюра (с. 134).

¹⁵⁸ Окончательное включение Новгорода в состав Русского централизованного государства произошло в 1478 году.

¹⁵⁹ Дети боярские – обедневшие потомки бояр, не унаследовавшие крупных земельных владений предков, а следовательно, и принадлежности к боярству. С установлением обязательной службы в Русском государстве дети боярские постепенно сливались с дворянами и составили средний класс служилых людей.

¹⁶⁰ Речь идет о своеобразной республике украинского казачества (Запорожская Сечь), возникшей в середине XVI в.; была лишена независимости Петром I в 1709 г. и окончательно уничтожена Екатериной II в 1775 году.

¹⁶¹ Последний самостоятельный тверской князь Михаил Борисович (1461–1485), женатый на внучке литовского князя Казимира IV Ягеллончика (1440–1492, с 1447 и польский король), стремился освободиться от растущей зависимости от Москвы и с этой целью вступил в договорные отношения с Литвой. Однако Ивану III удалось сломить сопротивление тверского князя, и в 1485 г. Тверь окончательно вошла в состав Великого княжества Московского. Так закончилась борьба тверских и московских князей за первенство на Руси (см. прим. 138).

¹⁶² У Ивана III было четыре брата, уделы которых были в разное время присоединены к великокняжеским владениям. Один из братьев, Андрей Большой, умер в заточении.

¹⁶³ Максимилиан I (1459–1519) – император Священной Римской империи (1493–1519); Матвей Корвин (Маттиас I Хуняди, 1443–1490) – венгерский король (1458–1490); Стефан III Великий (ум. в 1504) – молдавский господарь (1457–1504).

¹⁶⁴ После смерти Казимира IV Ягеллончика (1427–1492) польский престол достался его сыну Яну Ольбрахту (1459–1501, король с 1492), а литовский – другому сыну, Александру Ягеллону (1460 или 1461–1506), ставшему в 1501 г. также польским королем.

¹⁶⁵ Брак Елены, дочери Ивана III и Софьи Палеолог, с литовским великим князем Александром был заключен по инициативе и настоянию литовской знати, рассчитывавшей тем самым добиться уступок от Ивана III.

¹⁶⁶ В результате войн Ивана III с Великим княжеством Литовским (1487–1494 и 1500–1503) к Москве отошел ряд западных русских городов и прилегающих к ним земель (Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др.). Смоленск был присоединен к России в 1514 г., уже после смерти Ивана III.

¹⁶⁷ События излагаются здесь неточно. Стремясь спасти Византийскую империю от турецкого завоевания, представители восточной христианской церкви пошли в 1439 г. на Флорентийском соборе на заключение так называемой Флорентийской унии. Они согласились признать главенство папы в церкви, принять догмы католического вероучения при сохранении обрядовой стороны православия. После взятия Константинополя турками в 1453 г. брат последнего византийского императора Константин XI Палеолога (1449–1453) Фома с семьей нашел убежище в Риме. Папа Павел II, разработав план женитьбы Ивана III на дочери Фомы Палеолога Софье (Зое), рассчитывая, опираясь на решения Флорентийской унии, посредством этого брака утвердить свою власть над православной церковью на Руси. Брак Ивана III и Софьи был заключен уже при папе Сиксте IV, 12 ноября 1472 года. Иван III использовал этот брак для укрепления престижа Руси в международных отношениях и авторитета великокняжеской власти внутри страны; примас – Филипп (ум. в 1473), митрополит с 1464 года.

¹⁶⁸ Как явствует из письма Маркса Энгельсу от 9 апреля 1857 г., он использовал в этой главе одну из неопубликованных статей Энгельса о панславизме (см. об этом введение к публикации). «В последней моей статье, – писал Маркс, – я дословно использовал одну из твоих, где говорится о Петре I» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 29, с. 99).

¹⁶⁹ Эту цитату Маркс приводит по книге Сеюра (с. 312). Кантемир Дмитрий Константинович (1673–1723) – молдавский ученый-энциклопедист, господарь (1710–1711).

¹⁷⁰ Имеются в виду русско-турецкие войны конца XVII в. и 1710–1713 гг. и поход Петра I в 1722–1723 гг. в прикаспийские владения Ирана.

¹⁷¹ *Lettres du comte Algarotti sur la Russie*. Lnd. 1769, p. 64. Альгаротти (Algarotti), Франческо, граф (1712–1764) – итальянский ученый и писатель. Эту цитату приводит А. С. Пушкин в первом примечании к поэме «Медный всадник».

¹⁷² См. прим. 89.

¹⁷³ *Segur Ph. Op. cit.*, p. 304.

¹⁷⁴ Петр I принял титул императора в 1721 году.

¹⁷⁵ Речь идет о Чарлзе Уитворте (Withworth) – английском дипломате, с февраля 1705 г. посланнике в Петербурге. Его книгу (*An Account of Russia as It Was in the Year 1710*, Strawberry-Hill, 1758) Маркс конспектировал при работе над «Разоблачениями».

¹⁷⁶ Иронический намек на действия английского флота во время Крымской войны (1853–1856) под командованием Чарлза Нейпира (1854) и Ричарда Дандаса (1855).

¹⁷⁷ Столбовский мирный договор 1617 г. был заключен при посредничестве Англии между Россией и Швецией после провала польской и шведской интервенции начала XVII в. в Россию. Швеция возвращала России ряд русских городов, но удерживала территории в Карелии и Прибалтике, отрезав тем самым Россию от Балтийского моря. Границы, установленные Столбовским миром, сохранялись до Северной войны (1700–1721). Яков I (1566–1625) – король Великобритании и Ирландии (1603–1625).

¹⁷⁸ Имеется в виду Фердинанд II (1578–1637) – император Священной Римской империи (1619–1637); Густав II Адольф (1594–1634) – шведский король (1611–1632) и полководец.

¹⁷⁹ Договоры в Роскилле и Копенгагене – см. прим. 117; Рук (Rooke), сэр Джордж (1650–1709) – английский адмирал; в 1700 г. главнокомандующий англо-голландской эскадрой, посланной на помощь Карлу XII во время датско-шведской войны. Травендальский договор – см. прим. 68.

¹⁸⁰ Библия, книга Исая, гл. 23, стих 8.

¹⁸¹ Речь идет о договоре 1711 г., подписанном в ходе русско-турецкой войны 1710–1713 гг. при турецком султани Ахмеди III (1703–1730).